

ISSN 2218-7405 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Основан в 2009 г.
Том 9, № 8, 2018

Главный редактор – **В.Н. Абросимов**
Зам. главного редактора – **Т.А. Магсумов, П.А. Кисляков**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Founded in 2009
Volume 9, Number 8, 2018

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**
Deputy Editors – **T.A. Magsumov, P.A. Kislyakov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**

Красноярск, 2018
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 8, 2018, 198 с.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-39175 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2218-7405).

Журнал выходит ежемесячно

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,242.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 9, Number 8, 2018, 198 p.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77-39175) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2218-7405).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,242.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Bădicu Georgian – Ph.D., Professor, Transilvania University from Brasov (Брашов, Румыния);

Аминов Тахир Мажитович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация);

Бобкова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и менеджмента, Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ "НИИ Педагогики и Психологии" (Чебоксары, Российская Федерация);

Гайфутдинов Азат Минабутдинович – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Набережночелнинский государственный педагогический университет (Набережные Челны, Российская Федерация);

Денисенко Фелицата Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик ФГБОУ ВО "Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева" (Красноярск, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Зосименко Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, специального образования и менеджмента, член-корреспондент Академии международного сотрудничества по креативной педагогике, Сумский областной институт последипломного педагогического образования (Сумы, Украина);

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государствен-

ный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им.А.Н. Туполева (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация);

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского" (Нижегород, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника отделения правовой работы ФГКУЗ "Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации" (Балашиха, Московская обл., Российская Федерация);

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Синагатуллин Ильгиз Миргалимович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск, Российская Федерация);

Соловьев Александр Николаевич – доктор педагогических наук, декан факультета довузовской подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва, Российская Федерация);

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и реабилитационных технологий, ФГБНУ "Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии" (Москва, Российская Федерация);

Трушников Денис Юрьевич – кандидат педагогических наук, зам. по УМР, Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области «Физико-математическая школа» (Тюмень, Российская Федерация);

Тухватуллин Булат Талирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники, Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (Новосибирск, Российская Федерация);

Финогенова Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация);

Фролов Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса" (Владивосток, Российская Федерация);

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Ивановский государственный университет" (Шуя, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-6-22

УДК 316.6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ СТАРЕНИЯ

Гудзовская А.А.

Тема исследования. Представления о себе пожилых людей с разными типами старения.

Предмет исследования: структура категорий представлений о себе, отраженных в Я-концепции пожилых людей.

Цель. Мы ставили целью определить направления психологической поддержки пожилых людей, для чего изучить представления пожилых людей о себе и своей жизни, соотнести представления с типом старения. Эта цель вызвана тем обстоятельством, что в психологической литературе недостаточно опубликованных исследований, позволяющих построить эффективную психологическую помощь пожилым людям, учитывающую особенности именно этого возрастного периода жизни.

Методы. Полуструктурированное интервью для определения типа старения (по А. Качкину). Контент-анализ эссе «Я человек» для выявления представлений о себе.

Результаты. Экспериментальная работа позволила выявить долю людей пожилого возраста, которые нуждаются в психологической поддержке – это почти половина всех стариков. Жизнь этих людей не освещена надеждой, каким-либо интересами, их тип

старения – угасающий, то есть психологически они ждут конца своей жизни. Другая половина пожилых людей является примером того, что, несмотря на часто не легкие материальные условия, разочарования, отсутствие социального статуса, жизнь в позднем возрасте может оставаться деятельной, творческой, насыщенной, осмысленной.

Выводы. *Найденные взаимосвязи между типами старения и субъективно-психологическими характеристиками пожилых людей, позволяют перейти к этапу построения специализированной психологической помощи в позднем возрасте, основанной на развитии представлений о себе и собственной жизни.*

Область применения результатов. *Результаты проведенного исследования позволили разработать программу по психологии для образовательного проекта «Университет пожилых 2.0» Ассоциации выпускников СамГУ, (Проект 17-2-005755 фонда Президентских грантов).*

Ключевые слова: *пожилые; возраст; тип старения; представления о себе; психологическая поддержка пожилых.*

SELF-REPRESENTATIONS OF OLDERLY PEOPLE WITH DIFFERENT AGING TYPES

Gudzovskaya A.A.

Theme of the study. *Self-representations of the elderly with different types of aging.*

Subject of the study: *the categorical structure of self-representations reflected in the I-concept of the elderly.*

Purpose. *The scientific goal of this study is to investigate the types of psychological support for elderly people, thus, their self-representations have been studied and related to a type of aging. This goal has been evoked by the fact that nowadays there is a lack of published studies on psychological support for elderly people that cover features of that period of aging.*

Methods. *Semi-structured interview has been chosen to determine the type of aging (method of A. Kachkin). Content analysis of the essay “I am a person” has provided elderly’s representations of themselves.*

Results. *The empirical study has shown the number of elderly people that require psychological support – almost 50%. Those people live their lives without any hope or interests; they have the psychological type of aging that is called “fading away”, during which elderly people are basically waiting to die. The other 50% have demonstrated a more positive example of an active, creative and thoughtful way of life that an elderly person can have in spite of difficult living conditions, frustration and low of social status.*

Conclusions. *The results have revealed the correlation between the types of aging and subjective psychological characteristics of elderly people, which allows to proceed to the next phase of the study – construction of the specialized help for the elderly, based on their self-representations.*

Practical implications. *The results of the study have become the foundation of a psychology program for the educational project “University of elderly people 2.0” organized by Association of Samara State University Alumni. This article is funded by the Presidential Grants Fund (project 17-2-005755).*

Keywords: *elderly people; age; type of aging; self-representation; psychological support of the elderly.*

Каждый возрастной этап жизни человека сопровождается изменениями в самоотношении, самосознании. Теоретическим конструктом в психологии, отражающим эмоционально-когнитивное отношение человека к себе является Я-концепция. Я-концепция начинает формироваться в детские годы и является достаточно устойчивой структурой самосознания. Вместе с тем жизненный опыт, течение времени и жизненные обстоятельства оказывают влияние на ее содержание.

Среди геронтологических исследований Я-концепции в российской психологии широко известно эмпирическое исследование О.В. Красновой, посвященное анализу соотношению социальной и

личностной идентичности [5]. В зарубежных исследованиях старение позиционируется как период обновления Я-концепции, период поиска новой самоидентификации (П.Б. Бэлтс, Д.Б. Бромли, Д. Фрайд, Р.И. Миллсэп, Дж.Р. Хэвигхёрст, Д.Х. Кослер, С.Д. Рифф [18]).

Рассматривая психологические особенности людей позднего возраста, исследователи обращают внимание на то, что старение происходит по-разному у разных людей (М.Э. Елютина, М.В. Ермолаева, Л.В. Прохорова, Н.Г. Ковалева, И.Г. Калашников, Л.А. Мулюкина, И.В. Ольховская, В.Д. Шапиро и др.).

В этом ключе разработана теория возрастной периодизации Э. Эриксона, согласно которому, поздний период жизни, как и остальные этапы жизни, может проходить успешно, или не успешно [8]. На положительном полюсе прохождения периода старения – результат выполнения человеком главной задачи возраста – интеграция событий предыдущей жизни, формирование целостности Я. На противоположном полюсе отчаяние, которое охватывает человека, если задача не решена. Отчаяние связано с неудовлетворительной оценкой прожитой жизни, которая воспринимается цепью упущенных возможностей, ощущением недостатка времени что-то исправить, чувством безнадежности и страхом смерти.

Фактором, способствующим сохранению умственных и эмоциональных качеств, развитых человеком в процессе жизни, В. Франкл считает плодотворную насыщенную жизнь [10]. Л.И. Анцыферова говорит о том, что люди по-разному могут воспринимать свой возраст, и могут относиться к нему как к освобождению от социальных ограничений, предписаний и стереотипов рабочего периода. Такое отношение положительно сказывается на оценочном компоненте Я-концепции [1]. Одна из самых влиятельных концепций благополучного старения принадлежит С.Д. Ryff, который на эмпирическом материале показывает, что самопринятие, цель в жизни, автономия, позитивные отношения с другими, понимание своего потенциала саморазвития, способность управлять сложной средой в соответствии с собственными потребностями, обеспечивают позитивное функционирование [18].

В социологическом эмпирическом исследовании ведущих интересов и отношений пожилых людей А. Качкин выявил семь типов старения: семейный, творческий, политический, религиозный, одинокий, угасающий, больной [4]. Три из выявленных семи типов могут свидетельствовать о преобладании отчаяния над интеграцией и целостностью. Отчаяние, по Э. Эриксону, связано с неудовлетворительной оценкой прожитой жизни, которая воспринимается цепью упущенных возможностей [8]. Такой человек осознает, что времени что-то исправить остается мало, он испытывает безнадежность, страх смерти.

Исследователи, в частности S. MacLeod, S. Musich, K. Hawkins, K. Alsgaard, отмечая существование двух групп старения – устойчивых и уязвимых, говорят о необходимости исследования личностных черт и самооотношений устойчивых пожилых людей, особенно тех, кто старше 100 лет, для того, чтобы можно было строить обоснованные направления социальной поддержки и помощи для уязвимой в психологическом плане группы стариков [16].

В данной работе мы ставили своей целью выявление возрастных изменений Я-концепции в пожилом возрасте, для определения направления психологической поддержки пожилых людей, улучшающие их психологическое благополучие. В России и за рубежом есть государственные и волонтерские службы, ориентированные на содействие психологическому благополучию пожилых (L.A. Weiss, G.J. Westerhof и E.T. Bohlmeijer [19], М.В. Ермолаева [2], Л.В. Прохорова [7], С.Л.М. Keyes, D. Shmotkin и С.Д. Ryff [15]). Социальная и психологическая помощь пожилым людям строится зачастую как поддержка физического здоровья, без учета их представлений о себе, особенностей Я-концепции. Вместе с тем практические исследования российских и зарубежных ученых показывают, что на психологическом благополучии пожилых сказываются: возможности самореализации [13], активного осмысленного образа жизни [12], удовлетворения аффилиативных потребностей [3], [7].

Гипотеза исследования. Конструктивный тип старения с позитивным функционированием отмечается у тех пожилых, в Я-концепции которых представлена множественная социальная идентичность

(много социальных идентификационных общностей), в представлениях о себе фигурируют цели и смысл жизни.

В экспериментальном исследовании приняли участие 40 мужчин и женщин в возрасте от 57 до 80 лет. Среди обследованных 23 женщины и 17 мужчин. Образование обследованных: неполное среднее – 22 человека, среднее, среднее специальное, незаконченное и законченное высшее – 18 человек. Почти половина (19 человек) в выборке – вдовы, 17 – человек живут с супругом/супругой, 4 – разведены. Все участники – неработающие пенсионеры.

Методы диагностики

В качестве основного метода исследования использованы полуструктурированное интервью и метод контент-анализа эссе на тему «Я человек».

Полуструктурированное интервью по определению типа старения основано на выявлении интересов в соответствии с классификацией А. Качкина [4]. Интервью включило в себя вопросы об основных занятиях пожилых людей, о тех видах деятельности и времяпрепровождения, которые приносят удовольствие. Отдельная часть вопросов посвящена состоянию здоровья пожилого человека, его отношению к своему физическому состоянию, к болезням, к возрастным изменениям.

Контент-анализ эссе «Я человек». Содержательно-количественный анализ позволил определить 27 категорий, среди которых: тело, внешность, действия, занятия, интересы, качества личности, характеристики, умения и возможности, семья, друзья, люди, животные, вещи, идеи, смысл, обязанности, понятия, отличие, идентичность, оценка, мнения, чувства, стихия, права, знания, обращения. Для характеристики группы брались среднее количество слов той или иной категории и количество человек (в %), использовавших слова той или иной категории.

Связь демографических факторов и типов старения. Среди опрошенных пожилых людей 40% относятся к семейному типу, ориентированному на благополучие своей семьи. Они интересуются

делами детей, внуков, участвуют в ведении хозяйства и в заботе о воспитании внуков. Около трети пожилых (32,5%) отнесены к угасающему типу. Эти люди говорили об отсутствии интереса или невозможности заниматься тем, чем хотелось бы, об усталости от жизни. Среди них больше половины вдовых. Остальные типы старения в выборке встречаются реже или в сочетании с двумя перечисленными, например, угасающий – больной, семейный – социальный, семейный – угасающий, творческий – религиозный и др. Творческий тип старения наблюдается в основном у семейных людей, религиозный – среди вдовых, причем только у женщин.

Возраст опрошенных не сказывается на типе старения. Прослеживается связь типа старения и образования. Образование выше среднего, среднее специальное и высшее открывает перед человеком дополнительные сферы жизни – социальную, то есть заботу об общественном благе, творческую, что отражается в соответствующем типе старения. Пожилые люди, имеющие образование 3–5 классов, чаще всего (71,4%) имеют угасающий тип старения, в основном чувствуют свою жизнь прошедшей зря, отмечают в жизни только печальные и трудные стороны. Людям, имеющим невысокий уровень образования, с одной стороны, больше всего нужна психологическая помощь и социальная забота, с другой, – они менее всего склонны за такой помощью обращаться, давно потеряли надежду на то, что можно жить лучше.

Семейный, творческий, религиозный, социальный типы старения и их сочетания являются конструктивными, с положительным (удовлетворительным) отношением к жизни. Хорошее самочувствие в пожилом возрасте связано с уверенностью в себе пожилых людей, с возможностью сохранения посильного труда и общения с внешним миром. А. Gaggioli, L. Morganti, S. Bonfiglio на основании эмпирических исследований отмечают, что контакт между пожилыми родителями и их детьми способствует психосоциальному благополучию как пожилых людей, так и их взрослых детей [11].

Угасающий, одинокий, больной типы старения отражают преимущественно негативное отношение к жизни. Неудовлетворенность

жизнью пожилые объясняют влиянием семейных конфликтов, материальных трудностей и плохого здоровья. Также плохой настрой к жизни у стариков связан с тем, что их не почитают дети и внуки, в их советах никто не нуждается, они переживают утрату смысла и целей жизни. Лонгитюдное исследование пожилых людей, проведенное S.E. Jackson, R.J. Beeken и J. Wardle в Англии, показало, что именно дискриминационное отношение к старикам, затрудненные условия самореализации, являются факторами, приводящими к депрессиям, отклонениям в здоровье, ожирению, а не наоборот, как обычно принято считать [14].

Таким образом, снижение психологического благополучия пожилых людей связано не с возрастом, не с состоянием здоровья, а с сужением круга интересов, возможностью устанавливать и вступать в контакты, стремление к самореализации (C.D. Ryff [18]).

Результаты эмпирического исследования

Количественный анализ эссе «Я человек» показал, что объем текстов имеет большой разброс – от 20 до 210 слов ($\bar{X}=65,1\pm 20$). В каждом тексте использовано в среднем 9,7 выделенных нами категорий. Пожилые люди, получившие среднее или выше образование использовали в среднем 73,3 слова, тогда как люди, имеющие неполное среднее образование, употребляли при самоописании 57,4 слова.

Наиболее многочисленными категориями по количеству отнесенных к ним слов являются категории *семья* ($\bar{X} = 3,35$), *внешние факторы* ($\bar{X} = 2,71$), *социальная идентификация* ($\bar{X} = 2,43$) (см. таблицу 2). Категория *семья* объединяет все упоминания о родственниках, супругах, детях, внуках. К категории *внешние факторы* отнесены отсылки к внешнему влиянию на судьбу автора текста, экстернальный локус контроля, стихийно складывающиеся обстоятельства (например, «*Обстоятельства заставили уйти с работы*», «*Жизнь сложилась удачно*» и пр.). Категория *внешние факторы* является характерной только для возрастной группы пожилых людей. Люди других возрастов, размышляя над темой «Я человек» практически никогда не используют грамматические конструкции такого рода.

Категория *социальная идентификация* включает в себя паспортные данные, место жительства, пол, принадлежность к социальной группе пенсионеров, к своему поколению.

Таблица 2.

Частота популярных категорий в тексте эссе (ср. значения)

	Семья	Внешн. факторы	Идент.	Занятия	Люди	Вещи	Интересы
Все	3,35	2,71	2,43	2,18	2,13	2,13	1,18
Мужчины	4,3	3,0	2,4	1,9	2,7	3,4	4,6
Женщины	3,2	2,7	2,4	2,2	2,0	1,8	0,5

Одинаково часто в текстах встречаются слова категорий – «люди» и «вещи» ($\bar{X}=2,13$). В категорию *люди* отнесены упоминания незнакомых людей, людей вообще (например, «Я, как и другие люди»), людей, объединенных по какому-либо признаку («Мы, с одноклассниками...»), «Я похож на своих сверстников...»), а также высказывания автора об отношении к людям («Мне нравится современная молодежь»), указание на отношение других людей к автору («Начальство на работе меня уважало»).

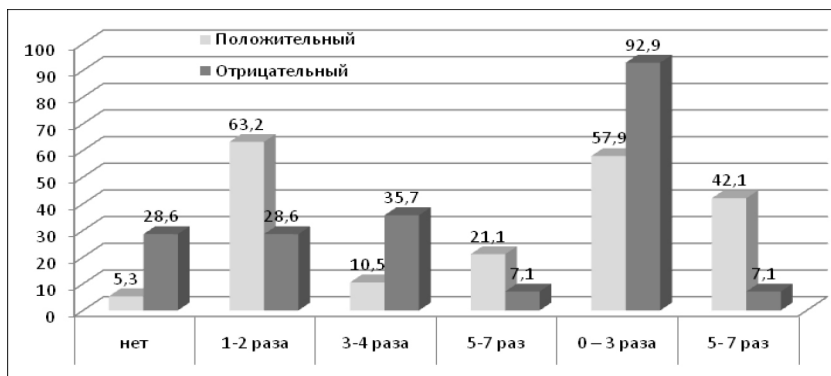
В категории *вещи* испытуемые упоминают о вещах и предметах их окружающих. Например, не просто «читаю», а «читаю книги», «выращиваю на огороде огурцы, помидоры...»), «у меня уютный дом». При интерпретации проективных текстов, рисунков, акцент на вещах обычно расценивается как наличия чувства одиночества у автора.

Дальнейший анализ проведем, сравнивая частоту использования категорий в текстах пожилых людей с положительными и отрицательными типами старения. Большинство категорий имеет одинаковую актуальность или ее отсутствие. Например, типичная для разных возрастных групп категория *друзья* не нашла своего отражения ни в одном эссе участников данного исследования.

Вместе с тем есть существенные различия в частоте обращения к таким категориям как *социальная идентификация* (отнесение себя к разным социальным группам), *люди*, *интересы*, *смысл*.

На рисунке 1 представлено количество человек использовавших слова категорий *люди* и *идентичность* в своих эссе.

В содержании сознания лиц пожилого возраста с негативным типом старения *другие люди* представлены реже в сравнении с положительными типами старения (71,4% и 94,8% соответственно). Примерная пятая часть (21,1%) сочинений пожилых людей с положительным отношением к жизни содержит 5–7 обращений к этой категории, что говорит о разнообразных контактах авторов строк с социумом, представленности социального мира в их сознании, широких социальных интересах.

Рис. 1. Частота использования слов категорий *люди* и *идентичность* в сочинениях пожилых людей с разными типами старения

Слова категории *социальная идентичность* используются в двух группах пожилых людей с разной интенсивностью. В группе с негативными типами старения пожилые люди указывают в основном 1–3 идентификационные общности, чаще всего «Я пенсионер», «Я больной человек». Данные говорят о том, что множественность идентификационных общностей (5–7 разных) связана с положительным типом старения и отношением к жизни. Возможно, что включенность человека в разные группы, ощущение себя не одиноким и брошенным, а принадлежащим к какой-то общности позволяет человеку с оптимизмом смотреть на собственную жизнь.

В исследовании самооценки качества жизни пожилых людей, проведенное Л.В. Прохоровой, сделаны выводы, согласующиеся с полученными закономерностями [7]. Ею обнаружена положительная связь уровня социального интеллекта и уровня субъективного

благополучия. Отношения с людьми обеспечивают такой аспект благополучного старения как социальное благополучие. G.J. Westerhof, C.L.M. Keyes, L.A. Weiss, E.T. Bohlmeijer отмечают, что если для пожилого человека характерны заинтересованность и позитивное отношение к другим людям и обществу, если он осознает что его вклад ценится обществом, ощущает свою принадлежность к общественным группам, видит потенциал их развития, то старение такого человека происходит на качественно другом уровне [19], [20].

На рисунке 2 представлено соотношение доли человек, использующих разное количество слов, относящихся к категориям *интересы* и *смысл*.

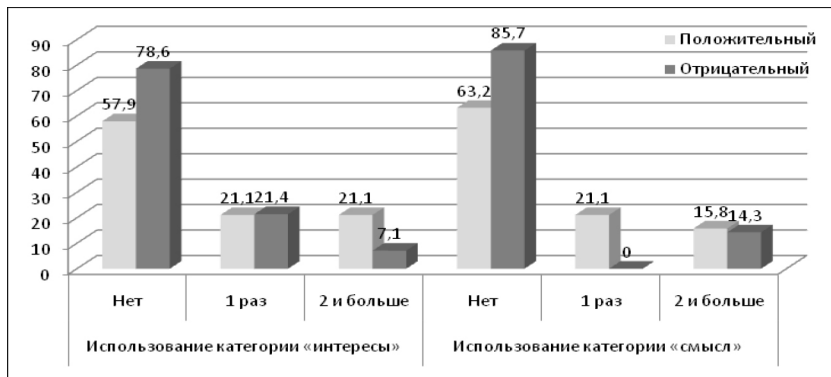

Рис. 2. Частота использования слов категорий *интересы* и *смысл* в сочинениях пожилых людей с разными типами старения

Из рисунка 2 видно, что при положительном отношении к жизни авторы текстов спонтанно обращаются к категории *смысл*, размышляют о смысле жизни, называют его (36,8% всех представителей этого типа). При отрицательном отношении к жизни таких авторов всего 14,3%, то есть у 85,7% людей отсутствуют упоминания о каком-либо смысле происходящего или своей жизни. Данные согласуются с опубликованными F. Nyqvist результатами исследований взаимосвязи умственного и психологического благополучия (чувство счастья) с наличием актуальных целей и стремлением к самореализации [17]. В. Франкл всю терапевтическую практику строит на помощи клиентам в обрете-

тении смыслов жизни. Говорит о том, что ясный, осознанный смысл помогает переносить лишения, стрессы, жизненные трудности [10].

Этот факт позволяет предположить, что неумение определять смысл жизни и отдельных поступков, или потеря этого смысла в более ранних возрастных этапах приводит в последствии к угасающему типу старения.

Пожилые люди редко обращаются к категории «*интересы*», где они выражают положительное эмоциональное отношение к тем или иным сферам жизни, называют свои желания, мечты. В большей степени обращение в текстах «Я человек» к категории «*интересы*» свойственно пожилым с положительными типами старения (40,2% человек в группе). Среди людей пожилого возраста с негативными типами старения 78,6% человек не говорят в эссе о собственных интересах и пристрастиях, о том, что им нравится или не нравится (см. рис. 2). Стремление к самореализации в разных жизненных сферах, то есть заинтересованность разными аспектами жизни видится разным психологам как фактор нейтрализации негативных последствий физического увядания человека (C.D. Ryff, D. Shmotkin, G.J. Westerhof, L.A. Weiss, E.T. Bohlmeijer, C.L.M. Keyes и др.)

В целом, можно сказать, что сочинения пожилых людей и, соответственно, их представления о себе имеют возрастную специфику. С возрастом интересы, друзья, желания меньше занимают места в сознании пожилых людей. Круг интересов сводится, в основном к семье и заботе о них.

Собранный эмпирический материал не позволяет говорить о причинно-следственных связях между представлениями о себе и типом старения. Вместе с тем выявленные связи и тенденции в соотношении типов старения и субъективно-психологических характеристик Я-концепции пожилого человека позволяет обоснованно намечать пути психологической и социальной помощи пожилым людям.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить, что среди пожилых людей выделяются люди с разными типами старения, в которых отражается положительное или негативное отношение их к собственной жизни. Около половины всех опрошенных

лиц в позднем возрасте испытывает эмоциональную неудовлетворенность собственной жизнью и фактически нуждается в психологической и социальной поддержке.

Анализ представлений пожилых людей о себе и своей жизни позволяет выводы о взаимосвязи типа старения человека и его демографических и субъективно-личностных характеристик. На тип старения влияет семейное положение человека – вдовы люди независимо от срока вдовства тяжелее переживают собственную старость, чем семейные и одинокие.

Образование, которое было получено 50–60 лет назад также оказывает влияние на отношение к жизни. Люди с низким уровнем образования (начальное, неполное среднее) чаще, чем более образованные сверстники негативно относятся к собственной жизни, чаще занимают позицию «доживания».

Представлениям о себе пожилых людей с негативным типом старения свойственен узкий круг социальных ролей, идентификационных общностей, они практически не обращают своего внимания на окружающих их людей, что отражается в отсутствии в их рассказах упоминаний о своих друзьях, сверстниках, людях другого возраста, своих соседях и пр.

При достаточно большом числе групп (5–7), к которым человек чувствует себя принадлежащим, его отношение к жизни остается положительным, тип старения является творческим, социальным, религиозным или семейным.

В представлениях пожилых людей с негативным отношением к собственной жизни отмечается отсутствие или меньшая представленность таких категорий, как *интересы*, *смысл жизни*, более актуальны в их представлениях о себе упоминания предметного мира, чем чувственного.

Выявленные особенности представлений пожилых людей о себе, позволяют учитывать их при организации и оказании психологической и социальной помощи этой категории населения. Направления организованной социальной помощи пожилым должны включать в себя: создание ситуаций повышения значимости прожитых лет, прошлых социальных связей и событий; создание среды для возникновения новых социальных связей со сверстниками, освоения новых социальных ролей и идентификационных общностей; осознании

смыслов и расширение круга интересов; актуализация субъектной активности, в том числе в постановке краткосрочных и долгосрочных целей; содействие интеграции личного жизненного опыта.

Список литературы

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во РАН, 2006. 512 с.
2. Ермолаева М.В. Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека: субъектный подход: диссертация ... доктора психологических наук. Москва, 2010. 507 с.
3. Зарецкая В.А. Потребность в любви в пожилом возрасте // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. №3–1. С. 109–115.
4. Качкин А.В. Особенности стиля жизни пожилого человека // Пожилой человек. Ульяновск, 1995.
5. Краснова О.В. Исследование идентификации пожилых людей с помощью методики М.Куна «Кто Я?» // Психология зрелости и старения. 1997. № 1. С. 64–84.
6. Краснова О.В., Галасюк И.Н., Шинина Т.В. Психология личности пожилых людей и лиц с ограничениями здоровья. М.: ДСЗН, 2010.
7. Прохорова Л. В. Групповая психокоррекционная работа с пожилыми людьми на народном факультете НГТУ // Проблемы современного педагогического образования. 2017. №. 56–1. С. 361–367.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.
9. Conci M., Pianesi F., Zancanaro M. Useful, social and enjoyable: Mobile phone adoption by older people // IFIP Conference on Human-Computer Interaction. Springer, Berlin, Heidelberg, 2009. С. 63–76.
10. Frankl. V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. München, Zürich, Piper, 1979.
11. Gaggioli A. et al. Intergenerational group reminiscence: A potentially effective intervention to enhance elderly psychosocial wellbeing and to improve children's perception of aging // Educational Gerontology. 2014. V. 40. №. 7, pp. 486–498.
12. Gudzovskaya A., Pesina E. Image of the future of elderly people as a factor of the their life quality // Descrierea CIP a Bibliotecii Naționale a

- Romvniei Mental health : actual views in psychology, medicine and anthropology / coord.: Cristian Vasile. București : Editura Universitară, I. Vasile, Cristian (coord.) 2016. S. 42-46/ DOI: 10.5682/9786062805135.
13. Hyde M. et al. A measure of quality of life in early old age: the theory, development and properties of a needs satisfaction model (CASP-19) // *Aging & mental health*. 2003. V. 7. №. 3, pp. 186–194.
  14. Jackson S.E., Beeken R.J., Wardle J. Obesity, perceived weight discrimination, and psychological well-being in older adults in England // *Obesity*. 2015. V. 23. №. 5, pp. 1105–1111.
  15. Keyes C.L.M., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions // *Journal of personality and social psychology*. 2002. V. 82. №. 6. P. 1007.
  16. MacLeod S. et al. The impact of resilience among older adults // *Geriatric Nursing*. 2016. V. 37. №. 4. P. 266-272.
  17. Nyqvist F. et al. Social capital as a resource for mental well-being in older people: A systematic review // *Aging & Mental Health*. 2013. V. 17. №. 4, pp. 394–410.
  18. Ryff C.D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia // *Psychotherapy and psychosomatics*. 2014. V. 83. №. 1, pp. 10–28.
  19. Weiss L.A., Westerhof G.J., Bohlmeijer E.T. Can we increase psychological well-being? The effects of interventions on psychological well-being: a meta-analysis of randomized controlled trials // *PloS one*. 2016. V. 11. №. 6. P. e0158092.
  20. Westerhof G.J., Keyes C.L.M. Mental illness and mental health: The two continua model across the lifespan // *Journal of adult development*. 2010. V. 17. №. 2, pp. 110–119.

References

1. Ancyferova L.I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontologii* [Development of the personality and problems of gerontology]. M.: Izd-vo RAN, 2006. 512 p.
2. Ermolaeva M.V. *Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie pozhilogo cheloveka: sub"ektnyj podhod* [Psychological and pedagogical support of an elderly person: a subject approach]. Moscow, 2010. 507 p.

3. Zaretskaya V.A. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences* ("Izvestia RAS SamSC"), vol. 12, no. 3–1, 2010, pp. 109–115.
4. Kachkin A.V. Osobennosti stilya zhizni pozhilogo cheloveka [Features of the lifestyle of an elderly person]. *Pozhiloy chelovek* [Elderly person]. Ul'yanovsk, 1995.
5. Krasnova O.V. Issledovanie identifikatsii pozhilyh lyudej s pomoshch'yu metodiki M.Kuna «Kto YA?» [Study of the identification of elderly people with the help of the methodology of M. Kun "Who am I?"]. *Psihologiya zrelosti i stareniya* [Psychology of maturity and aging]. 1997. № 1, pp. 64–84.
6. Krasnova O.V., Galasyuk I.N., SHinina T.V. *Psihologiya lichnosti pozhilyh lyudej i lic s ogranicheniyami zdorov'ya* [Psychology of the personality of elderly people and people with disabilities]. M.: DSZN, 2010.
7. Prokhorova L.V. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2017. № 56–1, pp. 361–367 (in Russian).
8. Erikson E. *Childhood and Society*, 2nd ed., 1963.
9. Conci M., Pianesi F., Zancanaro M. Useful, social and enjoyable: Mobile phone adoption by older people. *IFIP Conference on Human-Computer Interaction*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2009, pp. 63–76.
10. Frankl. V. *Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn*. München, Zürich, Piper, 1979.
11. Gaggioli A. et al. Intergenerational group reminiscence: A potentially effective intervention to enhance elderly psychosocial wellbeing and to improve children's perception of aging. *Educational Gerontology*. 2014. V. 40. № 7, pp. 486–498.
12. Gudzovskaya A., Pesina E. Image of the future of elderly people as a factor of the their life quality. *Descrierea CIP a Bibliotecii Naționale a României Mental health: actual views in psychology, medicine and anthropology / coord.: Cristian Vasile*. București : Editura Universitară, I. Vasile, Cristian (coord.) 2016. S. 42–46/ DOI: 10.5682/9786062805135.
13. Hyde M. et al. A measure of quality of life in early old age: the theory, development and properties of a needs satisfaction model (CASP-19). *Aging & mental health*. 2003. V. 7. №. 3, pp. 186–194.
14. Jackson S.E., Beeken R.J., Wardle J. Obesity, perceived weight discrimination, and psychological well-being in older adults in England. *Obesity*. 2015. V. 23. №. 5, pp. 1105–1111.

15. Keyes C.L.M., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions. *Journal of personality and social psychology*. 2002. V. 82. №. 6. P. 1007.
16. MacLeod S. et al. The impact of resilience among older adults. *Geriatric Nursing*. 2016. V. 37. №. 4, pp. 266–272.
17. Nyqvist F. et al. Social capital as a resource for mental well-being in older people: A systematic review. *Aging & Mental Health*. 2013. V. 17. №. 4, pp. 394–410.
18. Ryff C.D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia. *Psychotherapy and psychosomatics*. 2014. V. 83. № 1, pp. 10–28.
19. Weiss L.A., Westerhof G.J., Bohlmeijer E.T. Can we increase psychological well-being? The effects of interventions on psychological well-being: a meta-analysis of randomized controlled trials. *PloS one*. 2016. V. 11. №. 6. P. e0158092.
20. Westerhof G.J., Keyes C.L.M. Mental illness and mental health: The two continua model across the lifespan. *Journal of adult development*. 2010. V. 17. №. 2, pp. 110–119.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гудзовская Алла Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат психологических наук, доцент
Самарская государственная областная академия Наяновой ул. Молодогвардейская, 196, Самара, Самарская область, 443001, Российская Федерация
aag_1@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gudzovskaya Alla Anatolievna, Senior Researcher, Cand. of Psychol. Sci., Ass. Prof.
Nayanova University
196, Molodogvardeiskaya Str., Samara 443081, Russian Federation
aag_1@rambler.ru
SPIN-code: 9668-5930
ORCID: 0000-0002-3590-8786

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-23-46

УДК 159.9

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЕ У МУЖЧИН С РАЗНОЙ САМООЦЕНКОЙ

Зарубко Е.Ю.

Цель статьи – изучить особенности представлений об идеальной женщине у мужчин с разной самооценкой.

Метод и методология исследования. В исследовании участвовали 102 респондента мужского пола. Выборку составили три возрастные группы: 18–24 года, 26–32 года, 33–40 лет. В каждой возрастной группе 34 респондента. Самооценка измерялась методикой изучения самооценки Т. Дембо–С. Рубинштейн в модификации П.В. Яньшина, в результате респонденты были разделены на четыре группы по уровню самооценки: завышенная ($n=30$ человек), высокая ($n=30$), средняя ($n=30$), низкая ($n=12$). Представления об идеальной женщине измерялись семантическим дифференциалом. Данные обрабатывались методами факторного и кластерного анализа.

Результаты. Выявлено значительное сходство в представлениях мужчин с разной самооценкой о том, какой должна быть идеальная женщина (заботливая, понимающая, честная, преданная, стройная и фигуристая). В целом мужчины видят в качестве идеала женщину, соответствующую традиционному женскому образу. Традиционный образ женщины имеет позитивную коннотацию и противопоставляется современному образу. Важную роль в образе идеальной женщины играет внешняя привлекательность. Выявлены особенности представлений об идеальной женщине, специфичные для мужчин с разной самооценкой. У мужчин с низкой самооценкой в образе идеальной женщины преобладают традиционно женские характеристики (понимающая, не вульгарная, чистоплотная, хозяйственная), у мужчин с завышенной самооценкой в образе идеаль-

ной женщины преобладают характеристики «эмансипированной» женщины (целеустремленная, самостоятельная, с характером).

Область применения результатов. Результаты могут использоваться в консультативной практике для оптимизации отношений в паре, например, для работы с ожиданиями к партнёру; для помощи в решении личностных проблем, связанных с гендерной идентичностью.

Ключевые слова: гендерные идеалы; гендерные стереотипы; представления об идеальной женщине; самооценка.

REPRESENTATIONS OF IDEAL WOMEN AMONG MEN WITH DIFFERENT LEVELS OF SELF-ESTEEM

Zarubko E. Yu.

Purpose. *The study is aimed to investigate representations of ideal women among men with different levels of self-esteem.*

Method and methodology. *Total number of participants is 102 males. The sample consists of three age groups: from 18 to 24 years old, from 26 to 32 years old, from 33 to 40 years old. Each age group consists of 34 participants. Self-esteem was measured by Dembo–Rubinstein Method of Self-esteem Measurement modified by P.V. Yanshin. Representations of ideal woman were measured by semantic differential.*

Results. *Factor analysis and cluster analysis identified large similarities between the characteristics of ideal woman among participants with different levels of self-esteem, such as careful, understanding, honest, devoted, slim and with a nice figure. Representation of ideal woman among all participants in general is relevant to a traditional female image. Traditional female image has a positive connotation; this image is confronted to the image of modern woman. Physical attractiveness plays an important role in representation of ideal woman. Specifics of the representation of ideal woman among males with different levels of self-esteem are revealed. Traditional female characteristic such as understanding, non-vulgar, neat, housewifely prevail among*

males with low self-esteem. Emancipative female characteristics such as purposeful, independent, strong-willed prevail among males with self-esteem above high level.

Practical implications. *Results can be used in counselling to optimize romantic relationships, for example to clarify the expectations toward a romantic partner. The results can also be used to work with gender identity.*

Keywords: *gender ideals; gender stereotypes; representations of ideal woman, self-esteem.*

Введение

В современном обществе происходят изменения в разных сферах жизни, изменяются и гендерные роли, в связи с чем возникают сложности во взаимопонимании между мужчинами и женщинами [4]. Образ женщины трансформируется по сравнению с образом, который господствовал в предыдущие эпохи, меняется социальный статус женщины [12]. Особую актуальность приобретает в этой связи изучение представлений современных мужчин об идеальной женщине, поскольку данные представления являются ориентирами при выборе партнера и построении романтических отношений [21, 32, 24].

Одной из первых работ, посвященных изучению характеристик идеального партнера, является кросс-культурное исследование Д. Басса [18] в рамках эволюционного подхода в психологии: наиболее ценными характеристиками идеальной женщины/романтической партнерши с точки зрения мужчин являются характеристики, свидетельствующие о её репродуктивной способности, и связанные с внешней привлекательностью (блестящие волосы, чистая кожа, тонус мышц). Дальнейшие исследования показали, что характеристики идеального партнера могут отличаться, если речь идет о партнере для долговременных или кратковременных отношений [19]. В работе P.W. Eastwick et al. [22] подчеркивается функциональная роль характеристик идеальной женщины, поскольку физическая привлекательность связана с признаками фертильности.

В модели идеальных стандартов [21, 23] изучаются содержание и функции представлений об идеальном партнере с учетом индивидуальных предпочтений. Согласно этой модели, идеальные стандарты являются структурами знаний, состоящими из трех взаимосвязанных компонентов: образа я, образа идеального партнера и образа идеальных отношений [21]. Чем меньше расхождение между идеальным партнером и представлениями о реальном романтическом партнере, тем выше удовлетворенность отношениями в паре и психологическое благополучие [24, 32]. Соответствие между образом идеального партнера и представлениями о реальном партнере связаны с принятием и удовлетворенностью отношениями, когда партнер воспринимается как «не дотягивающий» до идеала [20]. Перспективным является изучение того, как соотносятся характеристики идеального и реального партнера [21, 27].

Представления об идеальной женщине изучаются в кросс-культурном аспекте. В работе J.A. Vandello et al. [35] указывается, что в странах Латинской Америки преобладает «марианизм», согласно которому образцом является Дева Мария; идеальная женщина жертвует собственными интересами ради интересов семьи и реализуется преимущественно в роли жены и матери. У американцев европейского происхождения идеалом женщины является сильная и независимая «суперженщина», которая уделяет внимание не только семье, но и карьере [29]. Отечественными исследователями также изучаются представления об идеальном супруге и распределении семейных ролей у представителей народов, проживающих на территории РФ [6, 13]. Показано, что сходство образов идеального и реального супруга коррелирует с удовлетворенностью браком независимо от пола и национальности [6].

Исследуются представления об образах идеального партнера у молодежи, например, в работе Д.В. Семенова [14] описаны демографические характеристики идеальной женщины в представлениях молодых мужчин, а также характеристики идеальной женщины у мужчин с разными доминирующими потребностями. А.Ю. Приходько [10] перечисляет характеристики идеальной романтической

партнерши с точки зрения молодых мужчин: «спокойная», «справедливая» и др.; описываются гендерные различия в представлениях об идеальном романтическом партнере. Описаны возрастные изменения образа идеальной супруги: с возрастом менее значимыми становятся характеристики, описывающие физическую привлекательность и эмоциональную составляющую [7], более важными становятся такие качества, как «понимающая», «уступчивая», «хозяйственная» [6].

Ряд авторов [1, 5] связывают характеристики идеального партнера с самооценкой человека. Указывается, что самооценка влияет на ожидания, предъявляемые партнеру, которые могут не соответствовать реальному поведению партнера, что становится поводом для разногласий, разочарований и конфликтов [9, 28]. Эмпирические исследования соотношения самооценки и представлений об идеальном партнере немногочисленны и проводятся преимущественно за рубежом. Например, в исследовании S.L. Murray et al. [31] показано, что идеал опосредует отношения между восприятием себя и восприятием романтического партнера, в частности, респонденты с более позитивным образом Я показали более высокие ожидания относительно идеального партнера, которые затем проецировались на реального партнера. Brown M.A., Brown J.D. [17] указывают, что чем выше самооценка респондентов, тем более они склонны приписывать идеальному партнеру качества, которые считают присущими себе. Таким образом, можно предположить, что представления об идеальной женщине у мужчин с разной самооценкой будут различаться. Данное предположение, проверяемое в настоящем исследовании, согласуется с исследованиями о связи представлений об идеальном партнере и самооценке у женщин. В исследовании А.И. Бандурка, О.В. Цесаренко [2] показано, что женщины с заниженной самооценкой ценят такие качества идеального партнёра, как принятие, понимание; женщины с завышенной самооценкой предпочитают самостоятельность и независимость партнёра. Вопрос о том, различаются ли представления об идеальной женщине у мужчин с разной самооценкой, остается открытым. Отсутствие

обширных научных данных о связи самооценки мужчин с их представлениями об идеальной женщине ведет к тому, что психопросветительская и психокоррекционная работа в этом направлении не имеет должного научного обоснования. Всё вышесказанное делает целесообразным изучение представлений об идеальной женщине у мужчин с разной самооценкой.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить особенности представлений об идеальной женщине у мужчин с разной самооценкой.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование состоит из двух этапов.

Первый этап. Разработка инструментария. Для изучения представлений об идеальной женщине был создан семантический дифференциал. Для определения дескрипторов респондентам (60 человек) задавались проективные вопросы, включающие такие аспекты как внешность, личные качества и черты, поведенческие особенности, которыми должна и не должна обладать женщина. При последующей обработке данных методом контент-анализа было выделено 128 качеств, характеризующих идеальную женщину. Экспертами (кандидатами психологических наук) было отобрано 50 характеристик, которые использовались в качестве дескрипторов для семантического дифференциала и выделено 13 основных женских ролей, которые выступили объектами оценивания в семантическом дифференциале.

Второй этап. Проведение исследования с помощью созданного семантического дифференциала и методики изучения самооценки Т. Дембо-С. Рубинштейн в модификации П.В. Яньшина [41]. Исследование проводилось на мужчинах в возрасте от 18 до 40 лет, проживающих на территории Тюменской области. Выборка уравнена по возрасту: выделены три возрастные группы: 18–24 года, 26–32 года, 33–40 лет. В каждой возрастной группе 34 респондента. Всего в исследовании приняли участие 102 респондента.

Обработка данных начиналась с обработки методики Т. Дембо-С. Рубинштейн, в результате респонденты были разделены на четыре груп-

пы по уровню самооценки: завышенная ($n=30$ человек), высокая ($n=30$), средняя ($n=30$), низкая ($n=12$). Ответы каждого респондента по семантическому дифференциалу заносились в Excel в виде таблиц с системой кодирования данных «0» и «1», где «0» – отсутствие той или иной характеристики у женщины, «1» – наличие характеристики. Были получены четыре суммарные матрицы в соответствии с четырьмя уровнями самооценки у респондентов. Матрицы обработаны в программе Statistica 6.0 методами факторного и кластерного анализа.

Результаты и обсуждение

Результаты кластерного анализа. Представления об идеальной женщине у мужчин с завышенной и низкой самооценкой показаны на рис. 1 и 2. У обеих групп респондентов образ идеальной женщины имеет значимую связь с образами «Моей девушки» и «Идеальной жены», мужчины ассоциируют идеальную женщину и жену с той женщиной, с которой состоят в романтических отношениях, и наделяют идеал теми качествами, которыми обладает их избранница.

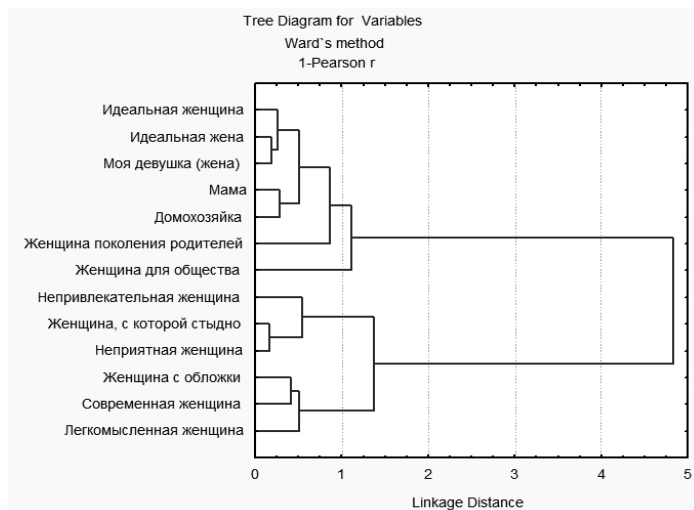
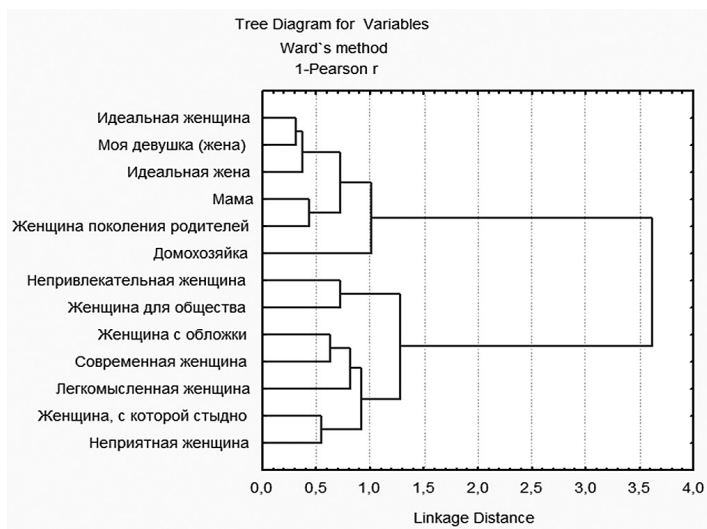

Рис. 1. Представления об идеальной женщине у мужчин с завышенной самооценкой

Рис. 2. Представления об идеальной женщине у мужчин с низкой самооценкой

К перечисленным объектам присоединяется образ матери, что позволяет сделать вывод о том, что для мужчин с завышенной и низкой самооценкой образ матери является эталоном. Это может быть истолковано как проявление эдипова комплекса у мальчиков, находящего свое выражение во взрослой жизни мужчины в том, что он подсознательно ищет в качестве спутницы жизни женщину, напоминающую его мать и обладающую теми же качествами [26].

На Рис. 3 располагается кластерное дерево представлений об идеальной женщине у мужчин с высокой самооценкой. Значимая связь присутствует между объектами «Идеальная женщина» и «Женщина, которую хочется вывести в общество», свидетельствующая о том, что для данной группы респондентов образ идеальной женщины объединяет в себе те особенности, которые хочется продемонстрировать окружающим. У мужчин с высокой самооценкой, в отличие от мужчин с завышенной и низкой самооценкой, образ матери не имеет такой же сильной связи с образом идеальной жен-

щины, вероятно, при формировании образа идеальной женщины образ матери не играет ведущую роль. Тесно связаны между собой образы матери и идеальной жены, можно предположить, что идеал супружеских отношений связывается в первую очередь с материнством. Образы «современной женщины» и «женщины с обложки» связываются с образом «легкомысленной женщины». Вероятно, в целом эти женские образы воспринимаются респондентами как поверхностные и недостаточно серьезные.

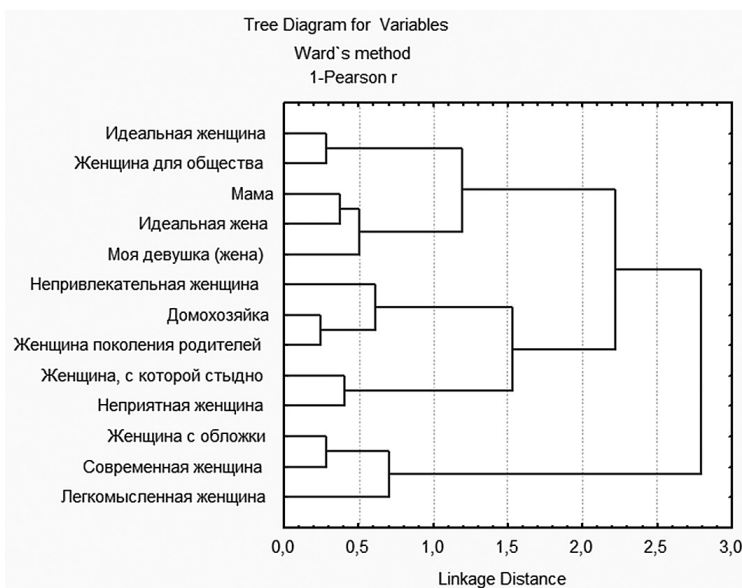

Рис. 3. Представления об идеальной женщине у мужчин с высокой самооценкой

На рис. 4 видна значимая связь между объектами «Идеальная женщина», «Идеальная жена» и «Моя девушка» у мужчин со средней самооценкой. Идеальная женщина отождествляется с нынешней партнершей. Образ матери не имеет тесной связи с образом идеальной женщины, и входит в кластер, описывающий традиционные женские роли: «Домохозяйка», «Женщина поколения родителей».

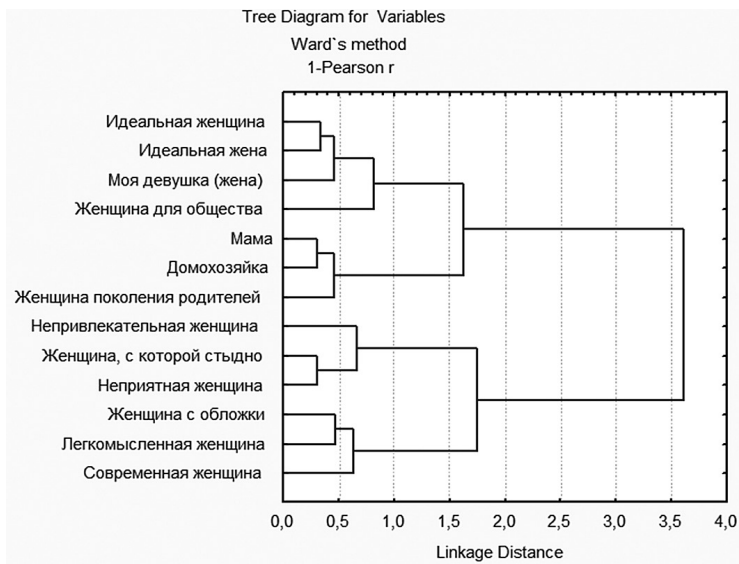

Рис. 4. Представления об идеальной женщине у мужчин со средней самооценкой

Для четырех групп респондентов общим является то, что они объединяют образы «Женщина с обложки (модель)», «Современная женщина» и «Легкомысленная женщина» в один кластер, однако во всех группах респондентов в этот кластер не попадает образ «Идеальной женщины». Вероятно, существует противоречие между образом женщины, который транслируется СМИ, и тем идеалом женщины, который присутствует в обыденном сознании мужчины.

В целом на рис. 1–4 видно противопоставление двух больших кластеров, один из них составляют образы «Идеальной женщины», «Домохозяйки», «Мамы», «Женщины поколения родителей» и др. Таким образом, в сознании респондентов идеальная женщина связывается в основном с традиционными женскими ролями, что соответствует исследованиям гендерных стереотипов [12]. Другой кластер составляют образы негативной коннотации: «женщина, с которой стыдно показаться в обществе», «неприятная женщина», с этими образами связаны «современная женщина», «легкомыслен-

ная женщина», «женщина с обложки». Таким образом, в сознании респондентов «хороший» традиционный образ женщины противопоставляется «негативному» современному образу.

Результаты факторного анализа. У мужчин с низкой самооценкой выявлено три фактора, суммарная объяснительной силы которых составляет 80,26%. Наибольшей объяснительной силой обладает первый фактор «Традиционность» (65,19%). Фактор является биполярным. Положительный полюс фактора содержит характеристики: *не вульгарная (0,92), без вредных привычек (0,87), чистоплотная (0,85), среднего роста (0,84), хозяйственная (0,82), преданная (0,82), понимающая (0,82), заботливая (0,81), честная (0,80)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Женщина поколения родителей», «Идеальная женщина», «Идеальная жена», «Домохозяйка», «Мама». Отрицательный полюс: *яркая (-0,59), непредсказуемая (-0,77)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Современная женщина», «Женщина, с которой стыдно показаться в обществе», «Женщина с обложки (модель)», «Неприятная женщина».

Второй фактор «Внешняя привлекательность» (8,88%) является униполярным и содержит характеристики: *красивая (0,86), имеет красивые глаза (0,79), женственная (0,78), длинноволосая (0,76), стройная (0,74), фигуристая (0,72), утонченная (0,69), нежная (0,68)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Идеальная жена», «Идеальная женщина», «Современная женщина», «Моя девушка (моя жена)».

Третий фактор «Утонченность» несет наименьшую нагрузку (6,18%), является униполярным и содержит следующие характеристики: *загадочная (0,92), привлекательная (0,81), ухоженная (0,70), симпатичная (0,68), любящая (0,59), преданная (0,58)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Домохозяйка», «Женщина с обложки (модель)», «Идеальная жена».

В представлениях мужчин с низкой самооценкой преобладает традиционный образ женщины. Качества, характерные для традиционного женского образа, противопоставляются яркости и непредсказуемости современных женских образов. Несмотря на

трансформацию гендерных ролей, образов и идеалов в современном обществе, у мужчин с низкой самооценкой образ женщины остается неизменным и содержит большое количество стереотипных «женских» характеристик. Полученные результаты можно сопоставить с результатами исследования образа мужчины у женщин [2], указывающими, что женщины с низкой самооценкой не предъявляют особых требований партнеру, и стремятся найти в нем такие качества как доверие, принятие. Вероятно, людям с низкой самооценкой не хватает уверенности в себе, что не позволяет им требовать и ждать от других проявления специфических особенностей, которыми они сами не обладают. При этом люди с низкой самооценкой имеют потребность быть принятыми такими, какие есть.

У мужчин **со средним уровнем самооценки** выделено три фактора, суммарная объяснительная сила которых составляет 88,24%. Первый фактор «Отношение к другим» (67,27%) является биполярным. Положительный полюс фактора содержит характеристики: *душевная (0,94), преданная (0,94), любящая (0,93), заботливая (0,93), добрая (0,92), рассудительная (0,92), верная (0,92), честная (0,91) и т.д.* Объекты, расположенные на данном полюсе: «Идеальная жена», «Мама», «Идеальная женщина», «Домохозяйка», «Женщина поколения родителей». Отрицательный полюс содержит качества: *непредсказуемая (-0,44), яркая (-0,50).* Объекты, расположенные на данном полюсе: «Легкомысленная женщина», «Женщина, с которой стыдно показаться в обществе», «Неприятная женщина», «Женщина с обложки (модель)».

Второй фактор «Внешняя привлекательность» (15,39%) униполярный, содержит характеристики: *стройная (0,98), спортивная (0,96), привлекательная (0,95), симпатичная (0,95), яркая (0,93).* Объекты, расположенные на данном полюсе: «Женщина с обложки (модель)», «Идеальная женщина», «Идеальная жена», «Женщина, которую хочется вывести в общество», «Моя девушка (моя жена)».

Третий фактор «Экспрессивность, выразительность» (5,57%) униполярный, содержит характеристики: *с характером (0,93), непредсказуемая (0,68), целеустремленная (0,43).* Объекты, располо-

женные на данном полюсе: «Современная женщина», «Идеальная женщина», «Женщина, с которой стыдно показаться в обществе».

В представлениях мужчин со средней самооценкой образ идеальной женщины состоит преимущественно из тех характеристик, которые отражают ее отношение к другим людям. Это свидетельствует о том, что мужчины не предъявляют к женщине особых, специфических требований, а ожидают от нее лишь проявления нравственных качеств. Средний уровень самооценки – это адекватный уровень, при котором людям свойственно воспринимать партнера по общению как значительно больше похожего на себя [5], а также формировать представления таким образом, что они полностью соотносятся с действительностью [8]. Вероятно, формируя образ идеальной женщины, мужчины со средней самооценкой вкладывают в этот образ те черты, которые имеют сами.

У мужчин с **высокой самооценкой** выявлено три фактора, суммарная объяснительная сила которых составляет 94,10%. Первый фактор «Отношение к другим» (82,70%) униполярный и содержит характеристики: *хозяйственная (0,95), не вульгарная (0,92), терпеливая (0,90), заботливая (0,90), спокойная (0,89), добрая (0,89), честная (0,89), преданная (0,88), понимающая (0,88) и т.д.* Объекты, расположенные на данном полюсе: «Идеальная женщина», «Домохозяйка», «Идеальная жена», «Мама», «Женщина поколения родителей», «Моя девушка (моя жена)».

Второй фактор «Внешняя привлекательность» (8,04%) униполярный содержит характеристики: *яркая (0,94), спортивная (0,93), стройная (0,92), привлекательная (0,89), длинноволосая (0,87).* Объекты, расположенные на данном полюсе: «Женщина с обложки (модель)», «Идеальная женщина», «Женщина, которую хочется вывести в общество», «Моя девушка (моя жена)», «Современная женщина».

Третий фактор «Экспрессивность, выразительность» (3,36%) униполярный и содержит качества: *непредсказуемая (0,91), с характером (0,51).* Объекты, расположенные на данном полюсе: «Моя девушка (моя жена)», «Легкомысленная женщина».

Представления мужчин с высокой самооценкой согласуются с представлениями мужчин со средней самооценкой, и отражают об-

раз идеальной женщины как носительницы нравственных качеств, которые выражаются в первую очередь в построении позитивных отношений с другими. Высокая самооценка выражается в совпадении представлений человека о самом себе и об окружении с действительностью [3]. У мужчин с высокой самооценкой расходятся представления об идеальной женщине и об их избраннице, причем свою женщину они наделяют теми качествами, что и непривлекательную, легкомысленную женщину.

У мужчин с **завышенной самооценкой** выделено три фактора, суммарная объяснительная сила которых составляет 91,61%. Первый фактор «Сила Я» (77,62%) биполярный. Положительный полюс фактора содержит характеристики: *честная (0,90)*, *целеустремленная (0,90)*, *самостоятельная (0,89)*, *спокойная (0,88)*, *с характером (0,87)*, *понимающая (0,85)*, *преданная (0,83)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Идеальная женщина», «Домохозяйка», «Мама», «Идеальная жена», «Моя девушка (моя жена)». Отрицательный полюс состоит из одной характеристики – *непредсказуемая (0,41)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Женщина, с которой стыдно показаться в обществе», «Неприятная женщина», «Легкомысленная женщина», «Современная женщина», «Женщина с обложки (модель)».

Второй фактор «Внешняя привлекательность» (11,08%) является униполярным и содержит характеристики: *фигуристая (0,93)*, *стройная (0,92)*, *яркая (0,89)*, *красивая (0,89)*, *симпатичная (0,85)*, *ухаживаемая (0,84)*. Объекты данного полюса: «Женщина с обложки (модель)», «Идеальная жена», «Моя девушка (моя жена)», «Современная женщина», «Идеальная женщина».

Третий фактор «Скромность» (2,90%) является биполярным. Положительный полюс фактора содержит характеристики: *неконфликтная (0,68)*, *не вульгарная (0,58)*, *не грубая (0,55)*, *спокойная (0,55)*, *не матерится (0,53)*. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Женщина, которую хочется вывести в общество», «Домохозяйка», «Идеальная жена». В противоположном полюсе фактора содержится одно качество – *непредсказуемая (0,78)*, которым

мужчины наделяют образ современной женщины. Объекты, расположенные на данном полюсе: «Легкомысленная женщина», «Современная женщина».

У мужчин с завышенной самооценкой образ идеальной женщины представлен не только традиционными характеристиками (*честная, понимающая, преданная*), но и качествами, отражающими личностную и духовную силу (*с характером, целеустремленная, спокойная, самостоятельная*). Вероятно, мужчины ожидают от женщины не только проявления нравственных качеств, но и качеств, которые продемонстрируют уверенность женщины в себе, ее «стержень» и готовность быть наравне с мужчиной. Таким образом, идеальной женщиной для мужчин с завышенной самооценкой является эмансипированная женщина, которая будет соответствовать своему мужчине. Полученные результаты согласуются с результатами исследования А.И. Бандурка, О.В. Цесаренко [2], которые указывают на то, что женщины с завышенной самооценкой более требовательны к партнеру, нежели женщины с другой самооценкой, и желают видеть в идеальном мужчине самостоятельность и независимость.

По результатам факторного анализа данных были выявлены общие (универсальные) и специфические характеристики идеальной женщины. К универсальными характеристиками относятся: *заботливая, понимающая, честная, преданная, не вульгарная, рассудительная, душевная*. Отметим, что перечисленные качества являются типичными женскими качествами, что говорит о том, что все мужчины хотели бы видеть рядом с собой женщину традиционного типа. Результаты исследования релевантны результатам S.S. Belk, W.E. Snell [15], согласно которым мужчины описывают женщин как более чутких и ориентированных на построение гармоничных межличностных отношений. В аспекте романтических отношений мужчины считают, что женщинам присущи самопожертвование, верность и альтруизм [35, с. 83], что также согласуется с полученными результатами. В целом от женщины требуется «милой и доброй», ставить интересы других людей выше своих собственных, несоответствие данному гендерному предписанию оценивается обществом нега-

тивно [16, 34]. Наличие именно этих характеристик в представлениях мужчин, возможно, объясняется тем, что процесс изменения гендерных ролей только набирает обороты, а существующие в обыденном сознании представления о традиционных гендерных ролях являются устойчивыми и с трудом поддаются изменению [25]. Стоит заметить, что современную женщину все опрошенные мужчины наделяют теми качествами, которые являются не традиционными женскими, а скорее неординарными и нетипичными. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что для мужчин современная женщина не является идеалом и, скорее, противопоставляется ему, что было также показано в результатах кластерного анализа.

Важную роль в образе идеальной женщины играет внешняя привлекательность, что согласуется с многочисленными исследованиями, в которых показано, что в целом мужчины предъявляют к внешности женщины более высокие требования, чем женщины – к внешности мужчин [18, 19, 33] не только на этапе построения отношений, но и в более долгосрочной перспективе. Например, показано, что привлекательность женщины является предиктором удовлетворенности существующими романтическими отношениями у мужчин [30].

Выводы

Обнаруживается значительное сходство в представлениях мужчин с разной самооценкой о том, какой должна быть идеальная женщина (*заботливая, понимающая, честная, преданная, стройная и фигуристая*), в целом мужчины видят в качестве идеала женщину, соответствующую традиционному женскому образу. В целом традиционный образ женщины имеет позитивную коннотацию и противопоставляется современному образу. Выявлены особенности представлений об идеальной женщине, специфичные для мужчин с разной самооценкой. У мужчин с низкой самооценкой в образе идеальной женщины преобладают традиционно женские характеристики (*не вульгарная, чистоплотная, хозяйственная, понимающая*), у мужчин с завышенной самооценкой в образе идеальной женщины

преобладают характеристики «эмансипированной» женщины (*целеустремленная, самостоятельная, с характером*).

Практическая значимость

Результаты могут использоваться в консультативной практике для оптимизации различных аспектов отношений в паре, например, для работы с ожиданиями к партнёру; для помощи в решении личностных проблем, связанных с гендерной идентичностью. Публикация результатов исследования может помочь мужчинам осознать, какие требования они предъявляют женщинам, основываясь на своем представлении об идеальной женщине. Женщины смогут проанализировать, какие ожидания к ним предъявляют мужчины, прояснить степень адекватности данных требований, и определиться, готовы ли они использовать данные представления как ориентиры при поиске партнёра и построении отношений.

Благодарности. Автор статьи благодарит Т.А. Левину за содействие в сборе эмпирических данных.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М: Аспект Пресс, 1999. 375 с.
2. Бандурка А.И., Цесаренко О.В. Особенности образа идеального брачного партнера у женщин с разным уровнем самооценки // Проблемы теории и практики современной психологии: тез. докл. IX ежегод. науч.-практ. конф. психологов. 2010. С. 161–163.
3. Бороздина Л.В. Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией // Вестник Московского университета. 2011. № 1. С. 54–66.
4. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины: Дис. ... к. психол. наук. М., 1998. 185 с.
5. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: МГУ, 1987. 176 с.
6. Доева Л.И. Образ супруга и представления об идеальном супруге в сознании мужчин и женщин разных возрастных групп (на примере республики Северная Осетия – Алания) // Личность, семья и общество:

- вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LXVII междунар. науч.-практ. конф. № 8(65). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 75–79.
7. Доева Л.И. Образ супруга в сознании мужчин и женщин республики Северная Осетия-Алания. Дисс. ... к. психол. наук. Владикавказ, 2017. 208 с.
  8. Залеская С.Н. Соотношение представлений о профессионально важных качествах и особенностей самооценки молодых сотрудников милиции: Дисс. ... канд. психол. наук. Тверь, 1999. 135 с.
  9. Клещина И.С. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
  10. Приходько А.Ю. Гендерные различия в представлениях об идеальном партнере у молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 9. С. 32–34.
  11. Семенов Д.В. Образ «моей женщины» у молодых мужчин. Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3 (19). С. 65–70.
  12. Сердюкова Е.Ф. Трансформация гендерных стереотипов в представлениях современной молодежи // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16. № 6 (145). С. 14–23.
  13. Худалова М.З. Корреляционный анализ сферы брачно-семейной самореализации у осетин и русских // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 2–2. С. 253–256.
  14. Яньшин П.В. Клиническая психодиагностика личности. Учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2007. 320 с.
  15. Belk S.S., Snell W.E., Jr. Beliefs about women: Components and correlates // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1986.No. 12, pp. 403–412.
  16. Brescoll V.L. Leading with their hearts? How gender stereotypes of emotion lead to biased evaluations of female leaders // *The Leadership Quarterly*. 2016. No. 27, pp. 415–428.
  17. Brown M.A., Brown J.D. Self-enhancement biases, self-esteem, and ideal mate preferences // *Personality and Individual Differences*. 2015. No. 74, pp. 61–65. doi: 10.1016/j.paid.2014.09.039
  18. Buss D.M. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures. *Behavioral and Brain Sciences*. 1989. Vol. 12. No.1, pp. 1–49. doi: 10.1017/S0140525X00023992

19. Buunk B.P., Dijkstra P., Fetchenhauer D., Kenrick D.T. (2002). Age and gender differences in mate selection criteria for various involvement levels // *Personal Relationships*. Vol. 9. No. 3, pp. 271–278. doi: 10.1111/1475-6811.00018
20. Buyukcan-Tetik A., Campbell L., Finkenauer C., Karremans J.C., Kappen G. Ideal Standards, Acceptance, and Relationship Satisfaction: Latitudes of Differential Effects // *Frontiers in Psychology*. 2017. No. 8. P. 1691. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01691
21. Campbell L., Simpson J.A., Kashy D.A., Fletcher G.J.O. Ideal standards, the self, and flexibility of ideals in close relationships // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol. 27. No. 4, pp. 447–462. doi: 10.1177/0146167201274006
22. Eastwick P.W., Luchies L.B., Finkel E.J., Hunt L.L. The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2014. Vol. 140. No. 3, pp. 623–665. doi: 10.1037/a0032432
23. Fletcher G.J., Simpson J.A., Thomas G., Giles L. Ideals in intimate relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. No. 76, pp. 72–89. doi: 10.1037/0022-3514.76.1.72
24. Frost D.M., Forrester C. Closeness discrepancies in romantic relationships: implications for relational well-being, stability, and mental health // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. No. 39, pp. 456–469. doi: 10.1177/0146167213476896
25. Gill M.J. When information does not deter stereotyping: Prescriptive stereotyping can foster bias under conditions that deter descriptive stereotyping // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 40, No. 5, pp. 619–632, doi: 10.1016/j.jesp.2003.12.001
26. Jedlicka D. A Test of the Psychoanalytic Theory of Mate Selection. *Journal of Social Psychology*. 1980. Vol. 112. No. 2, pp. 295–299.
27. Lackenbauer S.D., Campbell L. Measuring up: the unique emotional and regulatory outcomes of different perceived partner-ideal discrepancies in romantic relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. No. 3, pp. 472–88. doi: 10.1037/a0029054.
28. Lewis R.A., Spanier G.B. Theorizing about the quality and stability of marriage / In W.R Burr, R. Hill, F.I. Nye and I.L. Reiss. *Contempo-*

- rary theories about the family. Vol. 1. New York: The Free Press, 1979, pp. 268–294.
29. Mealy M., Stephan W.G., Abalakina-Paap M. Reverence for Mothers in Ecuadorian and Euro-American Culture // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2006. Vol. 37. No. 4, pp. 465–484. doi: 10.1177/0022022106288481
  30. Meltzer A.L., McNulty J.K., Jackson G.L., Karney B.R. Sex differences in the implications of partner physical attractiveness for the trajectory of marital satisfaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. No. 3, pp. 418–428. doi: 10.1037/a0034424
  31. Murray S.L., Holmes J.G., Griffin D.W. The self-fulfilling nature of positive illusions in romantic relationships: love is not blind, but prescient // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. No. 6, pp. 1155–1180.
  32. Overall N.C., Fletcher G.J., Simpson J.A. Regulation processes in intimate relationships: the role of ideal standards // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91. No. 4, pp. 662–685. doi: 10.1037/0022-3514.91.4.662
  33. Regan P.C., Levin L., Gate R., Sprecher S., Christopher F.S. Partner preferences: What characteristics do men and women desire in their short-term sexual and long-term romantic partners? // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. 2000. Vol. 12. No. 3, pp. 1–21. doi: 10.1300/J056v12n03_01
  34. Rudman L.A., Glick P. Prescriptive gender stereotypes and backlash toward agentic women // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. No. 4, pp. 732–762.
  35. Vandello J.A., Cohen D., Grandon R., Franiuk R. Stand by Your Man. Indirect Prescriptions for Honorable Violence and Feminine Loyalty in Canada, Chile, and the United States // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40. No. 1, pp. 81–104. doi: 10.1177/0022022108326194

References

1. Andreeva G.M. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 1999, 375 p.
2. Bandurka A.I., Tsesarenko O.V. Osobnosti obraza idealnogo brachnogo partnera u zhenshchin s raznym urovnem samoootsenki [Representations of the ideal partner in women with different levels of self-esteem]

- tation of ideal marriage partner among females with different levels of self-esteem]. *Problemy teorii i praktiki sovremennoy psikhologii: tez. dokl. IX ezhegod. nauch.-prakt. konf. psikhologov* [Theoretical and practical problems of modern psychology. Proc. IX annual scientific and practical conference of psychologists]. 2010, pp. 161–163.
3. Borozhdina L.V. Sushchnost' samootsenki i ee sootnoshenie s Ya-kontseptsiey [The essence of “samootsenka” and how it is related with the self-concept]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 2011, no. 1, pp. 54–66.
  4. Gavrilitsa O.A. *Rolevoy konflikt rabotayushchey zhenshchiny*. Diss. k. psihol. nauk [Role conflict of a working woman. PhD in psychology diss.]. Moscow, 1998. 185 p.
  5. Gozman L.Ya. *Psikhologiya emotsional'nykh otnosheniy* [Psychology of emotional relationships]. Moscow: MGU, 1987, 176 p.
  6. Doeva L.I. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sb. st. po mater. LXVII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* No. 8(65) [Personality, family and society: issues of pedagogics and psychology. Proc. LXVII International scientific and practical conference]. Novosibirsk: SibAK, 2016, pp. 75–79.
  7. Doeva L.I. *Obraz supruga v soznanii muzhchin i zhenshchin respubliky Severnaya Osetiya-Alaniya*. Diss. k. psihol. nauk [Representations of spouse among men and women of North Ossetia-Alania. PhD in psychology diss.]. Vladikavkaz, 2017, 208 p.
  8. Zaleskaya S.N. *Sootnoshenie predstavleniy o professional'no vazhnykh kachestvakh i osobennostey samootsenki molodykh sotrudnikov militsii*. Diss. k. psihol. nauk [Relations between representations of professional qualities and self-esteem of young militia officers. PhD in psychology diss.]. Tver', 1999, 135 p.
  9. Kletsina I.S. *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2009, 496 p.
  10. Prikhod'ko A.Yu. *Gendernye razlichiya v predstavleniyakh ob ideal'-nom partnere u molodezhi* [Gender differences in representations of ideal partner among young people]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2016, no. 9, pp. 32–34.

11. Semenov D.V. Obraz «moey zhenshchiny» u molodykh muzhchin [Image of “my woman” among young men]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovanie*. 2014, no. 3(19), pp. 65–70.
12. Serdyukova E.F. Transformatsiya gendernykh stereotipov v predstavleniyakh sovremennoy molodezhi [Transformation of gender stereotypes in representations of today’s youth]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2017, vol. 16, no. 6 (145), pp. 14–23.
13. Khudalova M.Z. Korrelyatsionnyy analiz sfery brachno-semeynoy samorealizatsii u osetin i russkikh [Correlation analysis of the scope of marriage and family self-fulfillment of the Ossetians and the Russians] *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2017, vol. 8, no. 2–2, pp. 253–256.
14. Yanshin P.V. *Klinicheskaya psikhodiagnostika lichnosti. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Clinical diagnostics of personality. Textbook]. Saint-Petersburg: Rech, 2007, 320 p.
15. Belk S.S., Snell W.E., Jr. Beliefs about women: Components and correlate. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1986, no. 12, pp. 403–412.
16. Brescoll V.L. Leading with their hearts? How gender stereotypes of emotion lead to biased evaluations of female leaders. *The Leadership Quarterly*. 2016, no. 27, pp. 415–428.
17. Brown M.A., Brown J.D. Self-enhancement biases, self-esteem, and ideal mate preferences. *Personality and Individual Differences*. 2015. No. 74, pp. 61–65. doi: 10.1016/j.paid.2014.09.039
18. Buss D.M. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures. *Behavioral and Brain Sciences*. 1989. Vol. 12. No.1, pp. 1–49. doi: 10.1017/S0140525X00023992
19. Buunk B.P., Dijkstra P., Fetchenhauer D., Kenrick D.T. Age and gender differences in mate selection criteria for various involvement levels. *Personal Relationships*. 2002. Vol. 9. No. 3, pp. 271–278. doi: 10.1111/1475-6811.00018
20. Buyukcan-Tetik A., Campbell L., Finkenauer C., Karremans J.C., Kappen G. Ideal Standards, Acceptance, and Relationship Satisfaction: Latitudes of Differential Effects. *Frontiers in Psychology*. 2017, no. 8, pp. 1691. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01691

21. Campbell L., Simpson J.A., Kashy D.A., Fletcher G.J.O. Ideal standards, the self, and flexibility of ideals in close relationships. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001, vol. 27, no. 4, pp. 447–462. doi: 10.1177/0146167201274006
22. Eastwick P.W., Luchies L.B., Finkel E.J., Hunt L.L. The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2014, vol. 140, no. 3, pp. 623–665. doi: 10.1037/a0032432
23. Fletcher G.J., Simpson J.A., Thomas G., Giles L. Ideals in intimate relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, no. 76, pp. 72–89. doi: 10.1037/0022-3514.76.1.72
24. Frost D.M., Forrester C. Closeness discrepancies in romantic relationships: implications for relational well-being, stability, and mental health. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2013, no. 39, pp. 456–469. doi: 10.1177/0146167213476896
25. Gill M.J. When information does not deter stereotyping: Prescriptive stereotyping can foster bias under conditions that deter descriptive stereotyping. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2004, vol. 40, no. 5, pp. 619–632, doi: 10.1016/j.jesp.2003.12.001
26. Jedlicka D. A Test of the Psychoanalytic Theory of Mate Selection. *Journal of Social Psychology*, 1980. vol. 112, no. 2, pp. 295–299.
27. Lackenbauer S.D., Campbell L. Measuring up: the unique emotional and regulatory outcomes of different perceived partner-ideal discrepancies in romantic relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012, vol. 103, no. 3, pp. 472–88. doi: 10.1037/a0029054.
28. Lewis R.A., Spanier G.B. Theorizing about the quality and stability of marriage / In W.R Burr, R. Hill, F.I. Nye and I.L. Reiss. *Contemporary theories about the family*. Vol. 1. New York: The Free Press, 1979, pp. 268–294.
29. Mealy M., Stephan W. G., Abalakina-Paap M. Reverence for Mothers in Ecuadorian and Euro-American Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2006, vol. 37, no. 4, pp. 465–484. doi: 10.1177/0022022106288481
30. Meltzer A.L., McNulty J.K., Jackson G.L., Karney B.R. Sex differences in the implications of partner physical attractiveness for the trajectory of marital satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. No. 3, pp. 418–428. doi: 10.1037/a0034424

31. Murray S.L., Holmes J.G., Griffin D.W. The self-fulfilling nature of positive illusions in romantic relationships: love is not blind, but prescient. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, vol. 71, no. 6, pp. 1155–1180.
32. Overall N.C., Fletcher G.J., Simpson J.A. Regulation processes in intimate relationships: the role of ideal standards. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 91, no. 4, pp. 662–685. doi: 10.1037/0022-3514.91.4.662
33. Regan P.C., Levin L., Gate R., Sprecher S., Christopher F.S. Partner preferences: What characteristics do men and women desire in their short-term sexual and long-term romantic partners? *Journal of Psychology and Human Sexuality*, 2000, vol. 12, no. 3, pp. 1–21. doi: 10.1300/J056v12n03_01
34. Rudman L.A., Glick P. Prescriptive gender stereotypes and backlash toward agentic women. *Journal of Social Issues*, 2001, vol. 57, no.4, pp. 732–762.
35. Vandello J.A, Cohen D., Grandon R., Franiuk R. Stand by Your Man. Indirect Prescriptions for Honorable Violence and Feminine Loyalty in Canada, Chile, and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2009, vol. 40, no. 1, pp. 81–104. doi: 10.1177/0022022108326194

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Зарубко Елена Юрьевна, к. психол. наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
e.y.zarubko@utmn.ru, zarubkoelena@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zarubko Elena Yurievna, PhD in Psychology, Assistant Professor of the Department of General and Social Psychology
Tyumen State University
6, Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russian Federation
e.y.zarubko@utmn.ru, zarubkoelena@gmail.com
SPIN-code: 8790-6476
ORCID: 0000-0002-0174-1105
Scopus Author ID: 57191847254

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-47-65

УДК 159.9.07

ЛИЧНОСТНЫЕ И НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ КАТЕГОРИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАНИЯ И КОНФЕССИИ

Колниченко И.А., Воронкина Л.Б.

Цель. В статье анализируются результаты исследования различий между личностными и неизменяемыми категориями идентичности у воспитателей дошкольных учреждений в двух независимых группах, отличающихся по степени получения образования (незаконченное высшее и законченное высшее) и конфессиональной принадлежности (христианство и мусульманство).

Методы исследования. Исследование различий между категориями идентичности испытуемых проводилось при помощи включенного наблюдения и методики М. Куна-Маркпатленда (в модификации). Статистический анализ различий – с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни пакета Statistica for Windows 8.

Результаты. Выявлены межгрупповые различия при оценке характеристик идентичности в зависимости от образования и конфессии. На высоком уровне значимости категория личностной идентичности выше у воспитателей, получивших высшее образование 5–7 лет назад, чем у испытуемых, получающих его в период исследования. Межгрупповые различия при оценке идентичности в зависимости от принадлежности к конфессии, желательность неизменяемых категорий статистически более выражены в группе воспитателей, обозначивших себя как христиан в отличие от воспитателей, приписывающих себе мусульманскую конфессию.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере психологического сопровождения развития личности воспитателей дошкольных учреждений и прогнозирования профессионального развития больших социальных групп воспитателей.

Ключевые слова: личностная идентичность; социальная идентичность; личностные и неизменяемые категории идентичности; когнитивная психология.

PERSONAL AND IMMUTABLE CATEGORIES OF THE EDUCATORS' IDENTITY DEPENDING ON EDUCATION AND CONFESSION

Kolinichenko I.A., Voronkina L.B.

Purpose. *The article analyzes the results of a differences study between personal and immutable categories of identity in preschool teachers in two independent groups. These groups differ in the degree of education (incomplete higher and completed higher) and confessional identity (Christianity and Islam).*

Research methods. *A study of the differences between the categories of subjects' identity was carried out with the help of the included observation and the methodology of M. Koon-Markpatland (in modification). Statistical analysis of the differences – using the nonparametric Mann-Whitney U-criterion of the Statistica for Windows package 8.*

Results. *Intergroup differences were identified in assessing the characteristics of identity, depending on education and confession. The category of personal identity is higher on a high level of significance among educators who received higher education 5–7 years ago, than among subjects receiving it during the study period. Intergroup differences in the assessment of identity, depending on belonging to confession: the desirability of immutable categories is statistically more denominated in the group of educators who identified themselves as Christians in contrast to teachers who ascribe themselves to the Muslim faith.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of psychological support for the development of the personality of preschool teachers and the forecasting of the professional development of large social groups of educators.*

Keywords: *personal identity; social identity; personal and unchangeable categories of identity; cognitive psychology.*

Введение

Воспитатель как представитель педагогической профессии выступает для подрастающего поколения проводником ценностного отношения к жизни, задавать нужную траекторию в становлении личности воспитанников, способен налаживать продуктивный диалог с коллегами независимо от уровня их образования и мировоззренческих позиций, в том числе профессиональных.

В психологии стало традицией посвящать научные исследования влиянию воспитателей на личность субъектов педагогической сферы. Однако подобное воздействие не может быть нейтральным – оно осуществляется через призму представлений воспитателей о себе лично, своем образе в педагогической сфере, развитии собственного уровня образования, культурных ценностей, профессиональной принадлежности.

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет изучение межгрупповых различий категорий идентичности воспитателей в зависимости от уровня их образования и профессии, но не только потому, что данная область мало изучена. Стремление воспитателей к личностному совершенствованию, изменению, поиску новых знаний, которые можно транслировать детям, профессиональному диалогу с коллегами не бывает одинаковым. Если воспитатель не намерен улучшать качества личности, благоприятствующие профессиональному росту, или готов «почивать на лаврах», невзирая на постоянно возникающие требования в профессии, у него может наступить кризис идентичности, а затем и уход из профессии в поисках новой идентичности, соответствующей его ценностям.

Поэтому актуально исследовать особенности идентичности воспитателей для психологического сопровождения их профессионального и личностного развития, информирования о принципах и взглядах их коллег как представителей других профессий, декларирующих несколько иные, но все равно продуктивные позиции в отношении воспитания детей, налаживания эффективного межконфессионального диалога в рамках одной профессии.

Обзор литературы

Профессиональная ментальность педагога, согласно исследованиям В.А. Сониной, определяется при сравнении реального положения дел с идеальным, профессиональных и личностных возможностей и достигнутого результата формирования идентичности. Но, говоря о групповой, профессиональной идентичности, стоит остановиться и на личностном аспекте проблематики. Идентификация помогает сформировать единый образ Я, обнаруживающийся в спектре «лично-компонентных явлений» (по В.А. Сониному), благодаря чему у человека появляется потребность в самоопределении [8, с. 186]. Социальный опыт педагогов возникает благодаря осознанию ими своего предназначения в обществе, занимаемого и желательного места в нем.

Э. Эриксон, поведавший научному миру о характеристиках идентичности личности, в их числе называл устойчивые социальные роли [12]. Продолжая исследования социальной идентичности, Г. Тэджфелл вышел за пределы индивидуальной парадигмы [15]; Дж. Тернер в теории самокатегоризации разделял индивидуальную и групповую идентичность, обозначив группу как совокупно-субъекта, обладающего характерными для нее качествами [16].

Проблема достижения настоящей идентичности и ее отдельных аспектов, истинного тождества личности рассматривается в теориях зарубежных и отечественных ученых. Г.М. Андреева посвятила книгу пониманию идентичности в ситуациях взаимодействия между людьми [1].

Общепризнанным в психологии является понимание идентичности как устойчивого, целостного, и в то же время, динамичного образования, что позволяет человеку осознавать как неизменяемость некоторых характеристик образа Я, так и развивать другие. Идентичность – это процесс развития и совершенствования, преобразования личности (А. Ватерман) [17]. Элементами идентичности выступает выбор профессиональной принадлежности, религиозных, светских, моральных взглядов, политики, групповых ролей.

Идентичность – личностное образование, благодаря которому человек имеет представление о своем сложившемся Я-образе, а эле-

менты этого образа, благодаря заложенному в субъекте потенциалу, можно развивать и совершенствовать. Достигнув цели как вершины своих стремлений, развивающийся субъект, как правило, старается успеть за другими в личностном становлении. Но развитие личности даже в едином профессиональном сообществе происходит по-разному: одни люди не понимают необходимость непрерывного личностного и профессионального роста, опираясь на приобретенные ими знания в прошлом, другим же удается опередить развитие большинства, свое время. Именно такой потенциал к развитию должен быть у педагога, поскольку, только развиваясь сам, он может правильно развивать других, в этом тоже его предназначение.

Итак, динамика идентичности тождество, непротиворечащее развитию, есть факт, признанный многими учеными. Например, А.М. Рикель анализировала профессиональную концепцию Я и профессиональную идентичность личности в структуре самознания субъекта [7], С.В. Хребина исследовала групповые феномены, возникающие при обучении и психологическом воздействии на личность в образовательной организации [11].

Понимание тенденций развития человека, включая его отношение к другим людям, идентификацию с некоторыми из них, траекторией, осознанием значимости образования для каждого помогает отыскать точки соприкосновения между разными людьми, найти общий язык.

Полученные результаты развития идентичности в юношеском возрасте позволили М.В. Быльченко сделать вывод о самокатегоризации как уверенности в будущем, определяющем количество и структуру репертуара ролей молодых людей. Теория самокатегоризации Г. Тэджфела способствовала интерпретации социальной и личностной идентичности, временных перспектив ее развития. Автором с помощью модифицированной методики М. Кунаи и Т. Макпартленда были выделены показатели возраста, гендера, национальности, личностных качеств, будущей профессии [2].

Р. Коестер, Дж. Аубе писали об устойчивых характеристиках человека, мало подверженных изменениям на протяжении жизни, ко-

которые образуют глобальную идентичность. Возрастные кризисные периоды, изменения в жизни обуславливают перемены интересов, влекущие за собой изменения личностных черт [13]. Достижение того, что ценно для человека, вместе с принятием новой идентичности, является итогом его зрелого развития [14, 16].

По замечанию Н.М. Лебедевой, в своем развитии человек может сопоставлять разнообразие ролей, в поисках универсальной. Позитивным направлением развития личности, испытывающей потребность в поиске смысла бытия, является личностная идентичность, возникающая как шаг вперед при возникновении неопределенности [6].

Обоснование методики

Для реализации научного замысла были использованы включенное наблюдение и психодиагностическая методика М. Куна-Маркпатленда «Тест двадцати утверждений» [5] в модификации отечественных ученых (проф. Е.В. Улыбина). Научные взгляды на структуру идентичности Е.В. Улыбиной соответствуют следующим научным теориям и концепциям: стадийной концепции структуры идентичности Э. Эриксона, концепции «возможного Я» Х. Маркуса, реализации изменений «возможного Я» через социальные группы М. Сиринелла, личной идентичности Р.Д. Лифтона и идеи об изменяемой, протеевской идентичности и неизменяемой, антипротеевской идентичности.

Итак, в данной методике под личностной идентичностью понимаются индивидуальные характеристики личности, которые могут быть потенциально изменены (умный, самостоятельный, добрая и др.), а под понятием общих, неизменяемых категорий – биологически заданные черты, которые невозможно изменить или они мало подвержены изменениям (человек, сын, брат, отец, мужчина и т.д.) и категории группы членства (в том числе указание на профессию, хобби – воспитатель, педагог, специалист, спортсмен...) [10].

Гипотеза исследования.

1. Существует вероятность проявления различий между несколькими категориями идентичности у испытуемых, которые можно было

выявить при помощи данной методики: по образованию и по конфессии. 2. Совместная педагогическая деятельность может выступить больше интегрирующим, чем дифференцирующим фактором, поэтому у воспитателей, как у представителей одной профессии выявится больше сходства между категориями идентичности, чем различий по образованию и профессиональной принадлежности.

Задачами исследования стали:

1. Изучить межгрупповые различия при оценке характеристик идентичности в зависимости от образования (в группе воспитателей, получающих образование в период проведения обследования в группе воспитателей, получивших образование 5–7 лет назад).
2. Изучить различия между группами испытуемых при оценке категорий идентичности в зависимости от принадлежности к конфессии (христианской или мусульманской, по результатам самооценки).
3. Обработать индивидуальные протоколы обследования, внести полученные данные в сводную таблицу. Провести статистический анализ значимых различий между средними значениями указанных групп испытуемых с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни пакета Statistica for Windows 8. В соответствии с полученными результатами написать рекомендации для исследователей, психологов, воспитателей.

Параметры образования и профессиональной принадлежности мы считаем достаточно важными, так как испытуемые – лица, работающие в одной профессии, но одни из них обучались в вузе в период обследования, другие получили его 5–7 лет назад, как мы указывали выше. По результатам оценки демографических данных, испытуемые принадлежали к христианской либо мусульманской конфессии.

Вопросы относительно демографических данных (пол, возраст, образование, конфессия, будущая профессия) были вынесены после методики, что связано с закономерностями психики человека, чтобы ответы задействовали не столько эмоциональную, сколько когнитивную сферу.

Результаты

Исследование проводилось на базе филиала СГПИ в г. Буденновске в 2018 г. В исследовании принимали участие 24 воспитателя дошкольных учреждений г. Буденновска и буденновского района. Исследование и обработка данных были проведены И.А. Колинченко.

Половина испытуемых продолжила обучение на заочном отделении в университете, так как у них не было высшего образования, а современные условия педагогической работы в учреждениях подобного рода диктуют наличие более высокого уровня профессиональной подготовки. Поэтому можно сказать, что стимулом к началу обучения стали требования сегодняшнего дня к специалистам системы образования, но продолжение образования для испытуемых стало осознанным вкладом в свой профессиональный рост. Вторая половина испытуемых – это воспитатели, которые работают в тех же дошкольных учреждениях, об учебе же или о повышении квалификации не задумываются, так как вполне довольны своей профессиональной карьерой, им нравятся собственные достижения и ничего изменять они не желают.

Студентов-воспитателей, получающих высшее образование, объединяет обучение в одном институте; все испытуемые, независимо от образования, работают в одних и тех же организациях дошкольного образования и являются лицами женского пола, так как по негласной традиции, воспитателями становятся девушки и женщины, все они указали на одну из конфессий – христианскую или мусульманскую.

Образование испытуемых, приобретение профессиональных компетенций вполне можно считать их уровнем образованности, поскольку знания, полученные в высшей школе 5–7 лет назад, не могли предусмотреть современные тенденции образования, которые неизбежно получали испытуемые первой группы, обучаясь в период проведения исследования.

Работая с методикой, испытуемые заполняли бланк для ответов; в таблице «Теста двадцати утверждений» было 3 столбца. Вначале нужно было ответить на вопрос «Кто Я?» и вписать в первый столбец столько ответов, сколько захотят, в течении 12 минут (как пра-

вило, испытуемые справлялись быстрее). Несмотря на написанную инструкцию, мы перед заполнением таблицы еще раз объяснили, что каждый ответ необходимо начинать с новой строки, и что они могут отвечать так, как им хочется, в этом задании нет правильных или неправильных ответов.

После заполнения столбца № 1 методики испытуемым было предложено в столбце 2 каждую из написанных ими характеристик оценить по возможности ее произвольного изменения. Необходимо было выбрать из предложенных вариантов по одному для каждой характеристики отдельно по семибалльной шкале (в диапазоне от 1 до 7 баллов) из вариантов: один – это совсем невозможно изменить, два балла – возможны незначительные изменения, три балла – немного больше изменений характеристик, четыре – вероятны ее значительные изменения, пять – вполне можно изменить, шесть – можно изменить это в значительной степени и семь – можно изменить полностью.

Далее, согласно инструкции, аналогичным образом заполнялся столбец номер 3, в котором каждая отдельная характеристика оценивалась по ее степени привлекательности для испытуемого также по 7-балльной шкале: один балл – это абсолютно не нравится, два балла – не нравится, три – в большей степени нравится, чем не нравится, четыре – отношусь к этому нейтрально, пять баллов – больше нравится, чем не нравится, шесть, если нравится, и семь баллов, если очень нравится.

Обработка ответов каждого испытуемого включала в столбце № 1 подсчет личных, дифференцирующих категорий (например, добрая, хорошая, умная, воспитанная и т.д.), далее – неизменяемых (или малоизменяемых) категорий (человек, девушка, женщина, дочь, мать, внучка, сестра и т.д.) и, наконец, категорий группового членства (воспитатель, педагог, специалист, студент ...). Далее мы произвели расчет изменяемости присвоенных каждой категории баллов в столбце № 2 и вычислили среднее арифметическое изменяемости личных категорий, изменяемости общих категорий и изменяемости групповых категорий отдельно. После этого подобным образом рассчитали среднее арифметическое значение в этот раз по желатель-

ности для каждой из вышеназванных категорий для испытуемых (в соответствии с баллами, присвоенными для каждого слова или словосочетания в столбце № 3).

После заполнения индивидуальных протоколов и подсчета результатов ответов у каждого испытуемого все данные были внесены в сводную таблицу. Далее мы произвели статистический расчет средних значений с помощью пакетов Statistica for Windows 8. Для нахождения статистически значимых различий между средними значениями групп испытуемых был применен непараметрический U-критерий Манна–Уитни.

На первом этапе исследования были изучены различия категорий идентичности между группами педагогов по разнице во времени получения образования. Так, Группу 1 составили воспитатели дошкольных учреждений, получающие в настоящий момент высшее образование и одновременно с этим работающие по специальности, Группу 2 – работающие воспитатели, но обучившиеся в институте 5–7 лет назад (Таблица 1).

Таблица 1.

**Межгрупповые различия при оценке идентичности
в зависимости от образования**

Категории идентичности	Выраженность ранга		Межгрупповые различия	
	Группа 1	Группа 2	U	p
Личностная, дифференцированная идентичность	78,0	222,0	000,0	0,001

Примечания. Здесь и далее по тексту: p – уровень значимости, U-критерий значимости Манна-Уитни; Группа 1 – испытуемые воспитатели, получающие высшее образование в период исследования, Группа 2 – обучавшиеся 5–7 лет назад.

В результате статистической обработки данных было выявлено отличие данных у испытуемых двух уровней образования по категории «личностная, дифференцированная идентичность». Наибольшую математическую нагрузку показали результаты испытуемых второй группы (222,0) по сравнению с первой (78,0) на самом высоком уровне значимости $p=0,0001$, $U=000,0$.

На следующем этапе эксперимента мы разделили ответы испытуемых по принадлежности к конфессии и исследовали различия категорий идентичности по параметрам принадлежности к христианству и мусульманству, приписываемом себе испытуемыми, между двумя группами. К Группе 1 мы отнесли испытуемых христиан, к Группе 2 – мусульман. Результаты статистических расчетов представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

**Межгрупповые различия при оценке идентичности
в зависимости от принадлежности к конфессии**

Категории идентичности	Выраженность ранга		Межгрупповые различия	
	Группа 1	Группа 2	U	p
Желательность неизменяемых или малоизменяемых категорий	211,0	89,0	21,0	0,05

Примечание: Здесь и далее по тексту: Группа 1 – испытуемые христианской конфессии, Группа 2 – испытуемые мусульманской конфессии.

На данном этапе исследования результаты показали статистически достоверное различие по следующей категории идентичности – желательности неизменяемых (малоизменяемых) категорий.

Причем в первой группе данные выражены гораздо сильнее (211,0), чем во второй (89,0) на статистически значимом уровне $p=0,05$, $U=21,0$.

Обсуждение результатов

Как известно, потребность в идентичности реализуется не только в принадлежности к определенному сообществу, но и в желании проявить в нем свой комплекс личностных качеств [1, 4]. Наши данные согласуются с исследованиями Э. Эриксона, который выявил, что идентичность закономерно проявляется сильнее на этапе развития социальных намерений, чем в начале профессионального становления. Профессиональная идентичность является частью социальной; студенческая группа является начальным этапом профессионализации, у них слабее выражен комплекс личностных черт. Хотелось бы

отметить, что у испытуемых были выявлены все три категории идентичности, как общие, неизменяемые (человек, женщина, мать, дочь, сестра...), личностные/дифференцирующие (добрая, красивая, умная...), категории профессионального и иного членства в группе (воспитатель, педагог, специалист, студентка...). Наибольшие различия были выявлены по параметру личностных категорий идентичности.

Можно предположить, что испытуемые первой группы (обучающиеся воспитатели) не придают большого значения личностным качествам потому, что обучение открывает перспективы изменений, формирования других личностных параметров, чем тех, кем ты обозначил себя в статусе студента. Максимально нагруженными оказались качества личности у воспитателей, получивших высшее образование несколько лет назад.

Процесс идентификации работающих специалистов с отношением к себе как к умным, красивым, добрым, талантливым и так далее, воспитатели, вероятно, считают завершенным, однако у нас как у исследователя возникает вопрос об их самооценке. Не является ли она завышенной, а уровень притязаний устоявшимся? Если у них такие характеристики, может ли случиться, что их личностное развитие остается неизменным, ведь, будучи максимально, по их мнению, «хорошими», это может означать внутреннюю убежденность в достижении вершины роста, за которым можно «почивать на лаврах». Однако личностный рост и динамика развития человека не терпят застоя: если человек не видит перспектив для роста, он неизбежно откатывается назад согласно философскому закону развития, поскольку остановок в развитии не должно быть: либо вперед, в развитие, либо назад, вплоть до потери перспектив личностного роста и профессиональной идентичности.

Произрастая из социального, личностное является более высоким уровнем развития субъекта. Мы считаем закономерным нагруженный полюс личностных категорий идентичности в Группе 2. Пока обучающиеся воспитатели осознают членство в группе с одновременным нивелированием личностных качеств, работающие больше думают о личностных качествах.

Обсуждая вторую часть исследования, отметим, что такие категории идентичности, как «человек», «мама», «тетя», «дочь», «внучка», «сестра» получили большую математическую нагрузку в среднем у испытуемых христиан, чем у испытуемых мусульман.

Если в исследовании Дж. Тернера ингруппа проявляла дискриминационные тенденции по отношению к членам аутгруппы [9, с. 117], то в нашем обнаруживается оппозиция между представителями двух групп только по одному критерию – общим категориям идентичности. Закономерность существования таких тенденций Г. Тэджфел объяснял умением группы, к которой приписывает себя субъект, обеспечить положительный вклад в Я-концепцию индивида, что приводит к стремлению сообщества найти позитивные отличия по отношению к группе, членом которой считает себя индивид, что максимально проявилось в Группе 1.

Чем эмоциональнее осознается членство в группе, тем сильнее социальная ситуация будет ассоциироваться с этим членством; в нашем случае наибольший эмоциональный отклик, выраженный в баллах, можно констатировать у группы лиц с христианской принадлежностью, вероятно, у них и выше уровень включенности в групповые процессы.

Через сравнение своей группы с другой достигается социальная идентичность и появляется возможность группового поведения человека. В данной теории принцип дифференциации предполагает наличие конкурирующей группы [9, с. 121], в нашем случае противопоставление категорий идентичности не означало наличия конфликта на интраиндивидуальном уровне. Не обязательно воспитатели в рамках профессии станут проявлять соответствующее конфессии поведение, поскольку, по Дж. Тернеру, межгрупповое поведение есть результат, а не причина самовосприятия.

Хотелось бы заметить, что в разные годы мы проводили исследования среди испытуемых подобных конфессий, в которых была обнаружена противоположная картина: как правило, неизменяемым категориям идентичности испытуемые мусульмане приписывали большее значение, чем христиане. Включенное наблюдение показало: для испытуемых, различающихся по неизменяемым ка-

тегориям идентичности, имеет большее значение чувствовать принадлежность к роду человеческому [3].

В данном исследовании выявились противоположные тенденции: испытуемые христиане большее значение придают неизменяемым категориям идентичности, однако общий смысл различий сохранен. Возможно, еще одним вариантом интерпретации можно считать стремление сохранить базовые основы идентичности. Идентификация с природной частью структуры Я-образа является для человека фундаментом, на котором он в дальнейшем готов соорудить надстройки в виде профессиональных интересов. У испытуемых есть глобальное осознание принадлежности к роду человеческому, а остальное является временным, ведь характер, профессию можно изменить, а природные характеристики почти невозможно.

Заключение

Отдельные категории идентичности составляют содержание социальной структуры, а обладать определенной идентичностью означает понимать себя, оценивать свои действия и поступки людей, принадлежащих к профессиональной группе, но отличающихся по социальным или демографическим признакам – статусу, времени получения образования, конфессиональной принадлежности.

Результаты исследования позволили нам сформулировать авторское понимание идентичности. Итак, идентичность есть осознание личностью схожести как с отдельными личностными характеристиками других людей, конкретной социальной группой, так и со своей природной, неизменяемой частью образа Я. При этом первые две категории идентичности подвержены изменению, если нежелательны для субъекта, а природная категория остается в неизменном виде и служит фундаментом, базисом существования человека.

В результате исследования выявлены отличия личностных и неизменяемых категорий идентичности у воспитателей. В группе испытуемых, получивших образование 5–7 лет назад, личностные, дифференцирующие категории выражены сильнее, чем у испытуемых, получающих его в период проведения обследования. Это свя-

зано с закономерно более сильным проявлением идентичности на этапе развития профессиональных намерений, согласно научным данным Э. Эриксона, чем в начале профессионализации.

Воспитатель как представитель педагогической профессии выступает проводником культуры и знаний для всех, кого он воспитывает и обучает, с кем ведет профессиональный диалог; в данном исследовании проявились некоторые взгляды испытуемых на собственные аспекты общих, неизменяемых категорий идентичности через призму конфессиональных позиций. Неизменяемые категории идентичности имеют большее значение для воспитателей, приписывающих себе христианскую конфессию, чем воспитателей, оценивающих свою принадлежность к мусульманству, что, вероятно, объясняется когнитивным переживанием в ситуации неопределенности. Мы не проводили специальную оценку того, связаны ли данные переживания с проживанием испытуемых на территории поликультурного пространства или с социально-экономической ситуацией в стране и в мире, в данном исследовании мы констатируем факты, которые могут послужить идеей дальнейших исследований.

Немногочисленность полученных различий свидетельствует скорее в пользу сходства оценки идентичности субъектов, принадлежащих к единому профессиональному сообществу, чем к их различиям, поскольку совместная деятельность воспитателей является скорее интегрирующим, чем дифференцирующим фактором, несмотря на значимость конфессиональной принадлежности для испытуемых, проживающих и работающих на территории поликультурного пространства и различий по времени получения образования.

Результаты исследования могут быть полезны психологам для профилактики кризиса идентичности воспитателей и оказания психологической поддержки педагогам, чье понимание эффективности в профессии, личностной идентификации с ее идеальными представителями затруднено.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. Т. 5. № 26. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.01.2017 г.).
2. Быльченко М.В. Особенности формирования идентичности в юношеском возрасте // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 4(6). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.08.2017 г.).
3. Колинченко И.А. Различия категорий идентичности и отношения к морали студентов в зависимости от их профессии и конфессиональной принадлежности // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2016. С. 30–34. URL: <http://elibraru.ru/item.asp?id=26686499> (дата обращения: 14.08.2017).
4. Колинченко И.А. Различия морали, групповой идентичности и изменяемости личности в зависимости от образования // Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 8. № 5. С. 36–53. URL: <http://ej.soc-journal.ru>
5. Кун М., Макпартленд Т. Кто Я? Применение теста «20-ти высказываний» // Психология самосознания: хрестоматия. Самара, 2003. URL: <http://www.gurutestov.ru/test/18>
6. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. № 3. С. 48–58.
7. Рикель А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 2 // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru>. <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/486-rikel17.html>– (дата обращения: 14.08.2017).
8. Сонин В.А. Психолого-педагогический анализ профессионального менталитета учителя // Мир психологии. 2000. № 2. С. 183–191.
9. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 3. С. 115–125.
10. Улыбина Е.В. Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов // Психологические исследования: электрон-

- ный журнал. 2012. Т. 5 № 23. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/682-ulybina23.html> (дата обращения: 14.08.2017).
11. Хребина С.В. Особенности реализации организационно-психологического воздействия в образовательной среде // Психология обучения. 2017. №1. С. 5–14.
  12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Под общ. ред. А.В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
  13. Koester R., Aube J. Multifactorial approach to the Study of Gender characteristic // Journal of personality, 1995, vol. 63, № 3, pp. 681–710.
  14. Roach J., Billman D. Issues in the multiply representation of social groups. Bulletin of the Psychonomic Society. 1993, vol.31, no 5.
  15. Tagfel H., Flament C., Billing M., Bundy R. Social categorization and intergroup behavior // Europ.J.Soc.Psichol, 1971, №1, pp. 149–177.
  16. Turner J. The experimental social psychology of intergroup behavior // Intergroup Behavior / Eds J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981, pp. 66–101.
  17. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol, 1982, vol. 18, № 3, pp. 341–358.

References

1. Andreyeva G.M. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]: electronic scientific journal, 2012, vol. 5, no 26. <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772-andreeva26.html> (accessed August 04, 2017).
2. Byl'chenko M.V. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]: electronic scientific journal, 2009, no 4(6). <http://psystudy.ru> (accessed August 14, 2018).
3. Kolinichenko I.A. *Universitetskiye chteniya – 2016. Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* [University readings – 2016. Materials of scientific-methodical readings of PGLU], 2016, pp. 30–34. <http://elibraru.ru/item.asp?id=26686499> (accessed August 11, 2018).
4. Kolinichenko I.A. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of Social Problems], 2017, vol. 8, no 5. pp. 36–53. <http://ej.soc-journal.ru> (accessed August 11, 2018).

5. Kun M., Makpartlend T. *Psikhologiya samosoznaniya: khrestomatiya* [Psychology of self-consciousness: reader], Samara, 2003. <http://www.gurutestov.ru/test/18>(accessed February 11, 2016).
6. Lebedeva N.M. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal], 1999, no 3, pp. 48–58.
7. Rikel' A. M. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]: electronic scientific journal, 2011, no 3(17). <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/486-rikel17.html> [accessed August 08, 2017].
8. Sonin V.A. *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2000, no 2, pp. 183–191.
9. Sushov I.R. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal], 1993, T. 14. № 3, pp. 115–125.
10. Ulybina E.V. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]: electronic scientific journal, 2012, vol. 5, no 23. <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/682-ulybina23.html>(accessed August 14, 2017).
11. Khrebina S.V. *Psikhologiya obucheniya* [Journal of Educational Psychology], 2017, no 1, pp. 5–14.
12. Ericsson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Ed. A.V. Tolstykh. Moscow, Publishing group «Progress». 1996. 344 p.
13. Koester R., Aube J. *Journal of personality*, 1995, vol. 63, no 3, pp. 681–710.
14. Roach J., Billman D. *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1993, vol. 31, no 5.
15. Tagfel H., Flament C., Billing M., Bundy R. *Europ.J. Soc. Psychol.*, 1971, no 1, pp. 149–177.
16. Turner J., Giles H. *Intergroup Behavior*. Oxford, 1981, pp. 66–101.
17. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review. *Devel. Psychol*, 1982, vol. 18, no 3, pp. 341–358.

ДАНИЕОБАВТОРАХ

Колиниченко Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности

*Пятигорский государственный университет
ул. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольского края, 357501,
Российская Федерация
kolinichenkoi@yandex.ru*

Воронкина Любовь Борисовна, кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии личности и профессиональной
деятельности
*Пятигорский государственный университет
ул. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольского края, 357501,
Российская Федерация
lubava28@rambler.ru*

DATAABOUTTHEAUTHORS

Kolinichenko Irina Aleksandrobna, Associate Professor, Department
of Personality Psychology and Professional Activity, Ph.D. in
Psychology
*Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, 357501, Russian Fede-
ration
kolinichenkoi@yandex.ru
SPIN-code: 7701-7240
ORCID: 0000-0002-0644-6076
ResearcherID: P-7062-2018*

Voronkina Lubov Borisovna, Associate Professor, Department of
Personality Psychology and Professional Activity, Ph.D. in Psy-
chology
*Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, 357501, Russian Fede-
ration
lubava28@rambler.ru
SPIN-code: 6905-6144
ORCID: 0000-0002-5061-4081
ResearcherID: P-7080-2018*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-66-87

УДК 17.02

ОШИБОЧНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ГОМОФОБИЯ» В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Лысов В.Г.

Цель. Среди значительной части общества наблюдается критическое отношение к однополый сексуальной активности, степень выражения которого варьирует от поддержки юридического противодействия попыткам изменить институт брака с целью включить в него однополые партнёрства до единичных случаев насилия в отношении представителей гомосексуального сообщества. Подобное критическое отношение, в независимости от степени его проявления и причин, иногда обозначается как т.н. «гомофобия». С другой стороны, употребление подобного термина вызывает вопросы по поводу адекватности, точности и непредвзятости. Целью данного исследования является анализ (а) происхождения термина «гомофобия»; (б) адекватности его прикладного использования; (в) политических мотивов применения; (г) концепций, описывающих биологические причины критического отношения к однополый активности.

Метод и методология работы. Основу исследования образуют феноменологический, описательный (дескриптивный) и сравнительный (компаративистский) методы, а также принцип систематизации и обобщения данных теоретических и практических исследований.

Результаты. Термин «гомофобия» возник в начале 1970-х гг. в среде гомосексуального движения Соединённых Штатов. Прикладное использование термина «гомофобия» является необъективным по нескольким фундаментальным причинам. Употребление термина «гомофобия» в общественной риторике носит предвзятый, поли-

тический характер. Существуют различные модели, объясняющие причины критического восприятия однополого поведения, интерес представляет собой модель поведенческой иммунной системы. Использование термина «гомофобия» в научной деятельности для обозначения всего спектра критического отношения к однополый активности не имеет научного обоснования и является некорректным. Кроме того, использование термина «гомофобия» размывает грань между сознательным критическим отношением к гомосексуализму, основанном на убеждениях, и формами проявления агрессии, смежая ассоциативное восприятие в сторону агрессии и психопатологии. Для использования в отечественной научной литературе, посвященной изучению данного вопроса предлагаются термины «критическое отношение», «негативизм» или «скептицизм».

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в общественно-политическом дискурсе, направленном на защиту и развитие базовых нравственных и социальных ценностей.*

Ключевые слова: *гомонегативизм; «гомофобия»; поведенческая иммунная система; терминология; пропаганда; общественные ценности.*

SUBJECTIVITY AND PROBLEM OF THE APPLICATION OF THE TERM “HOMOPHOBIA” IN SOCIAL AND SCIENTIFIC DEBATES

Lysov V.G.

Purpose. *Critical attitudes towards same-sex sexual behaviour are common in various cultural domains. Such attitudes vary significantly – from legal counteractions to prevent changes in marriage and adoption legislation to cases of violence against homosexual individuals. Regardless of its forms and origins such attitudes are frequently referred to as “homophobia” in scientific and popular science literature. From the other side, this term raises questions about adequacy, accuracy and*

objectivity. The aim of the present study is to analyze (a) the origins of the term «homophobia»; (b) the adequacy of its application; (c) the political motives for the application; (d) concepts that describe the biological causes of critical attitudes towards same-sex sexual activity.

Methodology. *The basis of the research is the phenomenological, descriptive and comparative methods, and the principle of systematization and synthesis of theoretical and practical research data*

Results. *The term “homophobia” arose in the early 1970s among the homophile movement of the United States. Applied use of the term «homophobia» is biased due to several fundamental reasons. The use of the term «homophobia» in public rhetoric is prejudiced and political in nature. There are different models explaining the reasons for the critical perception of same-sex sexual behavior, the least discussed model of behavioral immune system is of particular interest. The use of the term “homophobia” to designate the entire spectrum of critical attitudes towards same-sex sexual activity in scientific literature has no objective justification and therefore is incorrect. In addition, the use of the term «homophobia» blurs the line between conscious critical attitudes based on beliefs and manifestation of aggression, and shifts the associative perception towards aggression and psychopathology. For use in the national Russian scientific literature, in studies devoted to wide spectrum of negative societal perception of same-sex sexual activity, the terms “critical attitudes”, “negativism” or “skepticism” are proposed to completely replace the term «homophobia».*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the socio-political discourse aimed at protecting and developing basic moral and social values.*

Keywords: *homonegativism; «homophobia»; behavioral immune system; terminology; propaganda; social values*

Введение

В течение последних десятилетий «ЛГБТКИА+»-движение испытывает значительный подъём в некоторых странах [41, с. 364]. «ЛГБТКИА+» – это термин, возникший в английском языке из аб-

бrevиатуры, обозначающей социально активное сообщество людей, отрицающих физиологическое гетеросексуальное влечение в качестве единственной социальной нормы полового поведения, а именно: гомосексуальных, бисексуальных, транссексуальных, асексуальных, интерсексуальных индивидов, а также не определившихся и придерживающихся множества иных форм нефизиологического полового влечения и поведения (LGBTQIA+, lesbian, gay, bisexual, transgender, queer, intersexual, asexual, other) [12]. В данной статье под нефизиологическим половым влечением я подразумеваю половое влечение, направленное на объект, потенциальное сексуальное взаимодействие с которым исключает даже гипотетическую возможность зачатия (например, влечение к животным, к индивидам собственного пола, к неполовозрелым индивидам, к неодушевленным объектам и др.).

В то же время среди значительной части общества, как в атлантических странах, так и в Российской Федерации наблюдается критическое отношение к нефизиологическому половому поведению в общем и к однополой активности в частности, степень выражения которого весьма значительно варьирует: от юридического противодействия попыткам изменить понятие института брака с целью включить в него однополые партнёрства до единичных случаев насилия в отношении индивидов, активно демонстрирующих принадлежность к «ЛГБТКИА+»-сообществу [28; 45]. В рамках «ЛГБТКИА+»-движения подобное критическое отношение, в независимости от степени его проявления и причин, обозначается как т.н. «гомофобия» [3, с. 198]. Согласно Оксфордскому словарю, неологизм «гомофобия» происходит от слов гомосексуализм и фобия [56]. Исследователь Л.Дж. Нангессер в своей работе отметил, что *«гомофобия стала всеобъемлющей политической концепцией, используемой для обозначения любого неположительного отношения к гомосексуалистам»* [52, с. 162]. Обвинения в «гомофобии» используется даже в политической повестке [20]. Таким образом, употребление слова «гомофобия» для описания критического отношения к ценностям

«ЛГБТКИА+»-движения основано на двух важных принципах: (1) оно создаёт ассоциативную связь любого критического отношения к однополой активности с фобическим расстройством; (2) оно придаёт негативную коннотацию и в определенной стигматизирует индивидов, отстаивающих точку зрения отличную от принципов «ЛГБТКИА+»-движения.

Целью данного обзора является анализ (а) происхождения термина «гомофобия»; (б) адекватности его прикладного использования; (в) политических аспектов применения; (г) концепций, описывающих глубинные биологические причины критического отношения к однополой активности. Мы считаем, что наш анализ способствует улучшению процесса изучения и понимания социального взаимодействия «ЛГБТКИА+»-сообщества. Данная работа является «критическим обзором» (critical review) согласно типологии обзорных научных статей, предложенной М. Грант и Э. Бут [27].

Материалы и методы

Выполнен поиск в базе данных статей по медицинским наукам Национальной медицинской библиотекой США «Медлайн» (Medline) при помощи интерфейса «Пабмед» (Pubmed). Критерии запроса: содержание слова «homophobia» в названии и/или резюме статьи, опубликованной в период с 01.01.1972 по 05.02.2018. Код запроса: (homophobia [Title/Abstract]) AND (“1972”[Date – Publication]: “2018” [Date – Publication]). Резюме найденных работ были изучены на предмет содержания информации о явлении критического отношения к однополой активности у гетеросексуальных индивидов, такие работы были отобраны для полнотекстового анализа. В результате полнотекстового анализа были отобраны работы, содержащие информацию согласно хотя бы одному из перечисленных далее критериев: (а) возникновение и введение в научную литературу термина «гомофобия»; (б) прикладное применение термина «гомофобия» в эмпирических исследованиях; (в) применение термина «гомофобия» в политических целях; (г) биологические объяснения критического отношения к однополой активности.

Результаты

Поиск согласно заданному критерию запросу выявил 968 статей. В результате изучения названия и резюме было отобрано 169 статей. В результате полнотекстового анализа были отобраны 52 статьи. В процессе полнотекстового изучения по ссылкам из найденных работ в анализ были добавлены 11 сторонних источников, не индексируемых в «Медлайн».

Обсуждение результатов

История внедрения термина

Джордж Вайнберг (1929–2017) – американский психолог и активист «ЛГБТКИА+»-движения считается создателем термина «гомофобия» и автором гипотезы о психопатологическом субстрате критического отношения к гомосексуализму [37; 70]. Дж. Вайнберг называет именно себя тем человеком, который во время подготовки к выступлению на конференции организации «East Coast Homophile Organization» выдвинул идею о том, что якобы зависть и страх являются причиной критического отношения к гомосексуализму в середине 1960-х годов [4; 29]. Своими соображениями он поделился с другими активистами «ЛГБТКИА+»-движения Джеком Николсом и Лайджем Кларком, которые впервые использовали слово «гомофобия» в статье для порнографического журнала «Screw» (23 мая 1969 г.), где под этим словом подразумевалось опасения негетеросексуальных мужчин того, что их могут принять за гомосексуалистов – это было первое упоминание термина в печатной продукции [29; 37]. Спустя несколько месяцев это слово было использовано в заглавной статье журнала «Times» [29]. В 1971 г. Вайнберг впервые сам употребил термин «гомофобия» в статье под названием «Words for the New Culture» в еженедельнике «Gay» [29]. Наконец, в 1972 г. Вайнберг подробно изложил психопатологическую гипотезу «гомофобии» в книге «Society and the Healthy Homosexual» [70]. В следующем году Вайнберг стал одним из лидеров общественных акций, организованных американским «ЛГБТКИА+»-движением, которые привели к решению Американской Психиатрической Ассоциации

по исключению диагноза «гомосексуализм» из статического перечня психических нарушений в 1973 году [29]. Несмотря на то, что термин «гомофобия» впоследствии был раскритикован как некоторыми сторонниками, так и противниками «ЛГБТКИА+»-движения, Вайнберг до конца жизни оставался упорным сторонником своих убеждений и настаивал на включение «гомофобии» в разряд психических нарушений [29; 69].

Проблематика прикладного использования термина «гомофобия»

На протяжении времени от первого упоминания в научных трудах (1972), значение термина «гомофобия» варьировало от беспричинного патологического страха до любого критического отношения (включая, например, несогласие с разрешением однополым парам усыновлять детей). Дж. Вайнберг в своей работе употребил слово «гомофобия» в значении страха контакта с гомосексуалистами, а если речь идёт о самих гомосексуалистах, то под «гомофобией» понимается их отвращение к самим себе [70]. Спустя несколько лет исследователи С.Ф. Морин и Э. Гарфинкл определили «гомофобом» такого индивида, который не воспринимает гомосексуальный образ жизни равнозначным гетеросексуальному образу жизни [51]. В 1983 году исследователь Л.Дж. Нангессер отметил: *«гомофобия стала удобным термином, предназначенным для интерпретации культурных ограничений на гомосексуальное поведение, однако впоследствии стала всеобъемлющей политической концепцией, используемой для обозначения любого неположительного отношения к гомосексуалистам. Однако исследования не выявили ни иррационального страха, ни специфических реакций, связанных с отношением к гомосексуалистам»* [52, с. 162]. В том же году Б. Файф обозначил под «гомофобией» отрицательное отношение и предрассудки по отношению к гомосексуалистам [25]. В 1988 г. Уолтер В. Хадсон и Венделл Риккетс отметили, что *«слово гомофобия начало настолько широко использоваться как специалистами, так и неспециалистами, для обозначения любой*

неприязни к гомосексуальным индивидам, что утратило большую часть от своего изначального значения» [39, с. 357]. В 1991 г. ряд исследователей определили «гомофобию» как «любое антигомосексуальное предубеждение и дискриминацию» [5; 30], а Л. Райтер обозначил её как «предубеждение, имеющее социо-культуральный подтекст» [58, с. 164]. Спустя пять лет Э. Янг-Бруэл отметила, что «гомофобия является предубеждением, направленным не против конкретных индивидов, а против конкретных действий» [71, с. 143]. В 2005 г. Уильям Т. О'Донохью и коллеги отметили, что за последние десятилетия термин «гомофобия» распространился на любое негативное отношение, убеждение или действие по отношению к гомосексуалистам [53, с. 68].

Фобия в психиатрии и психотерапии – это разновидность тревожного невроза, основным проявлением которого является беспричинный неконтролируемый страх или устойчивое переживание излишней тревоги в определённых ситуациях [1, с. 230]. Индивид с фобией пытается всячески избежать контакта с объектом или ситуацией, вызывающими фобию и переносит такой контакт с выраженным стрессом и тревогой. Исследователь Д.А.Ф. Хаага [30], аргументируя свое мнение о том, что «гомофобия» является предубеждением, а не фобией, приводит сравнение, которое можно отобразить в виде таблицы 1:

Таблица 1.

Сравнение предубеждения и фобии согласно критериям Д.А.Ф. Хаага [30]

Тип	Предубеждение («гомофобия»)	Фобия (невроз)
Эмоциональная реакция	злость, раздражение	тревога, страх
Аргументация эмоций	наличие мотивов	отсутствие объяснений, беспричинность
Ответное действие	агрессия	избегание любым путем
Общественная повестка	противодействие на уровне общества	отсутствует
Направленность усилий по избавлению от некомфортного состояния	на объект, вызывающий предубеждение	на самих себя

Были предложены различные попытки каким-либо образом измерить уровень негативного отношения к гомосексуализму – при помощи психологических тестов [39; 48; 49; 64]. Обзор Дж. Грей и коллег выявил 17 различных шкал, предложенных для измерения отношения к гомосексуализму у гетеросексуальных людей [28]. Все предложенные методы оценки имеют один фундаментальный недостаток – отсутствие группы для сравнения. Валидация, т.е. подтверждение релевантности, во всех предложенных тестах была основана на сравнении с группой респондентов, у которых были выявлены высокие значения параметров, которые лишь предположительно связаны с отрицательным отношением к гомосексуализму (например, религиозность). Этот недостаток мог бы быть устранен путем сравнения с группой респондентов, которые совершили преступления на почве ненависти против гомосексуалистов [53, с. 77]. Таким образом, учитывая многочисленные психометрические проблемы с каждым из предложенных способов оценки, наблюдения и выводы, сделанные на основе этих способов оценки, являются недействительными [53, с. 77]. Вообще не ясно, можно ли каким-либо образом измерить т.н. «гомофобию»: фундаментальную важность в этом отношении представляет консенсус по поводу значения термина «гомофобия», которого сегодня не наблюдается, это целый спектр самых различных понятий, от очень общих (например, негативизм), до более специфических [53, с. 82].

В заключение следует отметить, что сугубо научное, прикладное использование термина «гомофобия» является проблематичным согласно, по-меньшей мере, четырём кардинальным причинам. Во-первых, эмпирические данные показывают, что неприязненное отношение к гомосексуалистам в уникальных случаях действительно может быть фобией в клиническом смысле, как например боязнь высоты или пауков. Однако у большинства индивидов с неприязненным восприятием однополых отношений отсутствуют физиологические реакции, описанные у некоторых индивидов с гомокритическим отношением [63]. Текущее же, популяризируемое «ЛГБТКИА+»-движением, использование термина «гомофобия»

никак не предусматривает разграничение этих двух состояний. Во-вторых, использование термина «гомофобия» с позиций теории Вайнберга предусматривает, что это сугубо индивидуальное клиническое состояние, однако исследования не подтверждают это, а показывают четкую ассоциацию с культурным мировоззрением и общественными отношениями [45]. В-третьих, фобия в клиническом понятии, связана с неприятными реакциями и переживаниями, нарушающими нормальные социальные функции индивида (см. таблицу 1), однако неприязненное отношение к гомосексуалистам никак не влияет на нормальную общественную функцию людей [34; 36]. В-четвёртых, политизированное применение концепции «гомофобии» приравнивает неприязненное отношение к гомосексуализму к таким явлениям как, например, расизм или «сексизм» [20]. Однако, расизм или «сексизм» – это явления, направленные против носителей конкретных биологически обусловленных признаков, не зависящих от поведения их носителей (например, угнетение представителей европеоидной расы или лиц мужского пола). То, что в рамках «ЛГБТКИА+»-движения называют «гомофобией» – это неприязненное отношение не к носителям биологических признаков, а к действиям (поведению), точнее к демонстрации такого поведения, при котором происходит инверсия устоявшейся гендерной роли в сексуальном и/или социальном плане. Не существует даже единого мнения, кого считать гомосексуалистом – человека, который регулярно практикует однополые контакты или крайне редко; которого принуждают вступать в однополые связи или который делает это добровольно, который идентифицирует себя «геем» или нет, и т.д. и т.п. Подтверждением данному утверждению – о поведенческой, а не биологической направленности негативного отношения – является то, что гомосексуальный индивид, публично не демонстрирующий гомосексуального поведения и принадлежности к «ЛГБТКИА+»-сообществу, не испытывает никаких негативных воздействий со стороны общества, что невозможно в случае таких явлений как расизм или «сексизм».

Политический аспект употребления термина «гомофобия»

Поскольку слово «фобия» имеет чёткий клинический смысл и обозначает состояние беспричинного неконтролируемого страха (медицинский диагноз), то обозначение критического отношения к гомосексуализму как фобии, не имеет научного обоснования. Например, критическое отношение к современному искусству с точки зрения научной этики нельзя назвать «авангардофобией». Неприязненное отношение к однополым отношениям не классифицируется как нарушение Всемирной организации здравоохранения, Американскими психиатрической и психологической ассоциациями. По обозначенным выше причинам употребление слова «гомофобия» в отношении негативного отношения к гомосексуализму критикуется многими авторами [35; 37; 39; 44; 47; 63], а вместо него было предложено употреблять выражение «гомонегативизм» [39].

Тем не менее, слово «гомофобия» для обозначения критического отношения к гомосексуализму продолжает активно в средствах массовой информации, популярной культуре и даже научной литературе. Известные активисты «ЛГБТКИА+»-движения М. Кирк и Х. Мэдсен в своей работе подчеркнули, что *«хотя термин «гомоненависть» был бы более точным, «гомофобия» лучше работает риторически... в квази-клинической форме подразумевает, что антигомосексуальные чувства связаны с собственными нездоровыми психологическими сбоями и неуверенностью»* [42, с. 221]. Интересно, что авторы употребили этот термин именно в кавычках [42, с. 23]. М. Кирк и Х. Мэдсен аргументировали предпочтение использования слова «гомофобия» высокой эффективностью в политической стратегии по дестигматизации гомосексуальных людей: *«в любой кампании, чтобы завоевать общественные симпатии, геи должны быть представлены как жертвы, нуждающиеся в защите, чтобы гетеросексуалы поддались рефлекторному желанию взять на себя роль защитника ... Геи должны быть изображены как жертвы общества... Должны быть показаны: графические изображения избитых геев; драматичность отсутствия работы и жилья, утраты опеки над детьми и публич-*

ное унижение: этот список можно продолжить... Наша кампания не должна требовать прямой поддержки гомосексуальных практик, вместо этого следует утвердить борьбу с дискриминацией в качестве главной задачи...» [42, с. 183; 43].

Биологические объяснения критического восприятия однополрой активности

Эмпирические наблюдения позволяют сделать предположение о глубинных общественных механизмах негативного отношения к гомосексуальной активности. В 2003 г. группа исследователей провели опрос среди 226 студентов психологических специальностей из трёх британских университетов, в котором при помощи двух отдельных шкал было оценено отношение к гомосексуальным людям и отношением к социальным процессам, связанным с однополрой активностью (вопрос о разрешении регистрации партнёрств, усыновления детей и др.) [19]. Хотя более половины респондентов указали, что согласны с общими утверждениями, описывающими гомосексуализм как естественное для человека явление, гораздо меньшее число респондентов были согласны с конкретными утверждениями (например, «пол не должен иметь значение браке, гомосексуалисты могут служить в армии, необходимо преподавать детям, что гомосексуализм естественен» и др.) [19, с. 129].

Исследовательница из Университета Триер М. Стеффенс провела ещё более сфокусированный анализ в 2005 г.: было изучено 203 студента при помощи специальных методов по оценке открытого (сознательного) и скрытого (бессознательного) отношения к гомосексуализму [65]. Стеффенс изучила сознательное отношение при помощи различных тестов-опросников, а бессознательное отношение – при помощи технологии «Тест скрытых ассоциаций» (англ. «Implicit Association Test»). Было обнаружено, что сознательное положительное отношение к гомосексуализму не соответствовало бессознательному отрицательному отношению, к тому же общее положительное отношение к гомосексуализму коррелировало с гомосексуальной самоидентификацией респондентов [65, с. 50, 55].

В 2009 г. группа американских исследователей показали, что даже те индивиды, которые относят себя к группе индивидов, благосклонно относящихся к однополый активности, бессознательно испытывают брезгливость при виде целующихся на публике гомосексуалистов [40]. Более того, некоторые люди, имеющие гомосексуальное влечение, признают естественность отвращения к гомосексуализму, заявляя: *«Неприятнь к гомосексуализму у человека – на уровне рефлекторного отторжения»* [2].

Последнее утверждение имеет научное объяснение. Многие исследователи считают, что в ходе эволюции у человека развилась т.н. поведенческая иммунная система – комплекс бессознательных рефлекторных реакций, который предназначен для защиты от воздействия новых патогенов или паразитов [21; 24; 57; 61]. В основе поведенческой иммунной системы лежит чувство отвращения: индивиды, принадлежащие к незнакомым социальным группам, а особенно к тем, кто практикует биологически противоестественные действия в отношении приёма пищи, чистоты и пола, представляют более высокий риск переноса новых (и, следовательно, особо опасных) инфекционных агентов [16, с. 3480; 24, с. 333, 338]. Таким образом, при контакте с такими индивидами активизируется поведенческая иммунная система, и вызывается инстинктивное отвращение [24, с. 338]. Поскольку с физиологической точки зрения, гомосексуальная активность представляет собой нерепродуктивное – биологически противоестественное – сексуальное поведение, то реакцией гетеросексуальных людей на демонстрацию такого поведения является отвращение, направленное на воспрепятствованию биологически неэффективного потенциального полового контакта с такими индивидами: связь отвращения и негативного отношения к гомосексуальной активности была показана в многочисленных исследований [6; 13; 31–33; 36; 50; 55; 66]. Интересны и обратные эффекты – искусственно вызванное чувство отвращения ухудшает на бессознательном уровне отношение к изображениям с гомосексуальной тематикой [18].

Отвращение – адаптационная система, сформировавшаяся для того, чтобы стимулировать поведение, направленное на избежание риска

заболеваний [15; 17; 23; 54; 61; 67]. Данная адаптационная система развилась у животных, чтобы облегчить распознавание объектов и ситуаций, связанных с риском заражения, и, таким образом, сформировать гигиеническое поведение, тем самым уменьшая риск контакт с микро- и макропаразитами; на стадии перехода человеческого общества в ультрасоциальную форму, функции отвращения приняли и социальный характер, обеспечив мотив наказания за антиобщественное поведение и избегание нарушителей социальных норм [11; 33]. Индивидуальная реакция на отвращение варьирует в зависимости от личности и опыта человека, а также от местных культурных традиций и норм поведения [17]. Вэлери А. Кертис приводит список инфекционных заболеваний, вызывающих ассоциативную реакцию отвращения, среди которых СПИД, сифилис и др. [16] (мужчины, вступающие в половой контакт с мужчинами составили 65% всех новых случаев ВИЧ в 2013 году, и 83% всех новых случаев сифилиса в 2014 году [8; 9]). Согласно обзору Дж. Грей и коллег, критическое отношение к гомосексуализму коррелирует с отрицательным отношением к ВИЧ-инфекции и людям с ВИЧ/СПИД [28, с. 347].

Накоплен ряд научных доводов в пользу связи отвращения и бессознательного морально-нравственного суждения [62; 72; 73], действия и индивиды, нарушающие общественные нормы, часто вызывают отвращение [14], схожие физиологические реакции и активация участков мозга наблюдаются при биологическом и нравственном (социальном) отвращении [11; 60]. Исследователь Б.О. Олатенджи отмечает, что базовое чувство отвращения связано с половыми аверсиями за счет общих физиологических реакций (например, рвотные позывы) [55, с. 1367]. Исследователи Д. Фесслер и Д. Нэверетт указывают, что «по-видимому, в ходе естественного отбора сформировался такой механизм, который обеспечивает защиту организма от патогенов и токсинов, и который также исключает сексуальное поведение, снижающие биологическую успешность» [22, с. 414]. Согласно Дж. Хайдту и коллегам базовое чувство отвращения лежит в основе биосоциальной системы по исключению не только потенциально опасной пищи, но и сексуальных и социальных отклонений [33].

Определённые сексуальные действия или потенциальные сексуальные партнеры также вызывают отвращение [59; 67]. Дж. Тайбер и коллеги объясняют данный механизм следующим образом: поскольку любой сексуальный контакт несёт риски потенциального заражения болезнетворными микроорганизмами, такой сексуальный контакт, который не приносит репродуктивного преимущества или несёт риски генетических нарушений (то есть половой контакт с лицами одного пола, детьми или пожилыми людьми, близкими родственниками), ведёт к тому, что индивид подвергается риску заражения, в то же время не имея никакой возможности улучшить свою репродуктивную эффективность воспроизведения [67]. То есть однополый сексуальный контакт по определению исключает возможность репродукции, именно поэтому сама идея гомосексуального контакта вызывает инстинктивное отвращение [24, с. 339]. Возникновение отвращения как реакция на гомосексуализм также связано с ассоциацией с угрозой символического загрязнения (англ. «impurity»), таким способом подсознательно активизируется поведение, направленное на избежание риска физического контакта с патогенами и желанием «очиститься» [26, с. 2].

Заключение

Критическое отношение к однополый активности не соответствует диагностическим критериям фобии как психопатологического понятия. Не существует нозологического понятия «гомофобия». Таким образом, использование термина «гомофобия» в научной деятельности для обозначения всего спектра критического отношения к однополый активности является некорректным. Кроме того, использование термина «гомофобия» размывает грань между сознательным критическим отношением к гомосексуализму, основанном на мировоззренческих убеждениях, и формами проявления агрессии, смещая ассоциативное восприятие в сторону агрессии.

Помимо культурально-цивилизационных убеждений, в основе критического отношения к однополый активности, судя по всему, находится поведенческая иммунная система – биологическая реакция, выработавшаяся в процессе эволюции человека для обеспечения максимальной санитарной и репродуктивной эффективности.

Более или менее адекватными (но отнюдь не идеальными) возможными терминами для обозначения неположительного отношения к однополой активности являются «критицизм», «негативизм» или «скептицизм». Дискуссия в этом отношении остаётся открытой.

Список литературы / References

1. Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации (*Psihicheskie rasstrojstva i rasstrojstva povedenija (F00-F99). Klass V MKB-10, adaptirovannyj dlja ispol'zovanija v Rossijskoj Federacii* [Mental and behavioral disorders (F00-F99) Class V ICD-10 adapted for use in the Russian Federation]) / Коллектив авторов. Под ред. Б.А. Казаковцева, В.А. Голланда. Москва: Прометей, 2013. 584 с.
2. Миронова А. Я бисексуалка, и я против ЛГБТ-движения (Mironova A. *Ja biseksualka, i ja protiv LGBT-dvizhenija* [I am bisexual and I am against LGBT movement]). Эхо Москвы. http://echo.msk.ru/blog/cincinna_c/1085510-echo/ (дата обращения: 22.01.2018).
3. Adams M., Bell L.A., Griffin P. Teaching for Diversity and Social Justice. N.Y.: Routledge, 2007. 471 p.
4. Ayyar R. George Weinberg: Love is Conspiratorial, Deviant & Magical. GayToday 01.11.2002. URL: gaytoday.com/interview/110102in.asp (дата обращения: 22.01.2018).
5. Bell N. AIDS and women: Remaining ethical issues // AIDS Education and Prevention. 1991. № 1, pp. 22–30.
6. Bishop C.J. Emotional Reactions of Heterosexual Men to Gay Imagery // Journal of Homosexuality. 2015. № 62, pp. 51–66. Doi: 10.1080/00918369.2014.957125
7. Carter J. The Dangerous Mind of Peter Singer. First Things. 22.06.2011. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/the-dangerous-mind-of-peter-singer>. (дата обращения: 07.10.2018).
8. Syphilis & MSM (Men Who Have Sex With Men). Centers for Disease Control and Prevention. 2014. URL: <http://www.cdc.gov/std/syphilis/stdfact-msm-syphilis.htm> (дата обращения: 07.10.2018).

9. HIV among gay and bisexual men. Centers for Disease Control and Prevention. 2015. URL: <http://www.cdc.gov/hiv/group/msm/index.html#refb> (дата обращения: 07.10.2018).
10. Garland J., Chakraborti N. Hate Crime: Impact, Causes and Responses. Los Angeles: SAGE Publications, 2009. 185 p.
11. In bad taste: evidence for the oral origins of moral disgust / Chapman H., Kim D., Susskind J., Anderson A. // *Science*. 2009. № 323, pp. 1222–1226. URL: <http://science.sciencemag.org/content/323/5918/1222> (дата обращения: 07.10.2018).
12. Cooper K.M., Brownell S.E. Coming Out in Class: Challenges and Benefits of Active Learning in a Biology Classroom for LGBTQIA Students // *CBE Life Sciences Education*. 2016. № 15(3). P. ar37. Doi: 10.1187/cbe.16-01-0074
13. Cottrell C.A., Neuberg, S.L. Different emotional reactions to different groups: A sociofunctional threat-based approach to prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. № 88, pp. 770–789. Doi: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.5.770>
14. Curtis V., Biran A. Dirt, disgust, and disease: is hygiene in our genes? // *Perspectives in Biological Medicine*. 2001. № 44, pp. 17–31. Doi: 10.1353/pbm.2001.0001
15. Curtis V., Aunger R., Rabie, T. Evidence that disgust evolved to protect from risk of disease // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2004. № 271(Suppl. 4), pp. 131–133. Doi: 10.1098/rsbl.2003.0144
16. Curtis V. Why disgust matters // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2011. № 366, pp. 3478–3490. Doi: 10.1098/rstb.2011.0165
17. Curtis V., de Barra M., Aunger R. Disgust as an adaptive system for disease avoidance behavior // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2011. № 366, pp. 389–401. doi: 10.1098/rstb.2010.0117
18. Dasgupta N., DeSteno D., Williams L.A., Hunsinger M. Fanning the flames of prejudice: The influence of specific incidental emotions on implicit prejudice // *Emotion*. 2009. № 9, pp. 585–591. Doi: 10.1037/a0015961
19. Ellis S.J., Kitzinger C., Wilkinson S. Attitudes Towards Lesbians and Gay Men and Support for Lesbian and Gay Human Rights Among Psychology Students // *Journal of Homosexuality*. 2003, № 44(1), pp. 121–138. Doi: 10.1300/J082v44n01_07

20. European Parliament resolution on homophobia in Europe. RC-B6-0025/2006. Strasbourg: European Parliament, 18.01.2006.
21. Faulkner J., Schaller M., Park J.H., Duncan L.A. Evolved disease-avoidance mechanisms and contemporary xenophobic attitudes // *Group Processes and Intergroup Behavior*. 2004. № 7, pp. 333–353.
22. Fessler D.M.T., Navarrete C.D. Domain-specific variation in disgust sensitivity across the menstrual cycle // *Evolution and Human Behavior*. 2003. № 24, pp. 406–417.
23. Fessler D.M.T., Eng S.J., Navarrete C.D. Elevated disgust sensitivity in the first trimester of pregnancy: evidence supporting the compensatory prophylaxis hypothesis // *Evolution of Human Behavior*. 2005. № 26, pp. 344–351. Doi: 10.1016/j.evolhumbehav.2004.12.001
24. Filip-Crawford G., Neuberg S.L. Homosexuality and Pro-Gay Ideology as Pathogens? Implications of a Disease-Spread Lay Model for Understanding Anti-Gay Behaviors // *Personality and Social Psychology Review*. 2016. № 20(4), pp. 332–364. Doi: 10.1177/1088868315601613
25. Fyfe B. “Homophobia” or homosexual bias reconsidered // *Archives of Sexual Behavior*. 1983. № 12. P. 549.
26. Golec de Zavala A., Waldzus S., Cyprianska M. Prejudice towards gay men and a need for physical cleansing // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2014. № 54, pp. 1–10. doi: 10.1016/j.jesp.2014.04.001
27. Grant M.J., Booth A. A typology of reviews: an analysis of 14 review types and associated methodologies // *Health Information & Libraries Journal*. 2009. № 26(2), pp. 91–108. Doi: 10.1111/j.1471-1842.2009.00848.x
28. Grey J.A., Robinson BB, Coleman E, Bockting W.O.A Systematic Review of Instruments That Measure Attitudes Toward Homosexual Men // *Journal of Sex Research*. 2013. № 50(3–4), pp. 329–352. doi: 10.1080/00224499.2012.746279
29. Grimes W. George Weinberg Dies at 87; Coined ‘Homophobia’ After Seeing Fear of Gays. *The New York Times*. 22.03.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/22/us/george-weinberg-dead-coined-homophobia.html> (дата обращения: 07.10.2018).
30. Haaga D.A.F. Homophobia? // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1991. № 6(1), pp. 171–174.

31. Haddock G., Zanna M.P., Esses V.M. Assessing the structure of prejudicial attitudes: The case of attitudes toward homosexuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. № 65, pp. 1105–1118.
32. Haidt J., McCauley C., Rozin P. Individual differences in sensitivity to disgust: A scale sampling seven domains of disgust elicitors // *Personality and Individual Differences*. 1994. № 16, pp. 701–713.
33. Haidt J., Rozin P., McCauley C., Imada, S. Body, psyche, and culture: the relationship of disgust to morality // *Psychology and Developing Societies*. 1997. № 9, pp. 107–131. Doi: 10.1177/097133369700900105
34. Herek G.M. The context of anti-gay violence: Notes on cultural and psychological heterosexism // *Journal of Interpersonal Violence*. 1990. № 5, pp. 316–333.
35. Herek G.M. Stigma, prejudice, and violence against lesbians and gay men // *Homosexuality: Research implications for public policy*. Newbury Park, CA: Sage, 1991, pp. 60–80.
36. Herek G.M. The psychology of sexual prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2000. № 9, pp. 19–22.
37. Herek G.M. Beyond ‘Homophobia’: Thinking About Sexual Prejudice and Stigma in the Twenty-First Century // *Sexuality Research and Policy*. 2004. № 1 (2), pp. 6–24. doi: 10.1525/srsp.2004.1.2.6
38. Holland E. *The Nature of Homosexuality: Vindication for Homosexual Activists and the Religious Right*. iUniverse, 2004. 709 p.
39. Hudson W.W., Ricketts W.A. A strategy for the measurement of homophobia // *Journal of Homosexuality*. 1988. № 5, pp. 356–371.
40. Inbar Y., Pizarro D.A., Knobe J., Bloom P. Disgust sensitivity predicts intuitive disapproval of gays // *Emotion*. 2009. № 9(3), pp. 435–439. doi: 10.1037/a0015960
41. Kinney III R.L. Homosexuality and scientific evidence: On suspect anecdotes, antiquated data, and broad generalizations // *The Linacre Quarterly*. 2015. № 82 (4). P. 364–390. doi: 10.1179/2050854915Y.0000000002
42. Kirk M., Madsen H. *After the ball: how America will conquer its fear and hatred of gays in the ‘90s*. N.Y.: Doubleday, 1989. 398 p.
43. Kirk M., Pill E. *The Overhauling of Straight America*. Guide. November 1987, pp. 1–11. URL: http://library.gayhomeland.org/0018/EN/EN_Overhauling_Straight.htm/ (дата обращения: 08.11.2018).

44. Kitzinger C. The social construction of lesbianism. London: Sage, 1987. 230 p.
45. The Global Divide on Homosexuality. Pew Global Attitudes Project. 04.06.2013. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/> (дата обращения: 07.10.2018).
46. Kranz R., Cusick T. Gay Rights. N.Y.: Facts on File, 2000. 362 p.
47. Logan C.R. Homophobia? No, Homopredjudice // *Journal of Homosexuality*. 1996. № 31(3), pp. 31–53.
48. Lumby M.E. Homophobia: The Quest for a Valid Scale // *Journal of Homosexuality*. 1976. № 2(1), pp. 39–47.
49. Milham J., San Miguel C.L., Kellogg R. A Factor-Analytic Conceptualization of Attitudes Toward Male and Female Homosexuals // *Journal of Homosexuality*. 1976. № 2 (1), pp. 3–10.
50. Mooijman M., Stern C. When Perspective Taking Creates a Motivational Threat: The Case of Conservatism, Same-Sex Sexual Behavior, and Anti-Gay Attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. № 42(6), pp. 738–754. Doi: 10.1177/0146167216636633
51. Morin S.F., Garfinkle E.M. Male Homophobia // *Journal of Social Issues*. 1978. № 34(1), pp. 29–47.
52. Nungesser L.G. Homosexual Acts, Actors, and Identities. N.Y.: Praeger, 1983. 215 p.
53. O’Donohue W.T., Caselles C.E. Homophobia: Conceptual, Definitional, and Value Issues // *Destructive Trends in Mental Health: The Well-Intentioned Path to Harm*. Wright R.H., Cummings N.A., ed. N.Y.: Routledge, 2005, pp. 65–83.
54. Oaten M., Stevenson R.J., Case T.I. Disgust as a disease-avoidance mechanism // *Psychology Bulletin*. 2009. № 135, pp. 303–321. Doi: 10.1037/a0014823
55. Olatunji B.O. Disgust, scrupulosity, and conservative attitudes about sex: Evidence for a mediational model of homophobia // *Journal of Research in Personality*. 2008. № 42, pp. 1364–1369.
56. Oxford Living Dictionaries. Definition of homophobia in English. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/homophobia> (дата обращения: 07.10.2018).

57. Park J.H., Faulkner J., Schaller M. Evolved disease-avoidance processes and contemporary anti-social behavior: Prejudicial attitudes and avoidance of people with physical disabilities // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2003. № 27, pp. 65–87.
58. Reiter L. Developmental origins of anti-homosexual prejudice in heterosexual men and women // *Clinical Social Work Journal*. 1991. № 19, pp. 163–175.
59. Rozin P., Haidt J., Fincher K. From oral to moral // *Science*. 2009. № 323, pp. 1179–1180. [doi: 10.1126/science.1170492](https://doi.org/10.1126/science.1170492)
60. Schaich Borg J., Lieberman D., Kiehl K. A. Infection, incest, and iniquity: investigating the neural correlates of disgust and morality // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2008. № 20, pp. 1529–1546. [doi: 10.1162/jocn.2008.20109](https://doi.org/10.1162/jocn.2008.20109)
61. Schaller M., Duncan L.A. The behavioral immune system: Its evolution and social psychological implications // *Evolution and the social mind: Evolutionary psychology and social cognition*. Forgas J.P., Haselton M.G., von Hippel W., eds. N.Y.: Psychology Press, 2007, pp. 293–307.
62. Schnall S., Benton, J., Harvey S. With a clean conscience // *Psychology Science*. 2008. №19, pp. 1219–1222. [doi: https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02227.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02227.x)
63. Shields S.A., Harriman R.E. Fear of male homosexuality: Cardiac responses of low and high homonegative males // *Journal of Homosexuality*. 1984. № 10. P. 53-67.
64. Smith K.T. Homophobia: a tentative personality profile // *Psychology Reports*. 1971. № 29(3), pp. 1091–1094.
65. Steffens M.C. Implicit and Explicit Attitudes Towards Lesbians and Gay Men // *Journal of Homosexuality*. 2005. № 49(2), pp. 39–66. [doi: 10.1300/J082v49n02_03](https://doi.org/10.1300/J082v49n02_03)
66. Terrizzi Jr. J.A., Shook N.J., Ventis W.L. Disgust: A predictor of social conservatism and prejudicial attitudes toward homosexuals // *Personality and Individual Differences*. 2010. № 49, pp. 587–592.
67. Tybur J.M., Lieberman D., Griskevicius V. Microbes, mating, and morality: individual differences in three functional domains of disgust //

- Journal of Personality and Social Psychology. 2009. № 97. P. 103. doi: 10.1037/a0015474
68. Tybur J.M., Lieberman D., Kurzban R., Descioli P. Disgust: Evolved function and structure // Psychological Review. 2013. № 120, pp. 65–84. doi: 10.1037/a0030778
69. Weinberg G. Homophobia: Don't Ban the Word – Put It in the Index of Mental Disorders. Editorial letter. 06.12.2012. Huffington Post. URL: https://www.huffingtonpost.com/george-weinberg/homophobia-dont-ban-the-w_b_2253328.html (дата обращения: 07.10.2018).
70. Weinberg G. Society and the healthy homosexual. N.Y.: Anchor Press Doubleday & Co, 1972. 150 p.
71. Young-Bruehl E. The Anatomy of Prejudices. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 632 p.
72. Zhong C.B., Liljenquist K. Washing away your sins: threatened morality and physical cleansing // Science. 2006. № 313, pp. 1451–1452. doi: 10.1126/science.1130726
73. Zhong C.B., Strejcek B., Sivanathan N. A clean self can render harsh moral judgment // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. № 46, pp. 859–862. doi: 10.1016/j.jesp.2010.04.003

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лысов Виктор Григорьевич, научный сотрудник, доктор философии по медицине (PhD in Clinical Research)
Германский Институт Молодёжи и Общества
Почтовый ящик 1220, D-64382 Райхельсхайм, Федеративная Республика Германия
lysovv1978@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lysov Victor Grigorievitsch, Scientific Worker, PhD in Clinical Research
Deutsches Institut für Jugend und Gesellschaft
Postfach 1220, D-64382 Reichelsheim, Germany
lysovv1978@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9704-8905

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-88-104
УДК 37.015.31

КИБЕР-БУЛЛИНГ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ШКОЛЬНЫХ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ДЛЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Осадчая А.В., Макарова Е.А.

Кибер-буллинг несомненно стал важной проблемой среди молодежи и подростков в последнее десятилетие. Явление это стало более частым по мере расширения использования подростками электронных устройств связи, таких как компьютеры и мобильные телефоны. Однако в настоящее время проводится большое количество мероприятий по предупреждению данного негативного явления.

***Цель.** Изучение явления кибер-буллинга, сравнение его распространенности с традиционным буллингом и рассмотрение видов копинг-стратегий для его преодоления, определения эффективных методов борьбы с кибер-буллингом по мнению самих участников данного процесса.*

***Метод или методология проведения работ.** Изучение литературы по данной проблеме, анализ, анкетирование, обобщение и интерпретация данных.*

***Результаты.** Кибер-буллинг существует в России сравнительно недавно, поэтому число инцидентов довольно мало по сравнению с традиционным школьным буллингом. По мнению подростков, самым эффективным методом борьбы с буллингом является самостоятельное противостояние хулигану или привлечение друзей.*

***Область применения результатов.** Материалы, основные положения и выводы исследования могут быть использованы в практике работы школьных психологов и классных руководителей.*

***Ключевые слова:** кибер-буллинг; копинг-стратегии; интернет-пространство; травля; традиционный буллинг; электронные устройства; подростки; издевательства; виктимизация.*

CYBER-BULLING AS VARIETY OF SCHOOL BULLYING AND COPING STRATEGIES TO OVERCOME IT

Osadchaya A.V., Makarova E.A.

Cyberbullying has been identified as an important issue among adolescents in the last decade. It has become more frequent as teenager use electronic devices such as computers and mobile phones. However, a large number of measures are taken to prevent this negative phenomenon.

Purpose. *Study of the phenomenon of cyberbullying, comparison of its prevalence with traditional bullying and consideration of types of coping strategies, determination of effective methods to fight cyber bullying according to the participants of this process.*

Method or methodology of the work. *The study of literature on the problem, analysis, testing, synthesis and interpretation of findings.*

Results. *Cyberbullying exists in Russia, although the number of incidents is still quite small compared to traditional school bullying. According to teenagers, the most effective methods of dealing with bullying is independent confrontation or attraction of friends.*

Keywords: *cyberbullying; coping strategies; Internet space; bullying; traditional bullying; electronic devices; students; abuse; victimization.*

Введение

Развитие технологий часто приравнивается к прогрессу человеческого общества. Кардинальные инновации, такие как Интернет, навсегда изменили способы взаимодействия людей. Хотя эти изменения позволили человечеству добиться больших успехов во многих областях, они также позволили издевательствам стать более безудержными и широко распространенными. Это очевидно при рассмотрении того, как традиционные школьные издевательства превратились в проблему, известную сегодня как кибер-буллинг. Хотя традиционный буллинг и кибер-буллинг часто похожи

с точки зрения формы и техники, они имеют много различий. В отличие от традиционного буллинга, кибер-буллинг позволяет хулигану скрыть свою личность за монитором компьютера. Такая анонимность позволяет ему наносить «удары» по жертве, не видя реакции жертвы. Дистанцирующий эффект, который технологические устройства оказывают на сегодняшнюю молодежь, часто заставляет их говорить и делать более жестокие вещи по сравнению с тем, что свойственно традиционному буллингу.

Воздействие онлайн-рисков на детей неизбежно, однако это не обязательно приводит к фактическому ущербу. Кроме того, риск потенциально способствует процессу обучения тому, как бороться с неприятными ситуациями в интернет-пространстве. Однако подростки неодинаково учатся на негативном опыте, некоторые справляются с невзгодами лучше, чем другие.

Подростки, как правило, воспринимают онлайн-стратегии преодоления трудностей по двум направлениям: взаимодействие против разъединения и взаимодействие, направленное на прекращение пользования техническими устройствами.

Понимание того, как подростки справляются с проблемными ситуациями в интернет-пространстве, помогает в разработке эффективных инициатив по повышению осведомленности и устойчивости. В этой статье сравнивается отношение подростков к традиционному буллингу и кибер-буллингу по гендерному типу. В современном мире детям все больше внушают, что все их проблемы могут решить взрослые, стоит им только рассказать, но в данной статье будут рассмотрены эффективные способы борьбы с буллингом с точки зрения самих подростков. Однако прежде чем перейти к методам борьбы с кибер-издевательствами, необходимо понять, что такое кибер-буллинг, и какие виды и формы он принимает.

Виды кибер-буллинга

Появление сотовых телефонов в конце 1960-х и начале 1970-х годов изменило способ общения людей. Однако эти портативные устройства связи не получили широкого распространения и не по-

пали в руки большинства молодежи вплоть до появления в 1990-х годах второго поколения сотовых телефонов. После этого они распространялись как «лесной пожар». В то время как многие родители считают, что они покупают мобильный телефон с целью защиты и контроля своего ребенка, некоторые молодые люди используют свои телефоны в качестве инструмента для кибер-запугивания, другие, наоборот, становятся жертвами этого модного средства связи.

Дальнейший прогресс в интернет-пространстве привел к появлению все большего числа веб-сайтов, а вместе с этим социальных сетей. Публикация личной информации в интернет-пространстве опасна тем, что позволяет многим людям увидеть ту сторону человека, которую чаще всего не показывают при личном общении. Эта уязвимость ставит многих подростков в положение жертвы или активного преступника, принимающего участие в кибер-буллинге. Другим аспектом социальных сетей, который может вводить в заблуждение и быть опасным, является возможность создавать профили под различными псевдонимами. Способность подростков маскировать свою личность дает им возможность говорить и писать неприятную информацию, не беспокоясь о последствиях.

В настоящее время кибер-буллинг быстро распространяется по всему миру. Кибер-запугивание в отличие от традиционного буллинга происходит не только в школе, но и за пределами школьной территории, дома – там, где дети привыкли чувствовать себя в безопасности. Кибер-буллинг предполагает использование любых видов информационно-коммуникационных технологий, таких, как мобильные устройства связи и компьютеры, для запугивания другого лица. Он продолжается до тех пор, пока хулиган имеет доступ к электронным устройствам, и пока жертва ими пользуется. Из-за анонимности и удаленности этого типа издевательств характер хулигана может не соответствовать определению “типичного” хулигана. Кибер-запугивание является более разрушительным, чем другие формы издевательств, потому что хулиганы, использующие интернет-ресурсы, могут воздействовать на большее число людей одно-

временно, а также оставаться анонимными для людей, с которыми они контактируют.

Данный вид издевательств может происходить через:

- социальные сети;
- электронную почту;
- мгновенные сообщения;
- чаты;
- личные сообщения;
- игровые веб-сайты;
- фото, аудио, видео документы.

Виды кибер-буллинга:

- обмен негативными сообщениями, личными или в группе. Turnage A.[16] трактует «flaming» как агрессию, сарказм, оскорбления, использование недружественного тона, ненормативную лексику;
- «очернение» в виде оскорбительных постов для всеобщего обозрения. Информация о жертве располагается на странице хулигана или на любой другой странице в интернет-пространстве (создание отдельных групп, публикация видеоматериала в популярных сервисах, например: Вконтакте, YouTube, Instagram и др.). Как правило, жертва не может их удалить;
- акт ложной идентификации себя как другого человека, размещение информации об этом другом человеке. В связи с тем, что интернет-пространство – анонимная среда, заниматься подражанием не составляет большого труда для любого желающего, при этом определить, кто разместил, и является ли данная информация достоверной, очень сложно;
- обидчик распространяет имеющуюся у него личную компрометирующую информацию о другом человеке для всеобщего обозрения. Данным видом кибер-буллинга обычно пользуются друзья жертвы после ссоры с ней, с целью отомстить и обидеть бывшего друга;
- удаление, блокирование, игнорирование человека в чате, в личных сообщениях, в группах, на игровых сайтах. Данный вид

буллинга считается самым мощным и обидным из всех видов. Научно доказано, что именно изоляция оказывает наибольшее давление на психологическое состояние подростков. Ухудшение настроения, осмысление своего существования – это мысли, появляющиеся после краткосрочной изоляции [10];

- получение чужого имущества (денежных средств, доступа в личный кабинет в социальных сетях и т.д.) путём обмана посредством заведомо ложной информации с использованием электронных устройств и интернет-ресурсов [4].

Среди учащихся 7 классов двух общеобразовательных школ города Таганрога были проведены опросы с целью сравнения популярности традиционного и кибер-буллинга (рис. 1 и рис. 2). Диагностика состояла из авторских методик и проводилась в формате анонимного анкетирования. Всего в исследовании приняло участия 118 учеников, из них 52 мальчика и 66 девочек. Статистическая обработка результатов диагностических и общих методов исследований произведена на ПК с помощью пакета «Office 2013» фирмы Microsoft, включающего текстовый редактор «Word-2013», электронные таблицы «Excel-2013», для выявления различий в изучаемых переменных были использованы математические методы шкалирования и ранжирования данных.

По полученным результатам можно сделать вывод, что кибер-буллинг еще не столь популярен в России, как в европейских странах. В настоящее время традиционный буллинг остается более популярным видом издевательств среди подростков. При этом можно заметить, что девочки более склонны к девиантному поведению в традиционном буллинге. На вопрос «Как часто был использован традиционный буллинг в школе?» 11% девочек ответили «очень часто», в то время как только 6% мальчиков ответили аналогичным образом. Ответ «никогда» был выбран 22% девочек и 31% мальчиков. Однако при кибер-буллинге нельзя с полной уверенностью сказать, кто более подвержен данному явлению. Разница между ответами мальчиков и девочек не более 2%, что можно отнести к несущественным различиям.

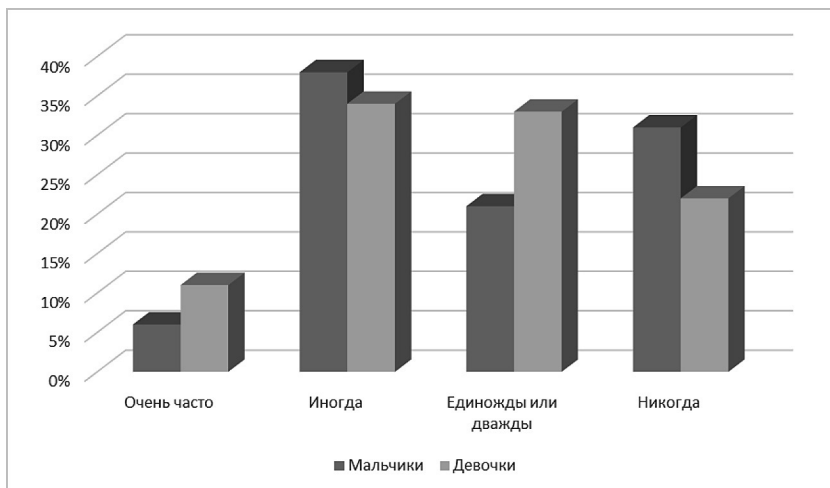

Рис. 1. Частота использования традиционного буллинга среди подростков

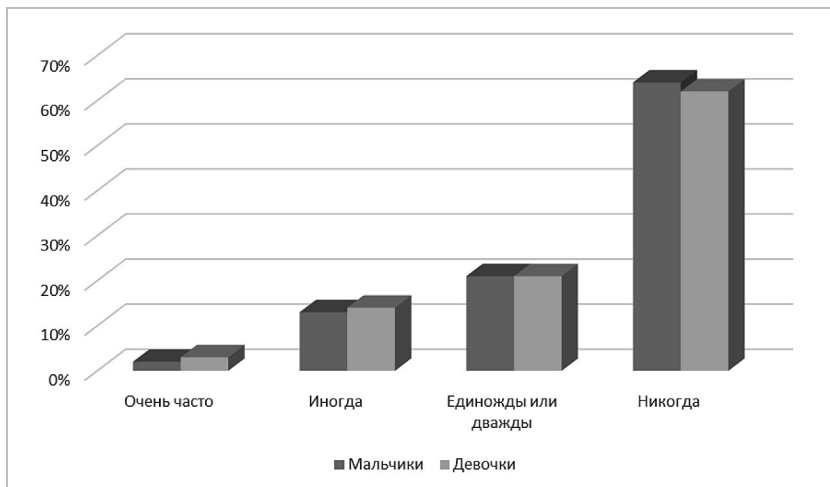

Рис. 2. Частота использования кибер-буллинга среди подростков

Копинг-стратегии в преодолении кибер-буллинга

Теории «копинга» получили всеобщее признание, и самой разработанной из них является концепция Р. Лазаруса. Он понимает «копинг» как средства психологической защиты, вырабатываемые

человеком против психотравмирующих событий и воздействующих на ситуационное поведение. Такими стратегиями могут быть эмоциональные, когнитивные или поведенческие реакции, предназначенные для управления внутренними и внешними потребностями в стрессовых ситуациях [15].

В российской психологии проблема копинг-стратегий стала активно обсуждаться с 1990-х гг. (С.К. Нартова-Бочавер, Л.И. Анцыферова, А.А. Баранов, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, И.Р. Абитов, Г.А. Виленская, А.Б. Леонова, К. Муздыбаев, И.М. Никольская, Р.М. Грановская, А.А. Андреева и др.:[1]. Личностно-ориентированный подход к преодолению стресса рассматривается в исследованиях многих авторов (Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, В.А. Ганзен, Л.П. Гримак, Е.П. Ильин, Л.А. Китаев-Смык, А.Б. Леонова, Б.Ф. Ломов, В.И. Медведев, С.К. Нартова-Бочавер, В.Д. Небылицын, К.В. Судаков, С.С. Чшмаритян, М.Г. Ярошевский и др.). Были выделены и изучены внутренние субъективные условия, влияющие на устойчивость человека к психическому стрессу: значимость события для личности (Л.И. Ермолаева, Н.Д. Левитов, Ю.Е. Сосновикова, А.А. Баранов), субъективная оценка личностью ситуации (Н.И. Наенко, Ю.Б. Некрасова, Т.А. Немчин, М. Тышкова), индивидуально-типологические особенности личности (М.И. Дьяченко, В.Л. Маришук, К.К. Платонов, В.А. Пономаренко, Р. Моос, А.А. Баранов). Несмотря на многообразие работ, посвященных теме буллинга и копинг-стратегий, всестороннее представление о стратегиях преодоления кибер-буллинга в отечественной психологии в отличие от зарубежной в настоящее время в полной мере не сформировано [2].

В литературе доминируют две традиционные модели совладания. Одна из них – транзакционная модель Лазаруса и Фолкмана (1984), которая различает проблемно-ориентированный и эмоционально-ориентированный подходы. В то время как проблемно-ориентированный подход стремится решить проблему «лоб в лоб», эмоционально-ориентированный решает негативные эмоциональные последствия, вызванные проблемой, и пытается вызвать более положительные чувства [11]. Другой традиционной моделью явля-

ется модель дистанцирования [14], которая заключается в отказе человека от активного изменения ситуации или своего отношения к ней. Эти модели подвергались критике из-за перекрывающихся категорий и трудностей с маркировкой многоформатных ответов, что позволяет предположить более широкий диапазон копинг-стратегий. Пример дистанцированных стратегий в кибер-буллинге: игнорирование сообщений буллера можно отнести как к проблемно-ориентированному и эмоционально-ориентированному подходам [12].

Существуют различные точки зрения на преодоление стресса. Некоторые развивают транзакционную модель и включают когнитивные стратегии управления стрессовой ситуацией, такие как «положительное сопоставление» или «выборочное игнорирование» [9]. Другой альтернативой являются трехфакторные концепции совладания [6]: активный поведенческий копинг (обсуждение ситуации с друзьями, поиск информации о случившемся), активный когнитивный копинг (попытка увидеть позитивные стороны с учетом альтернатив) и избегание (занятие другими делами для отвлечения от проблемы с желанием вовсе ее забыть).

Преодоление буллинга – это далеко не простой процесс, поскольку личные характеристики детей оказывают влияние на их способность преодоления. Ранние исследования гендерных различий в преодолении трудностей показывают, что девушкам легче общаться с друзьями и искать эмоциональную поддержку в ситуации буллинга. Фаталистические реакции, такие, как смирение с ситуацией, также чаще встречаются среди девочек [8]. Пристально изучая борьбу с онлайн-издевательствами, исследования подтверждают, что жертвы-девочки более общительны и чаще обращаются за эмоциональной поддержкой и/или советом по решению своих проблем [7].

Способы преодоления кибер-буллинга

Теории и типологии «автономного» преодоления использовались в качестве основы для изучения того, как подростки справляются с (потенциальными) проблемами, неприятностями или стрессовыми ситуациями в онлайн-среде. Неудивительно, что большое внимание

было уделено борьбе с кибер-издевательствами из-за существенного негативного влияния на благополучие детей [16, 13]. Основываясь на общих результатах исследований кибер-буллинга и связанных с ним рисками, авторы приходят к выводу, что необходимо опираться на опыт традиционного буллинга с тем, чтобы преодолеть кибер-буллинг. При этом стоит сделать поправку на возможности электронных устройств, при помощи которых происходят издевательства. Текущие копинг-стратегии с кибер-буллингом состоят из:

- поиска социальной поддержки у одноклассников или родителей;
- «технических стратегий», под которыми понимается связь с администратором сайта с целью блокирования аккаунта виновного;
- уклонение или избегание проблемной ситуации, путем игнорирования агрессора или нахождение в режиме офлайн некоторое время;
- признание негативной ситуации как части жизни и акцентирование внимания на других, положительных моментах [5, 12].

Общение между сверстниками и описание проблемы незнакомым людям является самой популярной стратегией независимо от типа буллинга. Сочетание двух или трех стратегий преодоления трудностей, особенно упреждающих тактик решения проблем, также является довольно распространенной стратегией.

То, как подростки оценивают и воспринимают ситуацию, по-прежнему имеет решающее значение для определения, какие стратегии преодоления применяются. На ранних этапах процесса оценки ситуации, воспринимаемые как более серьезные или вредные, вызывают больше эмоциональной реакции.

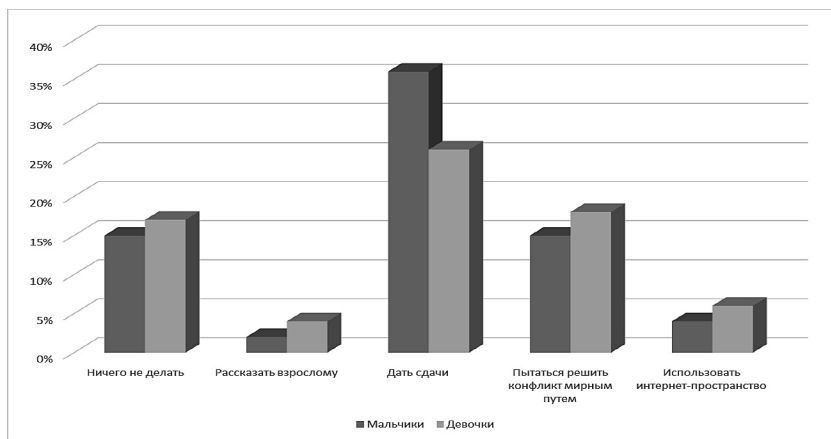
Онлайн- и офлайн-уязвимость взаимосвязаны. Детям, которым трудно придумать эффективные стратегии борьбы с традиционным буллингом, также трудно справиться с кибер-буллингом. Вообще говоря, более эффективными считаются стратегии решения проблем, такие как блокирование отправителей. Такой подход не только решает текущую проблему, но и может предотвратить ее повторение. Жертвы онлайн-издевательства, которые прибегают к проблемно-

ориентированным копинг-стратегиям, сообщают о меньшем количестве жалоб на здоровье и депрессию по сравнению с теми, кто использует эмоционально-ориентированные стратегии [3].

Дистанцирование как копинг-стратегия. Стратегии дистанцирования, такие как долгосрочное или краткосрочное избегание определенных веб-сайтов или платформ; игнорирование запросов на личную информацию, также могут быть эффективными стратегиями в решении неприятных или потенциально неприятных онлайн-ситуаций. Так называемые «пассивные» реакции не полностью отделены от «активных» стратегий преодоления, которые обычно воспринимаются как более благоприятные. Некоторые авторы утверждают, что когнитивные и/или эмоционально-ориентированные стратегии, такие как регулирование эмоций, когнитивное отвлечение или принятие, могут быть полезны в ситуациях, воспринимаемых как неизбежные или неконтролируемые, даже среди жертв кибер-издевательств [9]. Поскольку стрессоры, как правило, незначительны на ранней стадии, незначительные проблемы могут быть решены малыми соответствующими действиями. На следующем этапе человек может запросить обратную связь, чтобы определить, принесли ли предварительные усилия необходимый эффект, или нужны дополнительные усилия для преодоления стрессовой ситуации. Например, на первом этапе можно игнорировать такие действия, как клички, для того, чтобы помешать правонарушителю отправлять более неприятные сообщения. Если ситуация обостряется или перерастает в кибер-буллинг, могут быть использованы более активные методы решения проблем. Другим типичным примером среди школьников является то, что подростка беспокоит нежелательная информация, которая появляется при использовании им различных интернет-ресурсов. Подросток, не желающий получать данную информацию, обращается за помощью к родителям с целью ее исключения.

В некоторых ситуациях подростки кажутся равнодушными и не принимают никаких профилактических или активных мер. Минимизация усилий, недоверие, принятие ситуации как таковой являются общими мотивами для нежелания использовать копинг-стратегии.

Другими причинами являются оправдание и когнитивный рефрейминг, когда подростки говорят, что они не воспринимают ситуацию как проблемную, и она не может их расстроить [12]. Это пассивное, безразличное отношение можно отличить от осознанного выбора избегания буллинга, понимая, что преднамеренные поведенческие тактики избегания подразумевают изоляцию от интернет-пространства в отличие от пассивного ожидания, что негативная ситуация исчезнет сама по себе.

Рис. 3. Действенные способы борьбы с кибер-буллингом по мнению подростков

Среди тех же учащихся 7 классов был проведен опрос с целью выявления самого подходящего метода борьбы с кибер-буллингом (рис. 3). Подросткам были предложены несколько вариантов ответов, или они могли предложить свой вариант. Самыми популярными ответами среди мальчиков являются: «дать сдачи» (36%), решить конфликт любым способом, разрешить конфликт мирным путем (15%), ничего не делать (15%). При этом обратиться за помощью к взрослому (родителям или учителю) (2%) или решить проблему в интернет-пространстве (4%) являются наименее популярными. Среди девочек самыми популярными ответами являются те же, что и у мальчиков, однако девочки больше доверяют помощи учителя

(4%), нежели мальчики. Как можно заметить, использование интернет-пространства как метода противодействию кибер-буллингу является одним из самых непопулярных ответов среди подростков. На наш взгляд, это связано с потребительским использованием электронных устройств. Ведь, как правило, подростки используют интернет-пространство и электронные устройства для посещения игровых сайтов, поиска решения домашних заданий, общения с друзьями, при этом учащиеся не знают обо всех возможностях телефонов, компьютеров и интернета.

Заключение

В данной статье были рассмотрены виды кибер-буллинга и формы копинг-стратегий в борьбе с ним. Показано, что как активные, так и пассивные методы борьбы с кибер-буллингом имеют положительные результаты, а также что подростки склонны по-разному реагировать на онлайн-риски в зависимости от их психо-эмоционального состояния в момент буллинга. В зависимости от уровня воспринимаемого вреда, управляемости и сложности ситуации подростки переходят от простых к более сложным стратегиям преодоления. В то время как поведенческие стратегии избегания в основном имеют довольно негативные коннотации, некоторые исследования ставят это под сомнение и показывают, что избегание может быть адекватным ответом на кибер-буллинг в некоторых ситуациях. Было выявлено, что подростки, которые сознательно предпочитают держаться подальше от «проблемных» онлайн-платформ, приложений или практик, активно предпринимают шаги для решения неприятных событий. Тем не менее, некоторые подростки остаются пассивными и безразличными, потому что они не считают ситуацию проблемной или вредной и, таким образом, не чувствуют необходимости ее изменить.

Издавательства глубоко укоренились в современной культуре. Наше общество достигло вершины конкурентноспособности, которая характеризуется атмосферой «победа или смерть», конкурентным процессом приема в учебные заведения или на работу, и большая часть достижений корпоративного мира способствуют проблемам

буллинга, с которыми мы имеем дело сегодня. Проблемы буллинга и кибер-буллинга могут быть сдержаны только в краткосрочной перспективе, а не устранены полностью из-за того, что конкуренция в повседневной жизни их только преумножает.

По мере того, как все больше людей узнают о причинах издевательств и используемых конкретных тактиках, профилактические программы становятся все более эффективными. Успешная программа должна четко определить проблему, установить признаки и согласованные пути решения проблемы на всех платформах. Самая большая борьба за предотвращение кибер-буллинга в будущем – это сочетание быстрых темпов технологических инноваций с эффективными профилактическими методами.

Важным практическим шагом является повышение осведомленности среди взрослых. Многие взрослые нынешнего поколения родителей не знают о разнообразном потенциале мобильных телефонов и интернет-пространства в той же степени, что и их дети. Очевидным шагом является включение анти-буллинговых методических материалов для учителей по борьбе с этим явлением в школах; а также предоставление информации родителям и рекомендаций для детей.

Список литературы

1. Баранов А.А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика. М.: Изд-во АСТ, 2002. 422 с.
2. Баранов А.А., Рожина С.В. Копинг-стратегии подростка в ситуации кибер-буллинга // Вестник Удмуртского университета. 2016. № 2. С. 37–46.
3. Березина О.С. Социальная профилактика кибербуллинга среди подростков / Березина О.С. // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи. 2015. С. 63–67.
4. Бочавер А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / Бочавер А.А., Хломов К.Д. // Журнал Высшей школы экономики. Т. 11 Психология. 2014. № 3. С. 177–191.
5. Солдатова Г. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн ситуация и способы совладания / Солдатова Г., Зотова Е. // Образовательная политика. 2011. № 5 (55). С. 48–59.

6. Billings A.G., & Moos R.H. The role of coping responses and social resources in attenuating the stress of life events // *Journal of Behavioral Medicine*. 1981. № 4(2). С. 139–157.
7. Bolman C., Eppingbroek A., & Völlink T. Emotion-focused coping worsens depressive feelings and health complaints in cyber-bullied children // *Human Communication Research*. 2012. № 37(2). 11 с.
8. d'Haenens L., Vandoninck S., & Donoso V. How to cope and build online resilience? // London: EU Kids Online Network. 2013.
9. Folkman S., & Moskowitz J. Coping: pitfalls and promise // *Annual Review of Psychology*. 2004. № 55. С. 745–774.
10. Kowalski R.M. Cyber bullying: Recognizing and treating victim and aggressor // *Psychiatric Times*. 2008. № 25. С. 45–47.
11. Lazarus R., & Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. New York, NY: Springer-Verlag. 1984.
12. Parris L., Varjas K., Meyers J., & Cutts H. High school students' perceptions of coping with cyberbullying // *Youth & Society*. 2012. № 44(2). С. 284–306.
13. Perren S., Corcoran L., Cowie H., Dehue F., Garcia D.J., Mc Guckin C., & Völlink T. Tackling cyberbullying: Review of empirical evidence regarding successful responses by students, parents, and schools // *International Journal of Conflict and Violence*. 2012. № 6. С. 283–292.
14. Roth S., & Cohen L.J. Approach, avoidance and coping with stress // *American Psychologist*. 1986. № 41. С. 813–819.
15. Skinner E., & Zimmer-Gembeck M. The development of coping // *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58. С. 119–126.
16. Turnage A. Email flaming behaviors and organizational conflict // *Journal of Computer Mediated Communication*. 2007. № 13(1). С. 43–59.

References

1. Baranov A.A. *Stress-tolerantnost' pedagoga: teoriya i praktika* [The stress tolerance of the teacher: theory and practice]. M.: Izd-vo AST. 2002. 422 p.
2. Baranov A.A., Rozhina S.V. Koping-strategii podrostopka v situacii kiber-bullinga [Coping strategies of teenagers in the situation of cyberbullying]. *Vestnik udmurtskogo universiteta*. 2016. № 2, pp. 37–46.

3. Berezina O.S. Social'naya profilaktika kiberbullinga sredi podrostkov [Social prevention of cyberbullying among adolescents]. *Informacionnaya bezopasnost' i voprosy profilaktiki kiberehkestremizma sredi molodezhi* [Information security and prevention of cyber-extremism among young people]. 2015, pp. 63–67.
4. Bochaver A.A., Hlomov K.D. Kiberbullying: travlya v prostranstve sovremennyh tekhnologij [Cyberbullying: bullying in the space of modern technologies]. *Jurnal Vysshej shkoly ekonomiki. T. 11 Psihologiya*. 2014. № 3, pp. 177–191.
5. Soldatova G., Zotova E. Kiberbullying v shkol'noj srede: trudnaya onlajn situaciya i sposoby sovladaniya [Cyberbullying in the school environment: difficult online situation and ways of coping]. *Obrazovatel'naya politika*. 2011. № 5 (55), pp. 48–59.
6. Billings A.G., & Moos R.H. The role of coping responses and social resources in attenuating the stress of life events. *Journal of Behavioral Medicine*. 1981. № 4(2), pp. 139–157.
7. Bolman C., Eppingbroek A., & Völlink T. Emotion-focused coping worsens depressive feelings and health complaints in cyber-bullied children. *Human Communication Research*. 2012. № 37(2). 11 p.
8. d'Haenens L., Vandoninck S., & Donoso V. How to cope and build online resilience? London: EU Kids Online Network. 2013.
9. Folkman S., & Moskowitz J. Coping: pitfalls and promise. *Annual Review of Psychology*. 2004. № 55, pp. 745–774.
10. Kowalski R.M. Cyber bullying: Recognizing and treating victim and aggressor. *Psychiatric Times*. 2008. № 25, pp. 45–47.
11. Lazarus R., & Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York, NY: Springer-Verlag. 1984.
12. Parris L., Varjas K., Meyers J., & Cutts H. High school students' perceptions of coping with cyberbullying. *Youth & Society*. 2012. № 44(2), pp. 284–306.
13. Perren S., Corcoran L., Cowie H., Dehue F., Garcia D.J., Mc Guckin C., & Völlink T. Tackling cyberbullying: Review of empirical evidence regarding successful responses by students, parents, and schools. *International Journal of Conflict and Violence*. 2012. № 6, pp. 283–292.

14. Roth S., & Cohen L.J. Approach, avoidance and coping with stress. *American Psychologist*. 1986. № 41, pp. 813–819.
15. Skinner E., & Zimmer-Gembeck M. The development of coping. *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58, pp. 119–126.
16. Turnage A. Email flaming behaviors and organizational conflict. *Journal of Computer Mediated Communication*. 2007. № 13(1), pp. 43–59.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Осадчая Анастасия Вячеславовна, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин

Таганрогский институт управления и экономики
ул. Петровская, 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347900, Российская Федерация
005.nastyia@mail.ru

Макарова Елена Александровна, д. психол. н., профессор

Таганрогский институт управления и экономики
ул. Петровская, 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347900, Российская Федерация
makarova.h@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Osadchaya Anastasia Vyacheslavovna, Postgraduate Student of the Department of Humanities Disciplines

Taganrog Management and Economics Institute
45, Petrovskay Str., Taganrog, Rostov Region, 347900, Russian Federation
005.nastyia@mail.ru

Makarova Helen Aleksandrovna, Grand PhD in (Psychological) sciences, Professor

Taganrog Management and Economics Institute
45, Petrovskay Str., Taganrog, Rostov Region, 347900, Russian Federation
makarova.h@gmail.com

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-105-122

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ВНУТРЕННИХ КОНФЛИКТОВ

Пайгунова Ю. В., Лопухова О.Г.

Цель. В статье ставится вопрос о месте психологического туризма в системе восстановления личностной идентичности и разрешения внутриличностных конфликтов.

Метод и методология. Рассматриваются психологические подходы, способные раскрыть методологию психологического туризма как средства психотерапии личностных рассогласований по аксиологическим и этнокультурным основаниям.

Результаты. Приводятся результаты пилотажного исследования возможностей применения психологических диагностических методик при подборе психологической туристской практики в условиях имеющихся этнофункциональных рассогласований и внутренних конфликтов личности, связанных с ее ценностными ориентациями.

Область применения результатов. Полученные результаты открывают новые возможности для стратегии и тактики психотерапевтической работы в психологическом туризме. В частности, методика диагностики внутренних конфликтов «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой и методика диагностики степени этнофункциональной согласованности субъекта «Выраженность эмоционального отношения к группам этнических признаков» А.В. Сухарева, имеют существенный практический потенциал для реализации программ психологического туризма.

Ключевые слова: развитие туризма; психологический туризм; психотерапия; идентичность личности; этнокультурная идентичность; внутренние конфликты; прикладная аксиология; туристские мотивации.

PSYCHOLOGICAL TOURISM AS A FACTOR OF RECOVERY OF PERSONAL IDENTITY AND METHOD OF RESOLUTION OF INTERNAL CONFLICTS

Paigunova Y.V., Lopukhova O.G.

Purpose. *The article raises the question of the place of psychological tourism in the system of restoring personal identity and resolving intrapersonal conflicts.*

Method and methodology. *Psychological approaches that can reveal the methodology of psychological tourism as a means of psychotherapy for personal disagreements on axiological and ethno-cultural grounds are considered.*

Results. *The results of a pilot study of the possibilities of using psychological diagnostic techniques in the selection of psychological tourist practices in the presence of existing ethno-functional disagreements and internal conflicts of the individual, related to its value orientations are presented.*

Scope of application. *The obtained results open new opportunities for the strategy and tactics of psychotherapeutic work in psychological tourism. In particular, the methodology for diagnosing internal conflicts “The level of correlation of value and accessibility in various life spheres” by H. Phantalova and the technique of diagnosing the degree of ethno-functional consistency of the subject “Severity of emotional attitude to groups of ethnic traits» by A. Sukharev, have a significant practical potential for the implementation of psychological tourism programs.*

Keywords: *tourism development; psychological tourism; psychotherapy; identity of the individual; ethno-cultural identity; internal conflicts; applied axiology; tourist motivations.*

Введение

Появление психологического туризма, как отдельной туристской практики, в целом, актуализировало в научном сообществе тему взаимодействия психологии и туризма [1, 3, 8, 10, 11, 12, 14, 17, 34].

В большинстве работ данная проблема сводится чаще всего к двум прикладным аспектам: либо к психологическим факторам консьюмеризма в туризме, либо к анализу туризма как ситуации вызовов экосреды по отношению к личности. Возникшая потребность в психологическом туризме, и сам психологический туризм как феномен, требует, на наш взгляд, теоретического осмысления с позиции его коррекционного, и терапевтического потенциала, вклада в личностное развитие и самосовершенствование.

Психологический туризм как понятие объединяет два альтернативных направления – психотерапевтический туризм и туризм с привлечением психологической компоненты [13]. Оба направления ставят во главу угла проблему совмещения организованного отдыха и профессиональной психотерапии, авторских восстановительных технологий в условиях целебных ресурсов природы и адекватного экстрима, которые восстанавливают психологические и духовные резервы «Я» [17]. С такой точки зрения психологический туризм представляет собой экзистенциальное событие для личности, в корне меняющее ее био-психо-социо-духовную природу. Психологический туризм предполагает переоценку личностного опыта, проработку внутренних конфликтов, восстановление этнической, ландшафтно-географической, культурной идентичности человека.

При организации психологических туров, актуальность представляет, выбор психотерапевтической программы и технологий, исходя из психологических проблем клиентов, часть которых может реализоваться в виде потенциального запроса клиента, а часть может находиться в неосознаваемом для него поле внутренних конфликтов. Данная проблема побудила нас провести исследование возможностей применения психологических диагностических методик при подборе психологической туристской практики с учетом имеющихся этнофункциональных рассогласований и внутренних конфликтов личности, связанных с ее ценностными ориентациями.

Методологической сущности психологического туризма отвечает три основных принципа гештальт-терапии – принцип концентрации на настоящем, в противовес прошлому и будущему, принцип

активного участия клиента в терапии, выражающийся в непрерывном поиске новых психологических выходов из проблемы и принцип комплексного понимания человека в единстве психологического и телесного. Психологический туризм может предоставить гештальт-терапии наилучшие возможности по реализации этих принципов на практике. Туризм как социальная практика предлагает субъекту, в буквальном смысле, выход из привычной для него окружающей среды, установление новых границ контакта с окружающим миром. Туризм предлагает переорганизацию индивидуального опыта субъекта, приобщение к новым ценностям и смыслам. Туризм инициирует новые гештальты, на смену устаревшим и тормозящим развитие личности. Туризм становится субъектом организованного аксиопространства – части социальной среды, специально организованной для положительной динамики личности [2, с. 34].

Психологический туризм дает возможность человеку существовать «здесь и сейчас», порой разрывая связь с прошлым и будущим, погружая личность в новую для нее реальность. «Реальность» является ключевой метафорой гештальт-терапевтической практики, заставляя человека воспринимать возникшую ситуацию как данность [4, 7]. Туризм предоставляет человеку ситуации, в которых он может по-настоящему чувствовать свое бытие, отрешаясь от прошлого, и не заглядывая в будущее, гибко регулировать контактную разницу при встрече с другими объектами и субъектами среды.

Таким образом, экспериментально-феноменологический подход гештальт-терапии прекрасно поддерживается концепцией психологического туризма, побуждая субъекта самостоятельно ставить психологический эксперименты наблюдать возникающие явления. Одним из важнейших требований гештальт-терапии является фиксация наблюдаемых феноменов самим клиентом, что порождает в нем осознанность своих психических побуждений [4, с. 94]. Поэтому одним из важнейших элементов психологического туризма является постоянная рефлексия субъекта возникающих в процессе туристической поездки чувств, эмоций, спонтанных паттернов поведения, которые может обеспечить специалист-психотерапевт.

Важнейшим с психотерапевтической точки зрения личностным приобретением туризма является возможность восстановления внутренней согласованности. Это касается мотивационно-ценностной сферы, а также этнокультурной идентичности личности. Экзистенциальный смысл туристских практик нам видится в том, что через познание других культурных миров человек возвращается к истокам собственной культуры, преодолевает свою культурную маргинальность в современном мире, ощущая приверженность набору ценностей, верований, символов, связанных с собственной культурной традицией. По мнению В.В. Знакова, восновании экзистенциального опыта субъекта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя. «В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум» [5, с. 9].

Овладение своей природой, созревание до способности делать выбор и понимания своей свободы возможно только при «способности личности отказаться от мира, с которым она срослась», выйти за пределы собственного Я, в условиях перехода к состоянию новой бытийности личности, к избавлению от «мертвых» гештальтов» [6, 9].

Весьма показательна в этом отношении теория проработки этнофункциональных рассогласований в психике человека, на основе которой возникла соответствующая методика, успешно показавшая себя при психотерапии заболеваний депрессивного спектра [16]. По определению А.В. Сухарева, этнофункциональная психотерапия должна состоять в повышении степени целостности системы этнофункциональных отношений человека, в повышении уровня его психической адаптации. Результатом этнофункциональной психотерапии является восстановление целостности этноида – субъективно предпочитаемого образа этнической идентификации личности. Приоритетным фактором в процессе развития этноида является отношение человека к группе климато-географических признаков, что непосредственно подводит к мысли о туризме как мощном средстве климато-ландшафтной психотерапии. Многочисленные отече-

ственные и зарубежные исследования показывают, что отношение человека к природной среде своего рождения и проживания – приоритетный фактор в его психическом онтогенезе [15, 16, 22, 23, 25]. На основании данных представлений возникла гипотеза о специфике предпочтений при выборе различных аспектов психологической туристической практики у этнофункционально-согласованных и этнофункционально-рассогласованных в отношении климато-географических признаков, испытываемых.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили психоаналитический, экзистенциальный подходы, ассоциированные в гештальт-терапии, экологическая и этнофункциональная психология и психотерапия, ценностно-ориентированный подход в психологии и психодиагностике внутренних конфликтов личности.

Основным эмпирическим методом исследования являлся опрос, включающий в себя диагностическую методику «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой [19], направленную на выявление несогласований и дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере; методику выявления выраженности эмоционального отношения к группам этнических признаков [16], позволяющую выявить степень этнофункциональной согласованности субъекта в отношении ландшафтно-климатических признаков, а также авторский опросник по психологическому туризму, в котором ключевыми аспектами выступили – выбор региона проведения и концепции психологического тура. Для оценки достоверности результатов исследования были применены непараметрические критерии и нелинейная корреляция. Выборку исследования составили 125 человек. В опросе участвовали 67 женщин, и 58 мужчин.

Результаты и обсуждение

На основании аддитивной проективной методики выявления выраженности эмоционального отношения к группам этнических

признаков были выделены две группы испытуемых, у которых наблюдалось либо эмоционально-позитивное отношение, либо эмоционально-отрицательное отношение к комплексу климато-географических характеристик места проживания. Отнесенность к одной из групп основывалась на анализе открытых ответов испытуемых, представляющих завершение предложений (например: Я думаю, что местность, в которой я живу...; Думаю, что климат, в котором я живу... и т.д.) У представителей первой группы, этнофункционально-согласованных респондентов, преобладали эмоционально-положительные ответы (например: «Я думаю, что местность, в которой я живу... оптимальна; «Думаю, что климат, в котором я живу... мне подходит»). Эта группа испытуемых составила 66 человек. У респондентов второй группы, 59 опрошенных, наблюдалось в той или иной мере негативное эмоциональное отношение к ландшафтно-климатическим характеристикам собственного места проживания («Я думаю, что местность, в которой я живу мне не по душе...»; «Думаю, что климат, в котором я живу – резок, неблагоприятен...»). Анализ соотношения ответов этнофункционально-согласованных и этнофункционально-рассогласованных респондентов относительно климато-географического региона проведения психологического тура выявил значимые различия в их предпочтениях ($\varphi_{\text{эмп}}^* = 3.98$ при $p \leq 0.01$) (Таблица 1). Испытуемые с согласованным этноидом в отношении климато-географических характеристик в качестве места проведения психологического тура чаще предпочитали ландшафт и климат исконного места проживания – России. Напротив, для большинства испытуемых с рассогласованным в отношении климато-географических характеристик этноидом, выбор экзотического ландшафта и климата оказался предпочтительным.

С позиции этнофункциональной психодиагностики и психотерапии, рассогласование социокультурных и антропо-биологических этнических признаков человека с ландшафтно-климатическими условиями его рождения и проживания является маркером углубления нозологической отнесенности депрессивных расстройств [16, с. 176]. Поскольку суть этнофункциональной психотерапии состо-

ит в повышении степени согласованности этноида личности (субъективно-предпочитаемого образа этнической идентификации), то очевидно, что терапевтической задачей психотуризма у лиц с этнофункциональными рассогласованиями выступает проработка их отношения к природной среде для осознания нарушенных связей с климато-географическими и ландшафтными условиями «родного» региона обитания.

Таблица 1.

Предпочтения в выборе региона для прохождения психологического тура у испытуемых с согласованной и рассогласованной в отношении климато-географических характеристик идентичностью

Место проведения психологического тура	Этнофункционально-согласованные в отношении климато-географических характеристик испытуемые	Этнофункционально-рассогласованные в отношении климато-географических характеристик испытуемые
Один из регионов России, с предпочтением традиционного умеренного климата среднерусской полосы	37 (67,3%)	18 (32,7%)
Одна из зарубежных стран, азиатского, африканского, южно-американского региона, с субтропическим и тропическим климатом	17 (30,4%)	39 (69,9%)

Анализ рынка туристских услуг в секторе психологического туризма показал, что наиболее часто в категорию психологических туров попадают следующие виды туризма: эко-туризм, агро-туризм, джайлоо-туризм, экстремальный туризм, туризм с постижением инокультурных духовных практик [11, 13, 14, 20]. Обнаружена значимая взаимосвязь между этнофункциональной рассогласованностью и выбором инокультурных духовных практик и экстремальных видов туризма (коэффициент Крамера равен 0,37 при $p \leq 0.01$) (см. Таблица 2).

Таблица 2.

**Предпочтения в выборе вида психологического тура
у испытуемых с согласованной и рассогласованной идентичностью
в отношении климато-географических признаков (частота распределения)**

Вид психологического туризма	Этнофункционально-согласованные	Этнофункционально-рассогласованные
Туризм с постижением инокультурных духовных практик (йога-туризм и др.)	14 (21,2%)	50 (84,7%)
Агро-туризм	2 (3%)	0
Джайлоо-туризм (проживание в племени, или удаленной от цивилизации местности, с возможностью пожить жизнью традиционного общества)	11 (16,6%)	18 (30,5%)
Эко-туризм	63 (95,4%)	36 (61,6%)
Анимало-туризм	17 (25,75%)	23 (38,9%)
Экстремальный туризм	11 (16,6%)	32 (54,2%)

У этнофункционально-рассогласованных испытуемых был отмечен высокий процент предпочтений в области выбора психологического тура, связанного с постижением инокультурных духовных практик. Тяга к инокультурной среде, к чужим традициям, особенно в сфере духовности, является характерным признаком кризисной этнической идентичности личности, сопутствующей нравственной маргинальности субъекта в условиях этнокультурной неопределенности, отчасти деструктивному поведению и различному спектру депрессивных расстройств.

Этнофункционально-рассогласованные испытуемые значимо чаще выбирали для себя и концепцию экстремального тура. Для специалистов по психологическому туризму, проявления тяги к экстремальной концепции организации тура, как погоне за острыми впечатлениями, может свидетельствовать о наличии внутренних конфликтов личности, связанных с неосознанными рассогласованиями в области этнической идентификации.

Выявленные нами различия в предпочтениях вида психологического туризма у двух категорий испытуемых свидетельствуют о необходимости анализа потенциальных внутренних конфликтов у

этнофункционально-рассогласованных субъектов при организации психологических туров.

Испытуемые, имеющие этнофункциональные рассогласования по комплексу ландшафтно-климатических признаков, подтверждают своим выбором психологической туристской практики наличие кризиса в этнической идентификации, бессознательных внутренних конфликтов, связанных с культурной и географической средой региона проживания.

Задачей психологических туров является также восстановление внутренней аксиологической согласованности личности. Именно поэтому в план исследования была включена методика Е.Б. Фанталовой, позволяющая анализировать как удовлетворенность жизненной ситуацией, так и блокады основных потребностей, а также потенциальные возможности самореализации, интегрированности, гармонии. Методика Фанталовой построена на анализе динамики соотношения между двумя плоскостями «сознания мотивационно-личностной сферы личности – ведущих жизненных ценностей личности и непосредственно доступных целей, находящихся в «обозримом психологическом поле», в зоне «легкой досягаемости» [18]. В таблице 3 представлены результаты ранжирования ценностей по показателям их субъективной значимости и доступности для опрошенных.

Таблица 3.

Ранговое распределение ценностей по показателю их значимости и доступности в мотивационно-личностной сфере опрошенных

Ценность	Значимость	Доступность
Активная, деятельная жизнь	3	5
Здоровье (физическое и психическое)	10	8
Интересная работа	7	3
Красота природы и искусства	1	6
Любовь (духовная и физическая близость любимым человеком)	11	10
Материально обеспеченная жизнь	6	2
Наличие верных и преданных друзей	9	9
Уверенность в себе (отсутствие внутренних противоречий)	8	11

Окончание табл. 3.

Познание нового в мире, природе, человеке расширение кругозора)	4	12
Свобода (независимость в поступках и действиях	5	4
Счастливая семейная жизнь	12	7
Творчество	2	1

Анализ полученных результатов показал, что наиболее ценными и актуальными для всех респондентов являются сферы счастливой семейной жизни, и любви. Наиболее низкий ранг получили такие ценности как красота природы и искусства, творчество, познание нового, активная деятельная жизнь.

Анализ доступности ценностей, возможности их реализации в жизни наших респондентов показал несколько иную картину, которая обнажила проблему наличия внутренних конфликтов и ценностных вакуумов в отдельных сферах личностных мотиваций. Наибольший интерес представляет анализ противоречий, связанных с доступностью, но низкой значимостью таких ценностей как красота природы и искусства, творчество, познание нового в мире и природе, активная, деятельная жизнь. По данным видам ценностей наши испытуемые демонстрировали наличие внутреннего вакуума, который в методологии Е.Б. Фанталовой интерпретируется как состояние, когда доступный объект не представляет интереса, и сопровождается ощущением «внутреннего балласта», «избыточности присутствия», ненужности, внутренней пустоты. Данные результаты, в аспекте сравнения с результатами предпочтений высказанных нашими респондентами при выборе концепции и программы психологического тура, демонстрируют несовместимость отдельных тенденций. Так одно из ведущих мест (80%), в предпочтении вида психологической практики, у наших респондентов отдается эко-туризму, предполагающему посещение уникальных природных мест. Однако значимость красоты природы, по методике Е.Б. Фанталовой, была оценена участниками опроса низко, что указывает на отрицание этой мотивации при выборе данной психологической туристской практики на бессознательном уровне. Дан-

ные результаты, показывают необходимость тщательного изучения потенциала экологического подхода в такой прикладной области, как психологический туризм, и дальнейший анализ условий природной среды как мощного ресурса для восстановления человеческой психики [21, 23, 24, 25, 26]. Наличествующие противоречия в мотивационной сфере при выборе психологической туристской практики, по нашему мнению, могут стать существенным предметом для анализа психотерапевтической составляющей программы психологического тура.

Выводы:

- 1) Установлено, что психологический туризм может выступить инструментом разрешения внутренних конфликтов личности, фактором консолидации этнической, ландшафтно-географической, и культурной идентичности человека.
- 2) Эмпирически доказана значимость методологии этнофункциональной психотерапевтической практики и необходимость ее применения в системе организации психотуров.
- 3) Выявлены неосознаваемые клиентами противоречия в аспекте сознательного мотивационного выбора познавательной и эко-ориентированной практики психологического туризма и его бессознательного отрицания.

В совокупности полученные результаты открывают новые возможности для стратегии и тактики психотерапевтической работы в психологическом туризме.

Список литературы

1. Буряк Л.Г., Духовная Л.Л. К вопросу об инновациях в туризме // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-innovatsiyah-v-turizme> (дата обращения: 22.11.2017).
2. Въездной и внутренний туризм в республике Татарстан: опыт мультинаучного исследования: коллективная монография / Н.З. Аппакова–Шогина, А.В. Гут, Э.Н. Евстафьев [и др]; отв. ред. А.З. Хурамшина. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 296 с.

3. Волков В.Н. Туризм в эпоху постмодерна // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2012, № 1. С. 77–86.
4. Елисеев О.П. Гештальт-психология личности: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2018. 289 с.
5. Знаков В.В. XXI век: изменения в мире человека и новый этап развития психологии субъекта//Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 5–14.
6. Ибрагимов З.З. Овладение человеком своей природой как возможность выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. /Материалы Всероссийской научной конференции, 27–28 октября 2015 г., ИФ РАН (Москва). В 3-х т. / Общ. ред. М.С. Киселевой. М.: Научная мысль, 2015. Т. 1. С. 86–91.
7. Козуб А.А. Гештальт-психология и современность // Роль инноваций в трансформации современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 декабря 2016 г., г. Волгоград). Уфа: АЭТЕРНА. С. 215–219.
8. Кружалин В.И., Аршинова В.В., Кузнецова Н.В. Наукометрия в «Психологии туризма» // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды VIII Международной научно-практической конференции. Тольятти, 25–26 апреля 2013. Самара: Изд-во ООО «Медиа-книга», 2013. С. 43–50.
9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию (интервью) // Вестник высшей школы, 1989, № 2. С. 80–87.
10. Минина О.Ю. Философско-культурологическое осмысление туризма // Ярославский педагогический вестник, 2016, № 3. С. 334–340.
11. Митракова А.И. Современные направления в туризме. Разработка психологического тура на территории Калининградской области // Научный альманах, 2016, №10-2(24). С. 461–463. <http://ucom.ru/doc/na.2016.10.02.pdf>
12. Новиков В.С. Инновации в туризме. М., ИЦ: «Академия», 2007. 208 с.
13. Пайгунова Ю.В. Психологический туризм: перспективы развития в России за рубежом // Наука и технологии XXI века: возможности и ри-

- ски [Электронный источник]: сборник статей Международной научно-практической конференции (23 ноября 2017 г., г. Костанай, Республика Казахстан). Западный: Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2017. 204 с. <http://socis.ru/wp-content/uploads/Наука-и-технологии-XXI-века.-Возможности-и-риски.pdf>(дата обращения: 22.04.2018).
14. Подмаркова И.Т. Анализ опыта и перспектив психологического туризма на Украине // Вісник ДІТБ. 2013. №17. С. 168–173.
  15. Сухарев А.В. О роли отношения к природе в процессе этнофункциональной психодиагностики и психотерапии // Московский психотерапевтический журнал, 1999, №3-4. С. 75–97.
  16. Сухарев А.В. Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. 269 с.
  17. Фаерман М.И. Психологический туризм как направление интегративной психологии. <http://xn--80aao2agpz.xn--p1ai/index.php/psikhologicheskie-stati/167-psikhologicheskij-turizm>(дата обращения: 29.11.2017).
  18. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // Клиническая и специальная психология, 2013, №1. <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/>
  19. Фанталова Е.Б. Ценности и внутренние конфликты: Теория, методология, диагностика. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 184 с.
  20. Хуснутдинова С.Р., Сафонова М.В. Образование через путешествие как одно из направлений городского туризма // Фундаментальные исследования. 2014. №5-5. С. 1037–1040.
  21. Burls A. (2007). People and green spaces: Promoting public health and mental well-being through eco-therapy. *Journal of Public Mental Health*. 6(3), pp. 24–39.
  22. Clinebell H. (1996). *Ecotherapy: healing ourselves, healing the earth: a guide to ecologically grounded personality theory, spirituality, therapy and education*. Minneapolis: Fortress.
  23. De Young R. (2013). Environmental psychology overview. In S.R. Klein, A.H. Huffman (Eds.), *Green organizations: Driving change with IO psychology* (pp. 17–33). New York: Routledge.

24. Gifford R. (2007). *Environmental psychology: Principles and practice* (4th ed.). Colville, WA: Optimal Books.
25. Joye Y., & Van den Berg A. (2011). Is love for green in our genes? A critical analysis of evolutionary assumptions in restorative environments research. *Urban Forest. Urban Green*, 10, pp. 261–268.
26. Lopukhova O. Mental health and psychological well-being: development of environmental approach in psychology and education // *International Journal of Sciences and Research* Vol. 74. No. 2/1/ Feb 2018, pp. 15–27.
27. Simkova E. Psychology and its application in tourism // 4th World Conference on Psychology, Counselling and Guidance WCPCG-2013, *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 114 (2014), pp. 317–321. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.704

References

1. Buryak L.G., Dukhovnaya L.L. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2011. № 6. <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-innovatsiyah-v-turizme>
2. Appakova–Shogina N.Z., Gut A.V., Evstaf’ev E.N. et al. *Vezdnoy i vnutrenniy turizm v respublike Tatarstan: opyt mul’ tinauchnogo issledovaniya* [Inbound and domestic tourism in the Republic of Tatarstan: a multi-scientific research experience]; ed. A.Z. Khuramshina. Kazan, 2014. 296 p.
3. Volkov V.N. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2012, № 1, pp. 77–86.
4. Eliseev O.P. *Geshtal’-psikhologiya lichnosti: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Gestalt psychology of personality: a textbook for undergraduate and graduate]. M.: Izdatel’stvo Yurayt, 2018. 289 p.
5. Znakov V.V. *Lichnost’ i bytie: chelovek kak subekt sotsiokul’turnoy real’nosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Personality and being: man as a subject of sociocultural reality: materials of All-Russia. scientific-practical conf.] / Ed. Z.I. Ryabikina, V.V. Znakov. Krasnodar, 2016, pp. 5–14.
6. Ibragimova Z.Z. *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 27–28 oktyabrya 2015 g., IF RAN (Moskva)* [Man before a choice

- in the modern world: problems, opportunities, solutions / Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, October 27–28, 2015, IPh RAS (Moscow)] / Ed. M.S. Kiseleva. M., 2015. V. 1, pp. 86–91.
7. Kozub A.A. *Rol' innovatsiy v transformatsii sovremennoy nauki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (5 dekabrya 2016 g., g. Volgograd)* [The role of innovation in the transformation of modern science: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (December 5, 2016, Volgograd)]. Ufa, 2016, pp. 215–219.
  8. Kruzhalin V.I., Arshinova V.V., Kuznetsova N.V. *Turizm i rekreatsiya: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: Trudy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tol'yatti, 25–26 aprelya 2013* [Tourism and recreation: basic and applied research: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. Togliatti, April 25–26, 2013]. Samara: Izd-vo OOO «Media-kniga», 2013, pp. 43–50.
  9. Mamardashvili M.K. *Vestnik vysshey shkoly*, 1989, № 2, pp. 80–87.
  10. Minina O.Yu. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2016, № 3, pp. 334–340.
  11. Mitrakova A.I. *Nauchnyy al'manakh*, 2016, №10-2(24), pp. 461–463. <http://ucom.ru/doc/na.2016.10.02.pdf>
  12. Novikov V.S. *Innovatsii v turizme* [Innovation in tourism]. M., ITs: «Akademiya», 2007. 208 p.
  13. Paygunova Yu.V. *Nauka i tekhnologii XXI veka: vozmozhnosti i riski: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (23 noyabrya 2017 g., g. Kostanay, Respublika Kazakhstan)* [Science and technologies of the XXI century: opportunities and risks: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (November 23, 2017, Kostanay, Republic of Kazakhstan)]. 2017. 204 p. <http://socs.ru/wp-content/uploads/Nauka-i-tekhnologii-XXI-veka.-Vozmozhnosti-i-riski.pdf>
  14. Podmarkova I.T. *Visnik DITB*. 2013. №17, pp. 168–173.
  15. Sukharev A.V. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 1999, №3–4, pp. 75–97.
  16. Sukharev A.V. *Etnofunktional'naya psikhologiya: issledovaniya, psikhoterapiya* [Ethnofunctional psychology: research, psychotherapy]. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1997. 269 p.

17. Faerman M.I. *Psikhologicheskij turizm kak napravlenie integrativnoy psikhologii* [Psychological tourism as a direction of integrative psychology]. <http://xn--80aao2agpz.xn--p1ai/index.php/psikhologicheskie-stati/167-psikhologicheskij-turizm>
18. Fantalova E.B. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 2013, №1. <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/>
19. Fantalova E.B. *Tsennosti i vnutrennie konflikty: Teoriya, metodologiya, diagnostika* [Values and internal conflicts: Theory, methodology, diagnostic]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 184 p.
20. Khusnutdinova S.R., Safonova M.V. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014. №5-5, pp. 1037–1040.
21. Burls A. (2007). People and green spaces: Promoting public health and mental well-being through eco-therapy. *Journal of Public Mental Health*. 6(3), pp. 24–39.
22. Clinebell H. (1996). *Ecotherapy: healing ourselves, healing the earth: a guide to ecologically grounded personality theory, spirituality, therapy and education*. Minneapolis: Fortress.
23. De Young R. (2013). Environmental psychology overview. In S.R. Klein, A.H. Huffman (Eds.), *Green organizations: Driving change with IO psychology* (rr. 17–33). New York: Routledge.
24. Gifford R. (2007). *Environmental psychology: Principles and practice* (4th ed.). Colville, WA: Optimal Books.
25. Joye Y., & Van den Berg A. (2011). Is love for green in our genes? A critical analysis of evolutionary assumptions in restorative environments research. *Urban Forest. Urban Green*, 10, pp. 261–268.
26. Lopukhova O., *Mental health and psychological well-being: development of environmental approach in psychology and education*. *International Journal of Sciences and Research* Vol. 74. No. 2/1/ Feb 2018, pp. 15–27.
27. Simkova E. Psychology and its application in tourism. 4th World Conference on Psychology, Counselling and Guidance WCPCG-2013, *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 114 (2014), pp. 317–321. DOI: 10.1016/j.sbspro. 2013.12.704.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Пайгунова Юлия Викторовна, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат психологических наук

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

Деревня универсиады, 35, г. Казань, 420138, Российская Федерация

paigunova@yandex.ru

Лопухова Ольга Геннадьевна, доцент кафедры педагогической психологии Института психологии и образования, кандидат психологических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация

olopuhova@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Paigunova Yulia Victorovna, PhD, Associate Professor in Department of Socio-Economic and Humanities

Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism

35, Universiade Village, Kazan, 420138, Russian Federation

paigunova@yandex.ru

Lopukhova Olga Gennadevna, PhD, Associate Professor in the Institute of Psychology and Education

Kazan Federal University

18, Kremlyovskaya str., Kazan 420008, Russia Federation

olopuhova@rambler.ru

SPIN-кода автора: 7372-0389

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-123-151

УДК 37.015.3+371:351.851

МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАБОТОЙ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ В РЕГИОНЕ

Парфенова Г.Л., Колесова С.В.

Предмет работы: моделирование и управление пролонгированным сопровождением и развитием детской одаренности в образовательном процессе.

Цель работы: обоснование и создание модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе, которая позволит ее реальным и потенциальным участникам осуществлять продуктивное взаимодействие, комплексное психолого-педагогическое, научное сопровождение одаренных детей в образовательном пространстве, создавать условия для успешной самореализации одаренных личностей различного возраста.

Методологическая основа работы: системный, культурологический, субъектный и личностно-ориентированный подходы.

Метод работы: моделирование – построение структурно-функциональной и описательной моделей.

Результаты: обоснована актуальность разработки и внедрения в национальное образовательное пространство модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе; показана структура, направления и содержание деятельности университетского Центра развития одаренности, его взаимодействие с другими структурными подразделениями университета, координация работы Центра с образовательными, культурными, спортивными учреждениями и учреждениями дополнительного образования в регионе.

Область применения результатов: обучение, воспитание, развитие, профессиональная ориентация одаренных детей, психолого-педагогическое сопровождение одаренных детей в образовании.

Выводы: представленная система управления работой с одаренными детьми направлена не только на развитие одаренности ребенка, но и на становление его личности, сохранение и укрепление его здоровья, а также повышение психологической и педагогической культуры окружающих взрослых. Модель может быть адаптирована к особенностям конкретного региона России.

Ключевые слова: одаренность; одаренная личность; модель; система управления; развитие одаренности у детей; деятельность университета по развитию одаренности личности.

REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM MODEL IN EDUCATING GIFTED CHILDREN

Parfenova G.L., Kolesova S.V.

Subject: modeling and managing extended support and development of gifted children in their education.

Aim: the rationale and creation of a regional management system model of activities for educating gifted children, which will enable their real and potential participants to engage in resultative interaction, to implement complex psychological, pedagogical, and scholarly support of gifted children in educational domain, to create conditions for the successful self-fulfillment of gifted persons of different ages.

Methodological basis of the work: systemic, culturological, and personality-oriented approaches.

Method of study: modeling – constructing structural-functional and descriptive models.

Result: the article writers argue that it is currently essential to introduce in the region the model of the management system for education of gifted children; the article demonstrates the structure, directions and content of activities of the University Center for the Development of Giftedness, its interaction with other schools and divisions of the University, harmonizing the Center's activity with educational, cultural, sports institutions and additional education institutions in the region.

Results application area: *education, upbringing, development, vocational orientation of gifted children, psychological and pedagogical support of gifted children in education.*

Conclusions: *the suggested management system for education of gifted children is aimed not only at developing gifts in a child, but also at molding the child's personality, their health care, as well as at raising psychological and pedagogical culture of surrounding adults. The model can be adjusted to the specific features of a particular region in Russia.*

Keywords: *giftedness; gifted individual; model; management system; development of gifts and endowments in children; university's activity in developing individual giftedness.*

Введение

Актуальность научной разработки и практической реализации в регионах и их муниципальных образованиях модели системы управления деятельностью по развитию и сопровождению одаренных детей и молодежи, обусловлена целым рядом обстоятельств.

XXI век, характеризующийся кардинальными экономическими, культурными, геополитическими, информационно-технологическими изменениями, включающими, и выдающиеся открытия, и глобальные катастрофы, требует выявления и развития одаренной, талантливой молодежи как ключевого человеческого ресурса, способного сохранить современный мир и обеспечить его социальную, культурную и духовно-нравственную эволюцию. Изменения во всех сферах жизни российского общества обострили потребность в социально и психологически зрелых одаренных личностях, способных принимать вызовы времени и становиться основным ресурсом государства и процветания народа. Выявление и сохранение детской одаренности, приумножение потенциала одаренных взрослых, формирование национальной профессиональной элиты ставит перед системой образования на всех уровнях проблему организации эффективной деятельности по развитию одаренности личности.

Сегодня на федеральном уровне большое внимание уделяется вопросам обеспечения организационно-методического и юридического

сопровождения общероссийской системы выявления, поддержки и развития одаренных детей и талантливой молодежи (Федеральная целевая программа «Дети России», подпрограмма «Одаренные дети» (2007–2010), Приоритетный национальный проект «Образование» (2006–2011), Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» (2009), новые Федеральные государственные стандарты для всех уровней образования (2010–2018) и др.

В то же время, анализ результатов современных психолого-педагогических исследований и практического опыта в образовании позволяет констатировать, что актуальной остается проблема реализации государственных инициатив, планов и установок в отношении эффективного выявления и развития одаренных личностей, перевода проектов с уровня государственных документов на уровень реально существующей социально-образовательной практики. Решение данной проблемы затруднено отсутствием необходимых механизмов для превращения поддержки, развития, сопровождения одаренных людей на всех возрастных этапах в государственную систему, гарантирующую их гармоничную самореализацию в профессии и жизни. Создание национальной системы работы с одаренными людьми – процесс сложный и многогранный. Его важной частью является системная деятельность по сопровождению одаренных личностей в отдельных регионах. Такая система требует грамотного, научно обоснованного управления.

Предметом представляемого исследования выступает система управления работой с одаренными детьми в регионе. Координирующей структурой, которая имеет все объективные предпосылки для организации такой работы в регионе, считаем учреждение высшего профессионального педагогического образования – педагогический университет. Исследование носит фундаментально-прикладной характер и имеет **целью** обоснование и разработку университетской модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе. Такая система управления позволит реальным и потенциальным участникам образовательного процесса (одаренным детям, их педагогам и родителям, будущим педагогам и психологам; образо-

вательным организациям и др.) осуществлять комплексное взаимодействие, психолого-педагогическое и научное сопровождение одаренных детей и всех участников образовательного пространства, занятых в сфере развития и социальной реализации одаренных личностей различного возраста.

Новизна исследования состоит в разработке и последующем внедрении в образовательную практику регионов модели университетского координационного «Центра развития одаренности» как структуры, управляющей системой инновационной деятельности по выявлению и пролонгированному сопровождению одаренной личности в образовательном процессе.

Обзор литературы

Анализ многочисленных научных исследований и практических наработок показывает, что проблема одаренности имеет междисциплинарный характер. Современные психология и педагогика, история и культурология, социология и статистика, генетика и медицина, технические и информационные науки обращаются к феномену одаренности, рассматривая его как системное явление, которое реализуется в процессе становления субъектности самой одаренной личности.

В последние годы развеяны многие устойчиво существовавшие «мифы об одаренности» (Э. Виннер, А.В. Кулемзина, Э. Ландау, Н.С. Лейтес, А. Миллер и др.), что позволяет грамотно и обоснованно строить работу по её развитию у детей. Большое количество трудов посвящено исследованию различных видов одаренности и психологических особенностей одаренной личности (Ю.Д. Бабаева, Д.Б. Богдавленская, Е.А. Крюкова, А.А. Мелик-Пашаев, А.И. Савенков, Н.Б. Шумакова, Е.И. Щербанова и др.); факторов ее психологического здоровья, культуры, духовности, воспитания (С.В. Колесова, Л.С. Колмогорова, И.Ю. Кулагина, Л.И. Ларионова, Г.Л. Парфенова, О.Г. Холодкова и др.); гендерных аспектов реализации одаренности (Э. Ландау, Л.В. Попова, Л. Термен, Л. Холлингворт и др.), условий и барьеров самореализации одаренной личности в разные периоды

жизни (Е.С. Белова, М.Е. Богоявленская, Л.А. Венгер, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, А.И. Савенков, П. Торренс, В.С. Юркевич и др.). Программы эффективного выявления, обучения и развития одаренных детей разрабатываются для дошкольников, младших школьников, подростков и юношества (Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, Г.Л. Парфенова, Дж. Рензулли, А.И. Савенков, Н.Ю. Синягина, П. Торренс, Е.Е. Туник и др.).

В докторских диссертациях российских ученых исследуются условия совершенствования творческого компонента одаренности, как фактора социальной реализации и зрелости одаренной личности, интегрируются инновационные педагогические технологии развития творческой одаренности молодёжи в высшей школе (И.П. Гладилина, Москва, 2009) и методы профессионально-творческого саморазвития субъектов образовательного процесса в вузе (И.А. Шаршов, Белгород, 2005); предлагаются методы творческого саморазвития студентов в вузах культуры и искусства (М.Н. Юрьева, Тамбов, 2010); внедряются условия информатизации образования для обогащения творческой индивидуальности школьников (Е.А. Бараксанова, Якутск, 2004) и др.

Продолжается разработка концепций и моделей детской одаренности в зарубежных исследованиях (J. Feldhusen, F. Williams, K. Heller, J. Renzulli, R. Sternberg, P. Torrance и др.) [22, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и др.] и отечественной науке (Д.Б. Богоявленская, Н.С. Лейтес, Л.И. Ларионова, А.М. Матюшкин, В.И. Панов, В.Д. Шадрикови др.) [12, 15, 16, 17, 21 и др.].

Несмотря на широкий научный интерес к проблеме развития одаренных личностей, практика часто опережает разработку методологических и психолого-педагогических основ развития одаренности. Достаточно часто эти разработки характеризуются узостью целей, бессистемностью и фрагментарностью, что ограничивает их эффективность при внедрении в образовательную и жизненную практику.

А.А. Марголис и В.В. Рубцов (2011) подчеркивают необходимость внедрения «собственно российской модели работы с одаренными

детьми», имеющей стратегическое значение и удовлетворяющей образовательные потребности таких детей, развивающей интеллектуальный потенциал нации и обеспечивающей инновационный путь развития страны.

Авторы отмечают, что в России, «накоплен многообразный и эффективный опыт работы с учащимися в различных сферах проявления их одаренности». В то же время, формы работы с одаренными детьми и молодежью не приведены в целостную систему с эффективным управлением на федеральном и региональном уровнях [12, с. 12–13]. По этой причине, в группе риска оказываются потенциально одаренные дети (до 30% одаренных), чей потенциал еще не проявился [1]. По данным психологических исследований, выполненных в рамках Президентской программы «Дети России», из 20% школьников с признаками одаренности [20], реализуют свой потенциал 2–5% [13]. С этих позиций проблема организации системной деятельности в стране и регионах по поддержке и сопровождению одаренных детей – одна из важнейших задач модернизации образования. Однако, она остается практически нерешенной.

Анализ отечественных диссертационных психолого-педагогических исследований (2000–2018 гг.) позволяет констатировать, что теоретические разработки моделей системы управления работой с одаренными детьми и ее координации в регионе немногочисленны. Так, социальные аспекты управления процессом развития одаренных детей в современном российском обществе исследует Р.Р. Шаяхметова [19]. С.И. Карпова рассматривает управление общеобразовательной школой как фактор развития детской одаренности [7, 8]. З.Г. Найденова с позиции гуманистического подхода моделирует условия и структуру инновационного развития региональной системы образования, включающей работу с одаренными детьми [14]. Разработана региональная модель системно-целевого управления работой с интеллектуально одаренными школьниками [1]; исследованы аспекты системно-целевого управления развитием интеллектуально одаренных учащихся многопрофильной гимназии [11]. Системность в организации инновационной образовательной

деятельности с одаренными детьми в условиях города рассматривает Г.Т. Шпарева [21]. Т.К. Говорушина подчеркивает значимость тенденций и инновационный характер территориальной системы управления дополнительным образованием в сверхкрупном городе как условия развития одаренных детей и взрослых [3]. Проблемы и факторы эффективности педагогического сопровождения одаренных подростков при проектировании и реализации для них индивидуального образовательного маршрута выявляет С.В. Маркова [13]. С.С. Занаев исследует педагогические условия формирования социальной компетентности одаренных подростков в образовательном пространстве региона [5]. М.В. Фесенко анализирует специфику социализации одаренной молодежи и социализирующий потенциал образовательного пространства университета [18]. В.И. Исаков исследует научно-методическую составляющую деятельности регионального университетского комплекса как научно-образовательного центра по методическому обеспечению работы с одаренными детьми и повышению квалификации педагогических кадров для работы с ними в регионе [6].

Актуальность проблемы системного управления работой с одаренными детьми в регионах также обусловлена тем, что федеральная система поддержки и развития одаренных детей и молодежи только выстраивается, преодолевая многочисленные, разнохарактерные трудности и противоречия. В разных регионах страны имеются существенные различия в экономических, образовательных, социально-культурных ресурсах и деятельности муниципалитетов по развитию одаренных детей. Большинство регионов России [12], имея огромный потенциал детской одаренности, не способны уделить этой проблеме должное внимание, не имеют возможностей для выявления и развития одаренности в детстве, тем самым, упуская реализацию в будущем «одаренных взрослых». В таких регионах недостаточно ресурсов для разработки и осуществления программ образования, развития психолого-педагогического сопровождения одаренных детей, построения индивидуальных образовательных маршрутов для них, которые

могли бы обеспечить реализацию инновационной политики «социальных лифтов».

Создание эффективных систем работы с одаренными детьми в регионах требует адекватных управленческих технологий (В.С. Лазарев, А.М. Моисеев, М.М. Поташник, Т.И. Пуденко, Т.И. Шамова) [1]. Однако, публикации, посвященные данному вопросу, не многочисленны [2, 4]. Представленные подходы требуют конкретизации предлагаемых ресурсов управления для использования при организации уникальных скоординированных структур, управляющих системной деятельностью по развитию одаренных детей в регионе и обеспечению их самореализации за его пределами.

Анализ литературных источников, связанных с решением рассматриваемой проблемы, предмет и цель исследования, позволяют сформулировать основные **задачи исследования**: 1) Обоснование актуальности создания и внедрения в национальную образовательную практику модели управления системой работы с одаренными детьми в регионе, реализуемой на базе педагогического университета. 2) Определение траекторий координации и развития направлений и содержания деятельности структурных подразделений университета по работе с одаренными детьми в регионе. 3) Разработка структуры Центра развития одаренности, системы его внутренних связей с другими подразделениями педагогического университета и внешних связей с учреждениями и организациями региона. 4) Определение направлений и содержания деятельности Центра по взаимодействию со структурными подразделениями университета в работе с одаренными детьми. 5) Построение траекторий сетевого взаимодействия педагогического университета с образовательными, научными, социально-культурными, административно-хозяйственными организациями региона по работе с одаренными детьми. 6) Определение механизмов интеграции инновационной деятельности университета по работе с одаренными детьми в международное и всероссийское социально-образовательное и научное сообщество.

Методологической и теоретической основой разрабатываемой модели являются труды выдающихся зарубежных и отечественных

исследователей феномена одаренности и условий его социальной реализации в современном обществе; инновационные подходы к обучению, воспитанию и развитию одаренности в детском возрасте; теории управления развитием образовательных систем и др. В данном исследовании под одаренностью понимается системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких (необычных, незаурядных) результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми. Одаренная личность – это личность, которая выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет предпосылки для таких достижений) в одном или нескольких видах деятельности. Эмпирическая основа разрабатываемой модели – многочисленные опубликованные и собственные эмпирические данные, полученные сотрудниками, студентами, магистрантами, аспирантами кафедры психологии Алтайского государственного педагогического университета в процессе исследований (2004–2018).

В частности, исследование социальной компетентности (2004–2008) студентов и взрослых (мужского и женского пола) с общей одаренностью, выявило проблемы, препятствующие самореализации одаренной личности: в волевой сфере – подверженность влиянию обстоятельств и желаний, неумение контролировать собственное поведение, пренебрежение чувством долга и социальными нормами, неорганизованность; в аффективной сфере – склонность к фрустрации, недовольству собой, неврастеническим состояниям; низкая толерантность к людям и событиям, раздражительность и обособленность. Исследование психологических качеств дошкольников и младших школьников с признаками одаренности (2010–2013) выявило у них трудности мотивационного, коммуникативного, рефлексивного характера. При этом родителей одаренных детей отмечался низкий уровень понимания своего ребенка, родители не замечали его высокого творческого потенциала. Исследование особенностей межличностных отношений у подростков с музыкальной одаренностью (2014–2015) выявило, что почти половина из них

имеют выраженный авторитарный тип межличностных отношений; большинство – неадекватно сверхответственны за других людей; стремятся «быть хорошим для всех», без учета ситуации; треть музыкально одаренных подростков – застенчивы, склонны подчиняться, без учета ситуации. Исследование развития ценностно-смыслового компонента (2017) старшеклассников с общей одаренностью показало, что у 25% респондентов готовность к саморазвитию на низком уровне. Они нуждаются в психологической помощи в сфере понимания себя, своего потенциала и внешних возможностей самореализации. У каждого шестого одаренного старшеклассника показатель «осмысленность жизни» сформирован на низком уровне. Им требуется помощь в осознании ценности саморазвития личности в контексте возрастных, индивидуальных жизненных и профессиональных планов, стремлений, сценариев и целей человека [15]. Эти факты не единичны, аналогичные данные получены и в исследованиях других авторов [10, 16, 17, 20, 22, 23, 24, 28 и др.].

Приведенные рассуждения подтверждают потребность в разработке и внедрении в социально-образовательную практику модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе. Представим вариант такой модели, охарактеризуем ее структурные компоненты и покажем круг внутренних и внешних связей задействованных учреждений и организаций (рисунок 1).

Модель может включать в себя три уровня взаимодействия и реализации управленческих и координирующих функций. Ядром системы управления по работе с одаренными детьми может стать Центр развития одаренности, созданный как особая структурная единица при педагогическом университете. Первый уровень управления представлен деятельностью структурных элементов Центра развития одаренности – его службами. Второй уровень управления отражает систему внутренних связей Центра. Он реализуется через целевое и функциональное взаимодействие внутренних структур Центра развития одаренности с другими подразделениями университета. Третий уровень управления – это система внешних связей, которые реализуются через внутрисетевые и внесетевые взаимодей-

Эффективная реализация модели возможна лишь при условии координированного управления на всех ее уровнях.

Ключевой управляющий компонент Центра развития одаренности – это Координационный совет. Он планирует, направляет, координирует деятельность всех подструктур Центра, осуществляет научно-методическое руководство их деятельностью. В совете функционально находится руководитель центра и руководители всех служб, отделов, клубов, лабораторий. Находясь в условиях образовательного пространства педагогического высшего учебного заведения, Центр развития одаренности способен эффективно управлять системой работы с одаренными детьми в регионе, имея ряд преимуществ.

Он может играть уникальную роль в осуществлении теоретических и практических исследований современных проблем одаренности объединенными и скоординированными силами ученых края. Результаты исследований могут мобильно и эффективно внедряться на всех уровнях системы образования региона, в том числе, в массовую школу – важное звено выявления и развития детской одаренности. Создание диагностических схем, банка диагностических методик, разработка нового инструментария, позволит на базе центра обоснованно и квалифицированно выявлять одаренность, способности ребенка с последующим составлением рекомендаций по его сопровождению для родителей и педагогов, с разработкой индивидуального образовательного маршрута. На базе центра возможна широкая апробация интересных идей и программ поддержки и психологического сопровождения одаренных детей, сохранения их психического и психологического здоровья. Центр может стать базой педагогической и психологической практики для студентов – будущих педагогов, психологов, руководителей образования. Создание научной лаборатории в Центре развития одаренности обеспечит целенаправленный характер соответствующих исследований в регионе, в том числе, посредством курсовых, дипломных, магистерских работ студентов. Это обеспечит разработку и внедрение в регионе новых программ сопровождения одаренных детей разного возраста.

та, сохранение и реализацию их высокого потенциала. Управление психопрофилактической и просветительской деятельностью по решению проблем одаренности может осуществляться через специализированные отделы и службы Центра. Так, отдел передового педагогического опыта может организовать конференции, семинары, тренинги для заинтересованных лиц (педагогов и психологов массовых или специализированных школ и классов «для одаренных»; студентов вузов и колледжей; педагогов и психологов; ученых, работающих по проблемам, связанным с обучением, развитием, воспитанием одаренного ребенка). Отдел может осуществлять тесное сотрудничество с учреждениями и движениями региона, занимающимися проблемой развития детской одаренности. Например, в Алтайском крае это движения: «Озарение», «Одаренный учитель – одаренный ученик», «Будущее Алтая» и др. Этой же цели подчинена деятельность информационно-издательского отдела, организующего публикации об одаренных детях региона, их успехах, достижениях, особенностях личности, позволяющих им реализовать себя. Отдел способен управлять расширением учебно-методической базы исследования проблем одаренности в регионе через пополнение литературных источников; составление каталогов книг, статей по проблемам и видам одаренности; издание и популяризация авторских программ для работы с одаренными детьми, пополнение банка видео фрагментов об одаренных детях, видео интервью с их родителями и др.

Особое внимание в Центре развития одаренности должно уделяться работе с семьей, с родителями одаренных детей. Эта задача может быть решена посредством создания особой школы для родителей одаренных детей. Например, «Школа (клуб) позитивной педагогики» для родителей одаренных детей поможет взрослым овладеть методами и приемами воспитания, направленными на развитие позитивного мышления и формирование опыта позитивного отношения к себе и другим, позитивного взаимодействия с окружающими, как у родителей, так и у самих одаренных детей в условиях семейного воспитания. Родители одаренного ребенка часто

сталкиваются с нетипичным поведением или отношением своего ребенка к происходящему. Они оказываются в ситуации неопределенности, испытывают растерянность, не знают, как действовать. Владение методами позитивной педагогики, развитое позитивное мышление позволит родителям положительно воспринимать особенности одаренного ребенка, адекватно реагировать на возможные затруднения во взаимодействии одаренного ребенка со сверстниками и взрослыми, находить позитивный выход и продуктивные решения возникающих воспитательных ситуаций.

Сверхзадача позитивной педагогики – воспитание позитивной личности, обладающей развитым позитивным мышлением и отношением к себе и другим, опытом построения позитивного взаимоотношения с миром. В связи с объективной сложностью в социализации одаренной личности, поставленная задача приобретает особую актуальность. Родителям предлагается овладеть системой методов позитивного воспитания: повседневными, ситуативными и перспективными. Повседневные методы и приемы направлены на решение текущих, сиюминутных задач воспитания одаренного ребенка, ситуативные – помогут в разрешении особых воспитательных ситуаций в семье, вызванных конкретными условиями и обстоятельствами, перспективные – нацелены на достижение долгосрочных задач воспитания личности одаренного ребенка [9].

Учитывая особенности одаренных учащихся (вид одаренности, возраст, состояние здоровья, специфику группы (дети с СДВГ, дети-сироты)), отдел психологического сопровождения и культуры одаренной личности будет управлять процессом психологической поддержки детей в периоды их участия в конкурсах, концертах, соревнованиях. Внедрение в систему работы с одаренными детьми специальных обучающих, воспитывающих методов (тренинг, урок самопознания, консультация и др.) и форм работы (клуб, кружок, летняя психологическая школа, курсы, виртуальный лицей и др.) будет способствовать развитию «Я-концепции» и самореализации одаренного ребенка, преодолению его внутриличностных противоречий, развитию мотивации достижения.

Перечисленные направления деятельности реализуются службами и отделами Центра развития одаренности. Структура и взаимодействие координационного совета, служб и отделов Центра представлены на рисунке 2.

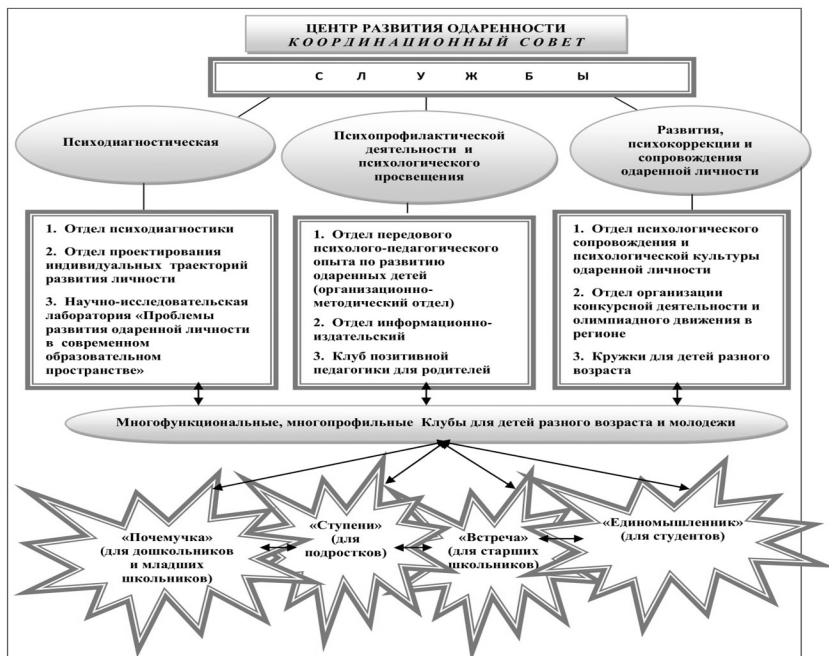

Рис. 2. Модель структурных компонентов Центра развития одаренности в педагогическом университете

Второй уровень управления отражает связи и взаимодействия подструктур внутри педагогического вуза, в системе «Центр развития одаренности – подразделения университета». Уровень внутренних связей Центра включает институты, факультеты, кафедры, центры и лаборатории, в которых осуществляется разноплановая деятельность по выявлению, развитию одаренности и способностей студентов, молодых преподавателей. Прежде всего, это подразделения вуза, которые осуществляют лицензированную деятельность в сфере дополнительного образования детей, школьников, студентов.

Это различные «клубы», школы», «центры», привлекательные для населения Алтайского края и муниципальных образований региона широким спектром дополнительных образовательных услуг, способствующих не только выявлению одаренности, профильных склонностей и способностей детей и молодежи, но и развитию выявленного потенциала в науках, искусстве, спорте, общественной жизни.

Уникальные возможности для работы с одаренными детьми представляются различными научными лабораториями университета. В числе своих функций (специфичных на факультетах), лаборатории могут выполнять исследования, связанные с выявлением одаренных детей, изучением специфики одаренности, определения соответствующего направления в развитии одаренности конкретного ребенка. Лаборатории вуза, конкретные преподаватели могут осуществлять руководство экспериментальными площадками по работе с одаренными детьми в регионе. На базе заинтересованных дошкольных, средних образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования могут создаваться экспериментальные площадки по работе с одаренными детьми. Педагоги-практики нуждаются в грамотном научном сопровождении такой работы, которое способны обеспечить ученые вуза и сотрудники Центра развития одаренности. Управление экспериментальными площадками в регионе посредством научных лабораторий вуза – это проявление внешних связей Центра и университета с образовательными учреждениями региона.

Сложность и риски в управлении системой работы с одаренными детьми в регионе связаны, на наш взгляд, с тем, что траектории управления требуют четкой и обоснованной координации управленческих решений, принимаемых на уровне Центра, его внутренних и внешних связей. Важна координация административных управленческих решений в деятельности вуза в целом и его отдельных подразделений. Подчеркнем, что на уровне внутренних связей основой успеха управленческой деятельности в пространстве педагогического университета является высокопрофессиональная личностная по-

зиция исполнителей, реализующих работу с одаренными детьми с учетом их психических и психологических особенностей; создание скоординированной системы мер и действий подразделений вуза; открытость деятельности исполнительных структур; отсутствие дублирования функций и деятельности; применение и развитие традиционных форм работы университета по развитию одаренных детей; одновременное сочетание поиска и внедрения инновационных форм деятельности с выходом во внешнее социально-образовательное пространство региона, страны.

Третий уровень в системе управления работой с одаренными детьми в регионе (рисунок 1, внешний круг) отражает внешние сетевые и внутрисетевые связи Центра развития одаренности и педагогического университета с различными учреждениями региона. Внешнее управление работой по развитию одаренности реализуется посредством взаимодействия структурных подразделений вуза с учреждениями, центрами и комитетами по образованию в регионе. Прежде всего, в круг внешних связей Центра по развитию одаренности детей необходимо включить образовательные учреждения: детские сады, школы, учреждения дополнительного образования, детские дома, образовательные учреждения для детей с ограниченными возможностями здоровья. Среди детей, посещающих образовательные учреждения различного уровня, часть детей обязательно будут иметь тот или иной вид (художественно-творческая, спортивная, академическая, актуальная, потенциальная, явная, скрытая и др.) и тип развития (гармоничный, дисгармоничный) одаренности.

В работе с одаренными детьми на уровне образовательных учреждений сегодня существует целый комплекс проблем. Зачастую, одаренные дети становятся «неудобными» в массовой практике, педагоги не готовы к работе с такими детьми. Либо воспитание и обучение одаренных детей осуществляется педагогами интуитивно, ведется односторонне, бессистемно. Наиболее типичная ошибка педагогов-практиков в работе с одаренными детьми – усиленное развитие выявленных способностей при недостаточном внимании к воспитанию трудолюбия и ответственности, мотивации к работе

над собой, к налаживанию межличностных отношений одаренного ребенка со сверстниками. Другая проблема – неоправданное дублирование видов и форм работы с одаренными детьми на различных ступенях системы образования. И в детских садах, и в школах, и в учреждениях дополнительного образования проводятся одни и те же конкурсы, тренинги, диагностические методики, порой, без учета возрастной специфики. Такое положение дел существенно затрудняет организацию системной работы с одаренными детьми, может исказить реальную картину выявления одаренных детей, снижать интерес и мотивацию ребенка к участию в проводимых мероприятиях, их эффективность.

В современной практике работа комитетов по образованию с одаренными детьми часто ограничивается их выявлением, составлением списков одаренных детей, в лучшем случае, включением учащихся в олимпиадное движение.

Системный характер развитие одаренности ребенка может приобрести при должном руководстве и научном сопровождении учебно-воспитательного процесса на всех ступенях образования. Такое руководство возможно в рамках экспериментальных площадок, создаваемых на базе указанных образовательных учреждений, либо посредством муниципальных центров по работе с одаренными детьми, либо под патронатом районных и городских комитетов по образованию. При этом важно, чтобы муниципальные центры и комитеты по образованию плотно сотрудничали с региональным центром по развитию одаренности. В этом случае работа может быть построена в русле единой идеи, с четким определением этапов и последовательности действий в достижении ожидаемых результатов. Управление и координация усилий различных образовательных учреждений позволит обеспечить преемственность в работе с одаренными детьми на различных ступенях образования.

Значительную роль в решении поставленной проблемы могут и должны играть муниципальные и региональные комитеты по образованию. Именно на уровне комитетов могут решаться вопросы финансовой поддержки и стимулирования заинтересованных педагогов,

которые готовы взять на себя дополнительные обязанности по работе с одаренными детьми в своем учреждении. Определив круг специалистов, готовых работать с такими детьми, комитет по образованию может обеспечить связь воспитателей, учителей, педагогов с региональным центром развития одаренности: знакомить с единой концепцией развития одаренных детей в регионе, очертить круг задач, решаемых на уровне данного образовательного учреждения; показать перспективу и обеспечить преемственность в организации работы; информировать о проводимых в регионе мероприятиях, направлять педагогов на повышение квалификации, организовывать встречи, конференции, обмен опытом. Специалисты центра смогут помочь в разработке программы развития одаренности для конкретного ребенка или группы детей, имеющих сходные способности, с учетом условий и особенностей воспитания и обучения в данном образовательном учреждении.

Важно, чтобы сопровождение одаренного ребенка было пролонгированным, от диагностики и выявления признаков одаренности – до профессионального становления молодого человека. На ступени профессионального образования к процессу развития одаренности должны подключиться колледжи и вузы. Сегодня, поступая в колледж или вуз, одаренные студенты вынуждены заново искать возможности для приложения своих способностей. Зачастую, время оказывается упущенным. Преподаватели профессиональных образовательных учреждений ориентированы на большую самостоятельность студентов, в то время как выпускники школ приходят с установкой на руководство и сопровождение со стороны взрослых. Поэтому лишь немногие одаренные студенты способны быстро перестроиться и понять, что дальнейшее их развитие теперь находится в их собственных руках, определяется их собственной активностью. Часть ребят постепенно становятся заурядными студентами, «теряются» на этапе профессионального обучения.

Конечно, в любом вузе или колледже есть научные лаборатории, факультативы, кружки, студенческие научные и творческие общества. Однако нет системы включения одаренных студентов в их работу с учетом специфики одаренности. Чаще всего в работу

указанных структур вузов и колледжей включаются социально активные студенты, что далеко не всегда совпадает с наличием у студента соответствующих способностей. Если такое сопровождение одаренного молодого человека будет осуществлять единый центр, то другие вузы и колледжи могут быть изначально информированы о поступлении к ним одаренных выпускников, могут с первых дней учебы заботиться о дальнейшем развитии одаренности своего студента, его профессионального продвижения. В идеале, средние профессиональные образовательные учреждения и высшие учебные заведения могут помогать одаренным студентам ориентироваться и презентовать себя на рынке труда. Успешное трудоустройство одаренных выпускников позволит сохранять таких людей для них самих, для страны, даст возможность им реализоваться в своем регионе, быть полезными для своего народа.

Немаловажным элементом модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе является сотрудничество Центра по развитию одаренности с учреждениями культуры, здравоохранения и спорта. Театры, музеи, библиотеки, спортивные сооружения выступают ресурсной базой для развития определенных видов одаренности – художественно-творческой, музыкальной, академической, исследовательской, спортивной и др. Кроме того, сотрудничество с учреждениями культуры и спорта необходимо для обеспечения гармоничного развития личности одаренного ребенка.

Решение этой задачи невозможно без участия медицинских работников; большинство современных детей и молодых людей имеют те или иные проблемы со здоровьем – ослабленное зрение, нарушение осанки, подверженность простудным заболеваниям, нарушения психологического здоровья и др. Укрепление здоровья одаренного ребенка – гарантия его успешного развития в образовательном процессе и сбережения человеческих ресурсов. Особую актуальность сотрудничество с медицинскими учреждениями приобретает в ситуации сопровождения одаренного ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Проявление и развитие способностей для таких детей, порой, – единственной возможностью успешной социализации

и самореализации в дальнейшем. Грамотное медицинское сопровождение одаренного ребенка с ограниченными возможностями здоровья выступает важным условием его развития.

Таким образом, система внешних связей регионального университетского Центра по развитию одаренности будет обеспечивать взаимодействие различных учреждений региона при решении проблемы выявления, развития, социализации, самореализации и высоких достижений одаренных детей.

Заключение

В процессе анализа научной литературы и социально-образовательной практики, удалось решить следующие задачи исследования: обосновать актуальность разработки и внедрения в национальное образовательное пространство модели системы управления работой с одаренными детьми в регионе, ядром которой может стать Центр развития одаренности, созданный на базе педагогического университета; определить траектории координации, направления и содержание деятельности университетского Центра развития одаренности и других структурных подразделений университета по работе с одаренными детьми в регионе; показать перспективы и траектории сетевого взаимодействия Центра развития одаренности и педагогического университета с образовательными, научными, социально-культурными организациями региона в работе с одаренными детьми. При адаптации представленной модели в конкретном регионе, в ее структуре возможны изменения. Они будут определяться спецификой и миссией региона и педагогического университета, имеющимися традициями и вновь появляющимися возможностями исполнителей. Однако, в целом модель должна быть направлена не только на развитие одаренности ребенка, но и на становление его личности, сохранение здоровья, повышение психологической культуры окружающих взрослых – родителей, других членов семьи, педагогов.

Перспективы дальнейшего исследования заявленной проблемы связаны с апробацией представленной модели управления работой с одаренными детьми в регионе, ее распространением и внедрением

ем в практику; с определением механизмов интеграции инновационной деятельности университета по работе с одаренными детьми в международное и всероссийское научно-образовательное и социальное сообщество; с разработкой показателей результативности системы управления, поиском путей и средств повышения качества управления процессом развития детской одаренности. Использование эффективных управленческих технологий будет способствовать системному решению проблемы развития одаренности личности на общегосударственном уровне.

Список литературы

1. Абатурова В.В. Модель системно-целевого управления развитием работы с интеллектуально одаренными школьниками в регионе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва: ИУО РАО, 2011. 24 с.
2. Бордовский Г.А., Нестеров А.А., Трапицын С.Ю. Управление качеством образовательного процесса. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 359 с.
3. Говорушина Т.К. Тенденции эволюции территориальной системы управления дополнительным образованием в сверхкрупном городе: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Великий Новгород, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2013. 50 с.
4. Загвязинский В.И., Строкова Т.А. Педагогическая инноватика: проблемы стратегии и тактики: монография. Тюмень: ТюмГУ, 2011. 176 с.
5. Занаев С.С. Педагогические условия формирования социальной компетентности одаренных подростков в образовательном пространстве региона: дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2010. 170 с.
6. Исаков В.И. Научно-методическая составляющая деятельности регионального университетского комплекса: дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2000. 156 с.
7. Карпова С.И. Модель образовательного учреждения для работы с одаренными детьми // Педагогика. 2011. № 7. С. 20–27.
8. Карпова С.И. Управление общеобразовательной школой как фактор развития детской одаренности: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Москва, Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова, 2013. 51 с.

9. Колесова С.В. Воспитание личности на основе развития позитивного мышления // Воспитание школьников. 2015. №5. С. 55–61.
10. Кулагина И.Ю. Личность школьника: от задержки психологического развития до одаренности. М.: ТЦ «Сфера», 1999. 192 с.
11. Макарова О.Г. Системно-целевое управление развитием работы с интеллектуально одаренными школьниками в многопрофильной гимназии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, ИУО РАО, 2007. 23 с.
12. Марголис А.А. Рубцов В.В. Государственная политика в сфере образования одаренных учащихся // Психологическая наука и образование. 2011. №4. С. 5–14.
13. Маркова С.В. Педагогическое сопровождение одаренного подростка при проектировании и реализации индивидуального образовательного маршрута: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, Вят. гос. гуманитар. ун-т, 2011. 23 с.
14. Найденова З.Г. Инновационное развитие региональной системы образования: гуманистический подход: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Санкт-Петербург, Ленингр. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2010. 40 с.
15. Парфёнова Г.Л. Социальная компетентность как компонент психологической культуры одаренных старшеклассников: монография. Барнаул: АлтГПА, 2012. 242 с.
16. Рабочая концепция одаренности / Ю.Д. Бабаева, А.В. Брушлинский, В.Н. Дружинин, И.В. Калиш [и др.] / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская, науч. ред. В.Д. Шадриков. М.: Изд-во «Магистр», 2003. 95 с.
17. Савенков А.И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению: учебное пособие. М.: «Ось-89», 2006. 480 с.
18. Фесенко М.В. Социализация одаренных учащихся в образовательном пространстве университета: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, Оренбургский гос. ун-т, 2005. 22 с.
19. Шаяхметова Р.Р. Социальные аспекты управления процессом развития одаренных детей в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, Башкирский гос. ун-т, 2006. 26 с.

20. Щебланова Е.И. Психологическая диагностика одаренности школьников: проблемы, методы, результаты исследований и практики. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 368 с.
21. Шпарева Г.Т. Новые подходы к организации работы с одаренными детьми в условиях города: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 1997. 25 с.
22. Hochbegabung im Kindes und Jugendalter / Ed. by K.A. Heller. Göttingen: Hogrefe, (1992). 2. Auflage. 2001. 509 p.
23. Kholodkova O.G., Parfenova G.L. Gifted youth system of values The Social Sciences (Pakistan). 2015. T. 10. № 7. С. 1608–1613.
24. Montgomery D. Gifted and talented children with special education needs/ Double exceptionality. London: David Fulton Publishers, 2003. 211 p.
25. Powell T., Siegle D. Teacher Bias in Identifying Gifted and Talented Students // National Research Center on Gifted and Talented. Newsletter. 2000. 5th Article.
26. Renzulli J.S. The three-ring conception of giftedness: A developmental model for creative productivity // Conceptions of Giftedness / Ed. by R.I. Sternberg, J.E. Davidson. Cambridge, 1986, pp. 53–92.
27. Sternberg R.J. WICS. // High ability studies. The journal of the European Council for High Ability. 2003. № 2, pp. 5–25.
28. Terrasier J.-Ch. Dysynchrony: uneven development // The psychology of gifted children / Ed. by J. Freeman. Chichester: John Wiley & Sons, 1985, pp. 265–274.
29. Van Tassel-Baska J. Excellence in educating the gifted. Denver: Love-publishingcompany, 1998.

References

1. Abaturova V.V. *Model' sistemno-tselevogo upravleniya razvitiem raboty s intellektual'no odarennymi shkol'nikami v regione* [Model of system-targeted development management of work with intellectually gifted schoolchildren in the region]. Moscow: IUO RAO, 2011. 24 p.
2. Bordovskiy G.A., Nesterov A.A., Trapitsyn S.Yu. *Upravlenie kachestvom obrazovatel'nogo protsessa* [Management of the quality of the educational process]. SPb.: RGPUim. A.I. Gertsena, 2001. 359 p.

3. Govorushina T.K. *Tendentsii evolyutsii territorial'noy sistemy upravleniya dopolnitel'nym obrazovaniem v sverkhkrupnom gorode* [Trends in the evolution of the territorial system of management of additional education in a super-large city]. Velikiy Novgorod, Novgorod. gos. un-tim. Yaroslava Mudrogo, 2013. 50 p.
4. Zagvyazinskiy V.I., Strokovaya T.A. *Pedagogicheskaya innovatika: problemy strategii i taktiki* [Pedagogical innovation: problems of strategy and tactics]. Tyumen': TyumGU, 2011. 176 p.
5. Zanaev S.S. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya sotsial'noy kompetentnosti odarenykh podrostkov v obrazovatel'nom prostranstve regiona* [Pedagogical conditions of formation of social competence of gifted adolescents in the educational space of the region]. Makhachkala, 2010. 170 p.
6. Isakov V.I. *Nauchno-metodicheskaya sostavlyayushchaya deyatel'nost' regional'nogo universitetskogo kompleksa* [Scientific and methodological component of the regional university complex]. Maykop, 2000. 156 p.
7. Karpova S.I. *Pedagogika*. 2011. № 7, pp. 20–27.
8. Karpova S.I. *Upravlenie obshcheobrazovatel'noy shkoly kak faktor razvitiya detskoy odarennosti* [Management of secondary school as a factor in the development of children's giftedness]. Moscow, 2013. 51 p.
9. Kolesova S.V. *Vospitanie shkol'nikov*. 2015. №5, pp. 55–61.
10. Kulagina I.Yu. *Lichnost' shkol'nika: ot zaderzhki psikhologicheskogo razvitiya do odarennosti* [The personality of the student: from the delay of psychological development to giftedness]. M.: TTs «Sfera», 1999. 192 p.
11. Makarova O.G. *Sistemno-tselevoe upravlenie razvitiem raboty s intellektual'no odarennyimi shkol'nikami v mnogoprofil'noy gimnazii* [System-target management of the development of work with intellectually gifted schoolchildren in a multi-disciplinary gymnasium]. Moscow, IUO RAO, 2007. 23 p.
12. Margolis A.A., Rubtsov V.V. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2011. №4, pp. 5–14.
13. Markova S.V. *Pedagogicheskoe esoprovozhdenie odarennogo podrostka pri proektirovanii i realizatsii individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta*

- [Pedagogical support of a gifted teenager in the design and implementation of an individual educational route]. Kirov, Vyat. gos. gumanitar. un-t, 2011. 23 s.
14. Naydenova Z.G. *Innovatsionnoe razvitie regional'noy sistemy obrazovaniya: gumanisticheskiy podkhod* [Innovative development of the regional education system: a humanistic approach]. Sankt-Peterburg, Leningr. gos. obl. un-t im. A.S. Pushkina, 2010. 40 p.
  15. Parfenova G.L. *Sotsial'naya kompetentnost' kak komponent psikhologicheskoy kul'tury odarenykh starsheklassnikov* [Social competence as a component of the psychological culture of gifted high school students]. Barnaul: AltGPA, 2012. 242 p.
  16. Babaeva Yu.D., Brushlinskiy A.V., Druzhinin V.N., Kalish I.V. et al. *Rabochaya kontseptsiya odarennosti* [Working concept of giftedness] / Ed. D.B. Bogoyavlenskaya, V.D. Shadrikov. M.: Izd-vo «Magistr», 2003. 95 p.
  17. Savenkov A.I. *Psikhologicheskie osnovy issledovatel'skogo podkhoda k obucheniyu* [Psychological foundations of the research approach to learning]. M.: «Os'-89», 2006. 480p.
  18. Fesenko M.V. *Sotsializatsiya odarenykh uchashchikhsya v obrazovatel'nom prostranstve universiteta* [Socialization of gifted students in the educational space of the university]. Orenburg, Orenburgskiy gos. un-t, 2005. 22 p.
  19. Shayakhmetova R.R. *Sotsial'nyaspektyupravleniyaprotsessomrazvitiya odarenykhdetey v sovremennomrossiyskomobshchestve* [Social aspects of managing the development of gifted children in modern Russian society]. Ufa, Bashchkirskiy gos. un-t, 2006. 26p.
  20. Shcheblanova E.I. *Psikhologicheskaya diagnostika odarennosti shkol'nikov: problemy, metody, rezul'taty issledovaniy i praktiki* [Psychological diagnosis of gifted students: problems, methods, results of research and practice]. M.: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2004. 368 p.
  21. Shpareva G.T. *Novye podkhody k organizatsii raboty s odarennyimi det'mi v usloviyakh goroda* [New approaches to the organization of work with gifted children in the conditions of the city]. Maykop, 1997. 25 p.
  22. Hochbegabung im Kindes und Jugendalter / Ed. by K.A. Heller. Göttingen: Hogrefe, (1992). 2. auflage. 2001. 509 p.

23. Kholodkova O.G., Parfenova G.L. Gifted youth system of values The Social Sciences (Pakistan). 2015. Т. 10. № 7, pp. 1608–1613.
24. Montgomery D. Gifted and talented children with special education needs / Double exceptionality. London: David Fulton Publishers, 2003. 211 p.
25. Powell T., Siegle D. Teacher Bias in Identifying Gifted and Talented Students. *National Research Center on Gifted and Talented*. Newsletter. 2000. 5th Article.
26. Renzulli J.S. The three-ring conception of giftedness: A developmental model for creative productivity. *Conceptions of Giftedness* / Ed. by R.I. Sternberg, J.E. Davidson. Cambridge, 1986, pp. 53–92.
27. Sternberg R.J. WICS. *High ability studies. The journal of the European Council for High Ability*. 2003. № 2, pp. 5–25.
28. Terrasier J.-Ch. Dysynchrony: uneven development. *The psychology of gifted children* / Ed. by J. Freeman. Chichester: John Wiley & Sons, 1985, pp. 265–274.
29. Van Tassel-Baska J. *Excellence in educating the gifted*. Denver: Love publishing company, 1998.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Парфенова Галина Леонидовна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, Алтайский край, 656031, Российская Федерация
gal.parfyonova@yandex.ru

Колесова Светлана Владиславовна, доцент кафедры теории и методики начального образования, кандидат педагогических наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, Алтайский край, 656031, Российская Федерация
svetlana.kolesova@mail.ru

DATA ABOUTH THE AUTHOR

Parfenova, Galina Leonidovna, Associate Professor of the Department of Psychology, Candidate of Psychological Sciences, Docent
Altai State Pedagogical University
55, Molodezhnaya St., Barnaul, Altaikrai, 656031, Russian Federation
gal.parfyonova@yandex.ru
SPIN-code: 5858 -0816
ORCID: 0000-0003-1149-3210

KolesovaSvetlana Vladislavovna, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Primary Education, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent
Altai State Pedagogical University
55, Molodezhnaya St., Barnaul, Altai krai, 656031, Russian Federation
svetlana.kolesova@mail.ru
SPIN-code: 6162-1272

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-152-174
УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕДАГОГАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ

Садовникова Н.О.

Целью исследования явилось теоретическое обоснование содержания категории «психологический механизм переживания профессионального кризиса личности» и эмпирическое обоснование существования ценностно-смыслового, рефлексивного механизмов, а также механизма опережающего отражения, которые актуализируются в ситуации переживания педагогами профессионального кризиса личности.

Метод и методология проведения работы. Методологической основой работы явились контекстный, системный историко-эволюционный и феноменологический подходы. В качестве организационных методов применялись метод поперечных срезов и лонгитюдный метод. Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством опросных методов: методика биографической рефлексии М.В. Клементьевой, дифференциальный тест рефлексивности Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, феноменологическая анкета «Переживание профессионального кризиса личности».

Результаты. Теоретико-методологический анализ позволил сформулировать определение категории «психологический механизм переживания профессионального кризиса личности», а также обосновать предположение о том, какие психологические механизмы переживания педагогами профессионального кризиса личности актуализируются в ситуации кризиса. Результаты эмпирического исследования позволили достоверно доказать существование ценностно-смыслового, рефлексивного и антиципационного меха-

низмов переживания профессионального кризиса личности. Было установлено изменение смыслов выполняемой деятельности и переоценка ценностей, проявление у педагогов потребности в рефлексии собственных переживаний и состояний. Также отмечено, что в ситуации переживания профессионального кризиса личности у педагога происходит поиск новых смысловых ориентиров, процесс осознания собственного профессионального потенциала.

Область применения. Результаты исследования могут стать эмпирической основой для разработки программ психолого-педагогического сопровождения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности.

Ключевые слова: переживание; психологический механизм; профессиональный кризис личности; ценностно-смысловая сфера; рефлексия; антиципация.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EXPERIENCE OF PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY BY TEACHERS

Sadovnikova N.O.

The purpose of the study was the theoretical substantiation of the content of the category “psychological mechanism of experiencing a professional personality crisis” and empirical substantiation of the existence of value-semantic, reflexive mechanisms, as well as the mechanism of advanced reflection, which are updated in the situation of teachers experiencing a professional personality crisis.

Method and methodology. *The methodological basis of the work was the contextual, systemic historical-evolutionary and phenomenological approaches. As organizational methods, the cross-sectional method and the logistic method were used. The collection of empirical data was carried out by means of survey methods: the technique of biographical reflection of M.V. Klementieva, differential test of reflexivity D.A. Leontyeva, E.N. Aspen, a test of life-oriented orientations of D.A. Leontiev,*

a phenomenological questionnaire “Experiencing a professional personality crisis.”

Results. *Theoretical and methodological analysis allowed to formulate the definition of the categories “experiencing a professional personality crisis”, “psychological mechanism of experiencing a professional personality crisis”, and justify the assumption about which psychological mechanisms experienced by teachers of a professional personality crisis are actualized in a crisis situation. The results of the empirical research allowed to reliably prove the existence of value-semantic, reflexive and anticipatory mechanisms of experiencing a professional personality crisis. It was found a change in the meanings of the activities performed and a reassessment of values, the manifestation of the need for teachers to reflect on their own experiences and states. It was also noted that in a situation of experiencing a professional crisis of personality, a teacher is looking for new semantic orientations, a process of realizing his own professional potential.*

Practical implications. *The results of the study can be an empirical basis for the development of programs of psychological and pedagogical support and teachers who are experiencing a professional personality crisis.*

Keywords: *experience; psychological mechanism; professional personality crisis; value-semantic sphere; reflection; anticipation.*

Введение

Современная образовательная действительность характеризуется перманентными изменениями, затрагивающими как внешние, организационные, так и внутренние содержательные аспекты образования. В нормативных документах Правительства РФ в качестве главенствующей задачи российской образовательной политики обозначено развитие образования в соответствии с актуальными и перспективными потребностями личности, общества и государства и обеспечение его качества при сохранении фундаментальности. Важнейшим фактором, позволяющим реализовать данную целевую установку становится личность педагога, ее способность к

саморазвитию, проектированию новых траекторий своего профессионального развития и преодолению различного рода трудностей профессионального развития.

Одним из видов трудностей профессионального профессионализации современного педагога становится переживание им психологических барьеров профессионального развития, в качестве которых, например, выступает профессиональный кризис личности.

В своих предыдущих исследованиях мы описали феноменологию профессионального кризиса личности педагога и определили его как длительное неравновесное состояние субъекта труда, вызванное рассогласованием ценностно-смысловой сферы личности [14]. Профессиональный кризис личности актуализирует *процесс переживания* – деятельность по устранению дезинтеграции ценностно-смысловой сферы субъекта труда, регулируемой посредством особых психологических механизмов – ценностно-смыслового и рефлексивного механизмов, которые разворачиваются в направлении изменения системы ценностей и смыслового поля сознания, а также посредством антиципационного механизма (механизма опережающего отражения), направленного на поиск новых смыслов профессиональной деятельности и проектирование профессионального будущего [14]. Поскольку в настоящее время исследований, раскрывающих процесс переживания педагогами профессионального кризиса личности нет, мы в настоящей статье ставим цель раскрыть особенности функционирования каждого из обозначенных выше механизмов переживания педагогом профессионального кризиса личности.

Категория «психологический механизм»

Категорию «механизм», согласно уровням методологического анализа (философский, общенаучный, частнонаучный уровни), можно отнести к философскому уровню методологии. На данном уровне методологического анализа понятие механизма определяется в трех направлениях: как внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие; как система,

устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности; как последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие или явление.

Понятие «психологический механизм» анализируется в работах Л.И. Анцыферовой, Н.А. Бернштейна, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Р.Х. Шакурова, А.С. Шарова и др. Это понятие соответствует общенаучному уровню методологического анализа (Л.М. Аболин, В.К. Вилюнас, Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин, Б.Ф. Ломов, А.С. Шаров, и др.). Так с общепсихологической точки зрения, согласно Б.Ф. Ломову, психологический механизм определяется «как система действий, состояний, определяющих процесс или явление» [7]. И что очень важно психологические механизмы, представляя собой некие закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, обеспечивают появление психологических новообразований [3].

Опираясь на работы Л.И. Анцыферовой, Б.Ф. Ломова; А.С. Шарова и ряда других авторов мы под *психологическим механизмом переживания профессионального кризиса личности* понимаем: открытую, целостную и динамическую систему средств внешней и внутренней регуляции жизнедеятельности личности в ситуации профессионального кризиса личности. В качестве таких механизмов выступают рефлексия, ценностно-смысловой механизм и механизм опережающего отражения (антиципация). Кратко обоснуем свои предположения.

Предположение о том, что одним из психологических механизмов переживания профессионального кризиса является рефлексия основывается на работах Л.Г. Жедуновой, А.В. Карпова, М.В. Клементьевой, А.О. Прохорова, Н.О. Саковской и др.

Так в работах указанных авторов отмечается, что рефлексия выступает как глобальный интегративный психологический механизм организации психики человека, с целью более эффективной регуляции взаимодействия человека с миром (Н.О. Саковская) [15], как процесс, свойство и состояние особенно необходимые в тех ситуациях, организация поведения в которых сопряжена с выбором, с

неопределенностью и необходимостью ее преодоления (А.В. Карпов), когда имеет место необходимость изменения психического состояния как неадекватного событию, ситуации и цели деятельности (А.О. Прохоров, А.В. Чернов) [9].

В исследовании особенностей рефлексии в ситуации жизненных или личностных кризисов установлено, что, например, в ситуации жизненного кризиса рефлексия приобретает амбивалентный характер (М.В. Клементьева) [5], в разных типах жизненных кризисов наблюдается разобщенность и дезинтеграция структуры направленности рефлексии, поляризация показателей направленности рефлексии (Н.О. Саковская) [15], на разных этапах переживания личностного кризиса мера присутствия, форма и направленность рефлексии претерпевают изменения, подчиняющиеся определенным закономерностям (Л.Г. Жедунова) [4].

В контексте нашего исследования выдвигается предположение о том, что в ситуации переживания педагогами профессионального кризиса личности происходит актуализация рефлексивных процессов, изменение типа рефлексии и «встраивание» рефлексии в смысловые процессы. Все это заставляет личность простраивать новые границы своего профессионального пространства, искать новые профессиональные горизонты и перспективы профессионального развития. Для педагога значимость рефлексивных механизмов огромна, поскольку именно посредством рефлексии профессионалу удается оставаться субъектом своей профессиональной деятельности.

Еще одним психологическим механизмом переживания педагогами профессионального кризиса личности, является ценностно-смысловой механизм. Предположение об этом основано на работах А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Б.С. Ливехуда, А.К. Марковой, А.О. Прохорова, Н.Р. Салиховой, В.А. Серого, В.Э. Чудновского, А.С. Шарова, Р. Шакурова, Г. Шихи и др.

В кризисные моменты развития личности запускается механизм модификации ценностно-смысловой сферы личности (А.К. Маркова, Б. Ливехуд, Г. Шихи), изменения социальной ситуации разви-

тия могут привести к глубоким перестройкам всей совокупности личностных смыслов (А.Г. Асмолова, Ф.Е. Василюка, Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева), а трудности профессионального развития, стрессовые ситуации и неудачи побуждают человека переосмыслить свое отношение к профессии, выработать новый взгляд на нее, степень адекватности смысла жизни существенно обуславливает характер профессионального самоопределения (В.Э. Чудновский, Г.А. Вайзер, Е.Е. Вахромов, Н.Л. Карпова, А.В. Суворов).

Об изменениях ценностно-смысловой сферы говорят и зарубежные исследователи, анализируя экзистенциальные кризисы (R.K. James [17], A. Olson [18], D. Ulich [21]).

Вышесказанное позволяет предположить, что сущность ценностно-смыслового механизма переживания профессионального кризиса личности заключается в *трансформации системы личностных ценностей*, что проявляется в изменения характера взаимосвязей в системе ценностей и степени значимости их для педагога, а также в *трансформации системы личностных смыслов*. Такая трансформация запускается, когда педагог, переживая профессиональный кризис личности, не имея возможности наделить смыслом существующую ситуацию профессионального развития, стремится найти ее значение для себя. При этом его внимание и восприятие становится ограниченным, ограниченным каким-то временным локусом: «будущего», «настоящего», «прошлого» (например, педагог обращается к прошлому, поскольку тогда, в то время у него были возможности резервы, горизонт будущего был более необъятным и пр.). Такая «временная» фиксация приводит к своеобразному «смысловому десинхрозу» (Серый В.А.) [10].

Говоря об антиципации в переживании профессионального кризиса личности, отметим, что антиципация является важным психологическим механизмом, обеспечивающим в целом адекватность поведения человека. В работах Л.И. Анцыферовой, К.А. Абульхановой-Славской, Б.Ф. Ломова, Л.А. Регуш, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Суркова раскрываются различные аспекты антиципации, значимые в контексте нашего исследования. Так, по мнению Л.И. Анцыферо-

вой предвосхищение возникновения трудной ситуации влияет на формирование психологической готовности к встрече с негативным событием или поиск путей ее предотвращения [2]. В работах Л.И. Анцыферовой мы встречаем утверждение о том, что поскольку основным способом бытия личности является развитие, то постоянная экстраполяция себя в будущее, а своего отдаленного будущего в свое настоящее – это и есть проявление желания развиваться [2].

В работах К.А. Абульхановой-Славской антиципация является необходимым компонентом смыслообразования (планирования будущего), ответственности (предвидение последствий своих действий), организации времени жизни (опережающее и своевременное планирование) [1].

Рассматривая антиципацию как неотъемлемое свойство психики Б.Ф. Ломов, Л.А. Регуш, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Сурков раскрывают когнитивную, регулятивную и коммуникативную функции психики. Когнитивная функция антиципации заключается в познании будущего в его самых различных формах. Регулятивная функция обеспечивает готовность к встрече с событиями, упреждение их в поведении, планирование действий. Коммуникативная функция антиципации состоит в готовности, планирования, предсказуемости процессов общения.

На наш взгляд, именно когнитивная и регулятивная функции играют важную роль в переживании педагогами профессионального кризиса личности.

На основе анализа работ вышеперечисленных авторов обозначим несколько позиций, раскрывающих антиципационный механизм переживания профессионального кризиса личности. Во-первых, нужно отметить, что антиципация является компонентом смыслообразования. В процессе переживания профессионального кризиса личности будущее существует в сознании личности как некий идеал, к которому она стремится. Цели, ценности личности выступают ориентирами в построении вероятностной модели будущего. Не имея возможности реализовать в актуальной профессиональной ситуации свои потребности, личность изменяет и обогащает систе-

му ценностей и смыслов, сопоставляя ее с возможным профессиональным будущим.

Во-вторых, антиципация играет особую роль в психической регуляции поведения и деятельности и обеспечивает готовность субъекта к встрече с событиями, планированию действий. Механизма антиципации обеспечивает формирование цели, планирование и программирование поведения и деятельности по преодолению ситуации профессионального кризиса личности. Антиципация включается в процесс принятия личностью решения о своем профессиональном будущем, в процессы текущего контроля за процессами совладания с кризисом и пр.

В-третьих, неэффективность антиципации приводит к повышению вероятности невротического расстройства личности. В клинической психологии накоплен большой эмпирический материал, подтверждающий факт того, что неспособность личности предвосхищать ход событий и собственное поведение во фрустрирующих ситуациях, приводит к развитию невроза. Ситуация профессионального кризиса личности является безусловно ситуацией фрустрации. Будучи неспособным спланировать свое поведение и деятельность по совладанию с профессиональным кризисом личности, педагог, тем самым, увеличивает вероятность неблагоприятного разрешения кризиса, вплоть до ухода в пограничные состояния.

Материалы и методы

Для эмпирического исследования психологических механизмов переживания педагогами профессионального кризиса личности нами использовались следующие методы исследования:

1. Теоретические (анализ, сравнение): были проанализированы работы отечественных и зарубежных авторов по теме исследования и сформулированы основные предположения относительно содержания психологических механизмов переживания педагогами профессионального кризиса личности.

2. Организационные методы (метод поперечных срезов, лонгитюд) обеспечивающие процедурные аспекты исследования. Метод

поперечных срезов использовался при сравнении разных групп испытуемых по параметрам рефлексии, ценностно-смысловой сферы и антиципации. Лонгитюд применялся для получения данных, позволяющих описать изменения в ценностно-смысловой сфере личности педагога и преодоления им ситуации профессионального кризиса личности.

3. Эмпирические методы (феноменологическая анкета, опросники). Для сбора эмпирических данных использовались:

- методика биографической рефлексии М.В. Клементьевой [5], направленная на оценку уровня биографической рефлексии. Биографическая рефлексия проявляется в механизмах познания, идентификации и интерпретации личностью процессов, явлений и событий жизни и обеспечивает саморегуляцию жизненного пути, участвуя в процессах порождения смыслов жизни.
- дифференциальный тест рефлексивности Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, позволяющий исследовать выраженность таких параметров рефлексивности как арефлексия, интроспекция, системная рефлексия и квазирефлексия [6].
- тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева (адаптированная версия теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL, Дж. Крамбо и Л. Махолика) направлен на изучение осмысленности жизни и позволяет выявить особенности смысла о жизненных ориентациях личности (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией), которые соотносятся соответственно с целью (будущим), процессом (настоящим) и результатом (прошлым).
- тест «Способность к прогнозированию» Л.А. Регуш, нацеленный на диагностику прогностических способностей, которые являются психологическим предиктором опережающего отражения [11, 12].
- опросник «Стиль саморегуляции поведения» (автор В.И. Моросанова), направленный на диагностику стилей саморегуляции, прежде всего, параметров планирования поведения и деятельности, лежащего в основе антиципации [8].

- авторская анкета «Переживание профессионального кризиса личности» [20], разработанная на основе феноменологического метода, который позволяет исследовать богатство и глубину человеческого переживания и который предназначен для изучения личности, имеющей опыт переживания или способной хотя бы минимально его описать (Varela F.J., Shear J. Dukes, Polkinghorne) [22, 16, 19].

3. Методы математической статистики (дескриптивная статистика, корреляционный анализ) для обработки эмпирических данных.

Опытно-экспериментальной базой исследования выступили общеобразовательные организации Свердловской области Российской Федерации. Всего в исследовании приняли участие 170 человек. В группу педагогов, переживающих кризис, вошли 70 человек. Остальные педагоги (80 человек) были отнесены к группе сравнения. Средний возраст участников – 36 лет, стаж – 15 лет. Все испытуемые имеют педагогическое образование.

Результаты исследования

Опытно-поисковое исследование психологических механизмов переживания педагогами профессионального кризиса личности проводилось в три этапа. На первом этапе исследования был осуществлен теоретический анализ литературы с целью обоснования психологических механизмов переживания педагогами профессионального кризиса личности. На втором этапе исследования был осуществлен сбор эмпирических данных. На третьем этапе исследования был проведен математический анализ данных с применением дескриптивной статистики и корреляционного анализа (t -критерий Спирмена).

Первым направлением анализа результатов исследования было выделение, на основании анализа анкет, группы педагогов, переживающих профессиональный кризис личности. Критериями отнесения педагогов к группе переживающих профессиональный кризис личности являлись: самооценка педагогом ситуации профессиональной деятельности как кризисной; общий эмоциональный фон самоотчета

на момент обследования; характер оценивания профессиональной деятельности; характер оценивания себя как профессионала. Подтверждение предположений о функционировании психологических механизмов переживания педагогами профессионального кризиса личности осуществлялось в дальнейшем именно на этой группе.

Обратимся к анализу результатов.

Отправной точкой анализа результатов исследования явились ответы педагогов на вопросы феноменологической анкеты [20]. Одним из блоков этой анкеты явился блок вопросов о переживании педагогом профессионального кризиса. Анализ результатов показывает, что для многих педагогов переживание профессионального кризиса сопровождается рефлексией содержания профессиональной деятельности (18% всех ответов испытуемых), затем актуализируется рефлексия внутреннего мира (13% всех ответов испытуемых) и социального окружения (13% всех ответов испытуемых). Совокупное количество ответов испытуемых, акцентирующих внимание на рефлексивных аспектах переживания профессионального кризиса личности, составило 51%. Другими словами чуть более половины педагогов отмечают необходимость анализа себя, своего профессионального пути, своих профессиональных достижений в процессе переживания ими профессионального кризиса личности.

Полученные результаты были дополнены данными, полученными с помощью методики биографической рефлексии (М.В. Клементьева) и дифференциального теста рефлексивности Д.Н. Леонтьева и Е.Н. Осина. А именно, доказательством того, что рефлексия является психологическим механизмом переживания профессионального кризиса личности стали результаты корреляционного анализа контент-аналитических категорий и параметров рефлексии (с применением коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена). Так было установлено положительная взаимосвязь между *инстропспекцией* (дифференциальный тест рефлексивности Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина) и контент-аналитической категорией *переживание кризиса* ($r = 0,37$, при $p \leq 0,5$). Также было выявлено наличие отрицательной взаимосвязи между *конфигуративной рефлексией* и контент-аналитической

категорией *эмоциональные переживания* ($r = -0,39$, при $p \leq 0,5$). А *личностная составляющая биографической рефлексии* положительно связана с контент-аналитической категорией *тоска и опустошение* ($r = 0,53$, при $p \leq 0,1$).

Анализируя полученные результаты, мы можем сделать вывод о том, что в ситуации переживания профессионального кризиса личности у педагога актуализируется потребность в рефлексии собственных переживаний и состояний. При этом, как отмечается Е.А. Осиным и Д.А. Леонтьевым, интроспекция направлена, прежде всего, на внутренний мир человека, а не на анализ внешней ситуации. Другими словами, в ситуации профессионального кризиса личности, в силу высокой социальной значимости профессии педагога, и на фоне потери профессиональной перспективы и смысла профессиональной деятельности, главная задача, которая возникает у педагога это задача на понимание себя, поиск новых ресурсов. Но, поскольку, интроспекция, которая запускается в ситуации кризиса, не затрагивает внешней, объективной социально-профессиональной ситуации, высока вероятность неконструктивного разрешения кризиса.

Анализируя наличие взаимосвязи *личностной составляющей биографической рефлексии* (методика биографической рефлексии М.В. Клементьевой) с категорией *тоска-опустошение* (феноменологическая анкета) мы можем отметить, что поскольку личностная составляющая рефлексии характеризует процесс наделения смыслами поступков и событий жизни, осознание личностных свойств, проявляющихся в событиях жизни, то в ситуации переживания педагогами профессионального кризиса личности, когда у них нарастает чувство тоски и опустошения от того, что профессия потеряла смысл, нет к ней интереса, актуализируется процесс поиска себя, поиска новых смысловых ориентиров, процесс осознания собственного профессионального потенциала. Конфигуративная же рефлексия характеризует процесс формирования контекста жизненного пути. В свете этого, пиковые эмоциональные переживания, сопровождающие ситуацию профессионального кризиса личности, блокируют

процесс проектирования жизненного пути, который предстает перед личностью как разорванная, фрагментарная картина.

Итак, переживание педагогами профессионального кризиса личности актуализирует процесс рефлексии себя, своего состояния и переживаний. У педагогов снижается уровень рефлексии собственного профессионального и жизненного пути в силу эмоциональных переживаний.

Для подтверждения предположения о существовании ценностно-смыслового механизма переживания педагогами профессионального кризиса личности нами были совокупно проанализированы ответы испытуемых на вопросы феноменологической анкеты, раскрывающие общее мироощущение до кризиса и вопросы, раскрывающие деятельность по преодолению кризиса. Как видно из ответов педагогов, в период до профессионального кризиса профессиональная перспектива, будущее были понятны. Все педагоги отмечали, что видели смысл своей работы, профессиональные задачи воспринимали с энтузиазмом, вдохновением.

Анализ ответов педагогов, характеризующих процесс переживания профессионального кризиса, позволяет сделать вывод о том, что в ситуации кризиса педагоги начинают остро воспринимать оценку своей деятельности. Многие отмечали появление негативных внешних оценок: *«боязнь осуждения»*, *«чувствовала себя «белой вороной»»*, *«я не смогу стать хорошей»*, *«отношение коллег как конкуренту»*, *«сплетни, давление»*, *«непонимание со стороны начальства»*, *«не принятие как коллеги»* и пр. (21% всех ответов).

Размытая временная профессиональная перспектива или её отсутствие (12% всех ответов) и, как следствие, актуализация потребности в выборе дальнейшего сценария профессиональной жизни проявилась в таких ответах: *«нужна ли мне эта профессия»*, *«будет ли она интересна в будущем»*, *«хотелось уйти на другое место работы»*, *«профессиональное будущее безрадостное»*, *«профессиональное будущее – все как всегда и будет только хуже»* и пр. Нужно отметить, что в докризисный период образ профессии включал в себя профессиональные планы и возможности самореализации (16% всех ответов).

Анализируя ответы испытуемых на вопросы, касающиеся процесса переживания профессионального кризиса, мы установили, что 30% ответов педагогов свидетельствуют о том, что переживание педагогами профессионального кризиса личности сопровождается трансформацией ценностно-смысловой сферы личности. Так на основе анализа анкет педагогов было установлено, что переживание профессионального кризиса личности сопряжено с изменением смыслового контекста работы (21% всех ответов). Многие педагоги отмечали: *«мне казалось, что все забывается»*, *«тетради на проверку домой перестала брать»*, *«мне не удастся понять нужно ли мне это»*, *«стала меньше реагировать на требования родителей»*, *«теперь силой воли заставляю себя идти, профессиональные обязанности выполняю по привычке, автоматически»*, *«смысл стал – уберечь своего ребенка от того, что сейчас в детских садах...»*, *«очень разочаровала система образования»*, *«я стала по-другому смотреть на свою деятельность»* и др. 9% всех ответов педагогов – это ответы доказывающие, что процесс переживания профессионального кризиса личности сопровождается изменением иерархии жизненных сфер.

Полученные результаты подтверждаются данными, полученными с помощью теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. При среднем уровне значений смысложизненных ориентаций в целом по выборке, педагогам, переживающим кризис, свойственно снижение показателей выраженности смысложизненных ориентаций, что подтверждает выдвинутые предположения о том, что в профессиональный кризис затрагивает смысловую сферу личности и запускает процессы ее трансформации.

Так, было установлено, снижение значения показателя *«цели в жизни»* ($X_{ср} = 34,34$), который характеризует наличие или отсутствие в жизни педагога целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Показатели по шкале *«результативность жизни или удовлетворенность самореализацией»* ($X_{ср} = 25,08$) также имеют низкий уровень выраженности. Данный показатель отражает оценку пройденного от-

резка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть.

Полученные результаты свидетельствует о том, что в ситуации профессионального кризиса для педагога характерно жить сегодняшним днем, не планируя будущего, поскольку оно малопонятно, а профессиональная перспектива неясна, педагоги не видят смысла в своей деятельности. При этом педагоги преимущественно не удовлетворены и прожитой частью жизни, в силу чего у них возникает потребность в ревизии собственных достижений, рефлексии опыта и собственных возможностей. Кроме того, недовольство прошлым может быть обусловлено ощущением, что имеющийся багаж профессиональных знаний и умений в нынешних условиях профессиональной деятельности не может обеспечить достижение декларируемых социально-профессиональной средой задач.

Подтверждением данных о трансформации ценностно-смысловой сферы стали ответы на блок вопросов, характеризующих процесс преодоления кризиса. Наибольшее количество ответов набрала подкатегория – *актуализация личностного ресурса*. Педагоги отмечали, что для разрешения профессионального кризиса им понадобились *«терпение и спокойствие»*, *«поняла, что если не можешь изменить ситуацию – измени отношение к ней»*, *«уверенность в себе»*, *«оптимизм»*, *«уверенность в своих знаниях и своих силах»*, *«стрессоустойчивость»*, *«уверенность, что кризис закончиться, мотивация»* и пр. Еще одним важным для нас результатом, стал результат, свидетельствующий о том, что в процессе переживания педагогами профессионального кризиса личности происходит изменение характера деятельности (11% всех ответов). В эту категорию вошли такие ответы как: *«в то время я подала документы на высшее образование»*, *«я поняла, что надо что-то дальше делать и выходить из ситуации кризиса»*, *«мне предложили интересную подработку»*, *«сменить деятельность»*, *«участвую в конкурсах и побеждаю»* и пр.

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что в сознании педагога происходит переоценка ценностей, поиск новых смыслов жизнедеятельности.

Обратимся к описанию результатов, свидетельствующих о том, что в ситуации переживания педагогами профессионального кризиса личности начинает действовать механизм опережающего отражения.

Корреляционный анализ позволил установить, что существуют значимые взаимосвязи между значениями способности к прогнозированию, контент-аналитическими категориями феноменологической анкеты и параметрами саморегуляции поведения и деятельности. Так мы установили, что способность к прогнозированию связана с таким параметром саморегуляции как *программирование* ($r=0,534$, при $p \leq 0,01$), а также с такими контент-аналитическими категориями как *возможность творческой самореализации* ($r=0,418$, при $p \leq 0,05$), *рефлексия внутреннего мира* ($r=0,397$, при $p \leq 0,05$), *хобби и увлечения* ($r=0,418$, при $p \leq 0,05$). Опишем указанные результаты.

Поскольку основной аспект опережающего отражения связан со способностью педагога к прогнозированию, предвосхищению будущего и определению путей развития настоящего, то закономерно предположить, что способность педагога к прогнозированию будет определять и возможность планирования им своего поведения и деятельности. Следствием этого будет успешное переживание профессионального кризиса личности за счет четкого проектирования своего профессионального будущего и себя в контексте этого будущего. Механизм антиципации обеспечивает формирование цели, планирование и программирование поведения и деятельности по преодолению ситуации профессионального кризиса личности. Антиципация включается в процесс принятия личностью решения о своем профессиональном будущем, в процессы текущего контроля за процессами совладания с кризисом и пр.

Далее немаловажно отметить, что процессы опережающего отражения невозможны без активизации рефлексивных процессов, чему мы находим подтверждение, анализируя связь способности к прогнозированию и параметров рефлексии внутреннего мира: именно посредством этого происходит поиск ресурсов для проживания педагогом ситуации профессионального кризиса личности и дальнейшая творческая самореализация педагога.

Ну и в заключение нужно отметить, что несформированность способности к прогнозированию и, как следствие, неэффективность антиципации приводит к повышению вероятности деструктивного выхода из профессионального кризиса личности. Подтверждением этому стали отрицательная взаимосвязь между способностью к прогнозированию и такой контент-аналитической категорией как *утрата профессиональной идентичности* ($r=-0,456$, при $p \leq 0,05$). Этот результат свидетельствует о том, что неспособность к прогнозированию своего будущего приводит к появлению так называемого профессионального отчуждения – утрате профессиональной идентификации с педагогической профессией, что может иметь серьезные негативные последствия, вплоть до усиления деструкции личности педагога.

Заключение

В ходе исследования мы ставили задачу раскрыть психологические механизмы переживания педагогами профессионального кризиса личности. На основании анализа работ отечественных и зарубежных исследователей мы сформулировали определение категории «психологический механизм переживания профессионального кризиса, под которым мы понимаем: открытую, целостную и динамическую систему средств внешней и внутренней регуляции жизнедеятельности личности в ситуации профессионального кризиса личности. В качестве таких механизмов выступают рефлексия, ценностно-смысловой механизм и механизм опережающего отражения (антиципация).

В ходе нашего эмпирического исследования мы установили, что

1. Рефлексивный механизм переживания профессионального кризиса личности обеспечивает нахождение новых профессиональных горизонтов, перспектив профессионального развития.
2. Работа ценностно-смыслового механизма переживания профессионального кризиса личности приводит к тому, что постепенно с изменением иерархии ценностей и формированием

иной смысловой реальности, происходит переоценка прошлого и настоящего и построение личностью будущего, посредством проектирования новой профессиональной перспективы. В ходе этой внутренней, сложной работы происходит трансформация ценностно-смысловой сферы личности; вносятся изменения в содержание, структуру деятельности, тем самым выводя ее на уровень творчества.

3. Антиципация, как механизм переживания профессионального кризиса личности, обеспечивает нахождение новых профессиональных горизонтов, перспектив профессионального развития. Для профессионала значимость антиципационных механизмов огромна, поскольку именно посредством антиципации личности удается оставаться субъектом своей профессиональной деятельности и сохранять психологическое благополучие.

Результаты нашего исследования имеют важное практическое значение, поскольку позволяют спроектировать и реализовать программы психолого-педагогического сопровождения педагогов с учетом особенностей переживания ими профессионального кризиса личности.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Психологические механизмы переживания педагогами профессионального кризиса личности», проект № 16-36-01031-ОГН\18.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. Москва: Мысль, 1991. 299 с.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита// Психологический журнал. 1997. №1. С. 3–18.

3. Анцыферова Л.И. Сознание и действия личности в трудных жизненных ситуациях // Психологический журнал. 1991. Т.12, №1. С. 23–31.
4. Жедунова Л.Г. Феноменологическое исследование субъективного опыта переживания личностного кризиса// Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Том II (Психолого-педагогические науки). С. 238–243.
5. Клементьева М.В. Понятие биографической рефлексии и методика ее оценки // Культурно-историческая психология. 2014. № 4. С. 80–93.
6. Леонтьев Д.А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 110–135.
7. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 424 с
8. Моросанова В.И. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–127.
9. Прохоров А.О., Чернов А.В. Рефлексивная регуляция психических состояний // Ученые записки казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Том 154. № 6. С. 244–257.
10. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов / А.В. Серый. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2002. 183 с.
11. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: способность, ее развитие и диагностика. Киев. 1997. 88 с.
12. Регуш Л.А. Психология прогнозирования. Успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.
13. Садовникова Н.О., Заннони Ф. Психологические особенности переживания педагогами профессионального кризиса личности // Образование и наука 2018. №3 (20). С. 83–99.
14. Садовникова Н. О. Профессиональный кризис личности педагога: содержание и основные признаки // Научный диалог. 2016. №11 (59). С. 400–411.
15. Саковская О.Н. Направленность рефлексии в кризисе профессионального развития // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 114–116.

16. Dukes S. Phenomenological methodology in the human sciences. *Journal of Religion and Health*, 1984. 23 (3), 107–203. [cited 2016 Jul 13]; Available from: <http://link.springer.com/article/10.1007%2FBF00990785>
17. James R.K., Gilliland B.E. *Crisis Intervention Strategies*. Belmont: CA: Wadsworth, 2001. 352 p.
18. Olson A. The theory of Self-actualization: mental illness, creative and art. *Psychology Today*. Режим доступа: <https://www.psychologytoday.com/blog/theory-and-psychopathology/201308/the-theory-self-actualization>. (дата обращения 28.08.2018).
19. Polkinghorne D. *Phenomenological research methods. Existential phenomenological perspectives in psychology exploring the breadth of human experience: with special on transpersonal psychology / R.S. Valle, S. Halling (Eds.)*. New York: Plenum Press, 1989. 45.
20. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O., Kuzmina O.Y. Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14), pp. 6898–6912.
21. Ulich D., Hausser K., Mayring Ph., Strehmel P., Kandler M., Degenhardt B. *Psychologie der Krisenbewältigung. Eine Längsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern*. Weinheim: Beltz. 1985. 244 p.
22. Varela F.J., Shear J. First-person accounts: why, what, and how. The view from within: First-person approaches to the study of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 1999, pp. 2–3. [cited 2016 Jul 13] / 1–14; Available from: http://www.imprint.co.uk/pdf/VFW_intro-duc.pdf

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl', 1991. 299 s. (In Russ.)
2. Antsyferova L.I. *Psikhologicheskij zhurnal*. 1997. №1, pp. 3–18. (In Russ.)
3. Antsyferova L.I. *Psikhologicheskij zhurnal*. 1991. V.12., №1. S. 23–31. (In Russ.)
4. Zhedunova L.G. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2012. № 1, V. II, pp. 238–243 (In Russ.)

5. Klement'eva M.V. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2014. № 4, pp. 80–93. (In Russ.)
6. Leont'ev D.A., Osin E.N. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ehkonomiki*. 2014. № 4, pp. 110–135. (In Russ.)
7. Lomov B.F. *Sistemnost' v psikhologii* [Systematic in psychology]. Voronezh: NPO «Modehk», 1996. 424 p. (In Russ.)
8. Morosanova V.I. *Voprosy psikhologii*. 2000. № 2, pp. 118–127. (In Russ.)
9. Prokhorov A.O., Chernov A.V. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2012, V. 154. № 6, pp. 244–257. (In Russ.)
10. Seryj A.V. *Psikhologicheskie mekhanizmy funkcionirovaniya sistemy lichnostnykh smyslov* [Psychological mechanisms of functioning of the system of personal meanings]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat. 2002. 183 p. (In Russ.)
11. Regush L.A. *Psikhologiya prognozirovaniya: sposobnost', ee razvitie i diagnostika* [Psychology of forecasting. Successes in knowledge of the future]. Kiev. 1997. 88 p. (In Russ.)
12. Regush L.A. *Psikhologiya prognozirovaniya. Uspekhi v poznanii budushhego* [Psychology of forecasting: ability, its development and diagnostics]. SPb.: Rech', 2003. 352 p. (In Russ.)
13. Sadovnikova N.O., Zannoni F. *Obrazovanie i nauka* 2018. №3 (20), pp. 83–99. (In Russ.)
14. Sadovnikova N.O. *Nauchnyj dialog*. 2016. №11 (59), pp. 400–411. (In Russ.)
15. Sakovskaya O.N. *Vestnik Yaroslavskogo gos. un-ta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2011. № 3, pp. 114–116. (In Russ.)
16. Dukes S. Phenomenological methodology in the human sciences. *Journal of Religion and Health*, 1984. 23 (3), 107–203. [cited 2016 Jul 13]; Available from: <http://link.springer.com/article/10.1007%2FBF00990785>
17. James R.K., Gilliland B.E. *Crisis Intervention Strategies*. Belmont: CA: Wadsworth, 2001. 352 p.
18. Olson A. The theory of Self-actualization: mental illness, creative and art. *Psychology Today*. <https://www.psychologytoday.com/blog/theory-and-psychopathology/201308/the-theory-self-actualization>.
19. Polkinghorne D. Phenomenological research methods. *Existential phenomenological perspectives in psychology exploring the breadth of human*

- experience: with special on transpersonal psychology / R.S. Valle, S. Halling (Eds.). New York: PlenumPress, 1989. 45.
20. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O., Kuzmina O.Y. Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14), pp. 6898–6912.
21. Ulich D., Hausser K., Mayring Ph., Strehmel P., Kandler M., Degenhardt B. Psychologie der Krisenbewältigung. Eine Längsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern. Weinheim: Beltz. 1985. 244 p.
22. Varela F.J., Shear J. First-person accounts: why, what, and how. The view from within: First-person approaches to the study of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 1999, pp. 2–3. [cited 2016 Jul 13]/ 1–14; Available from: http://www.imprint.co.uk/pdf/VFW_introduc.pdf

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Надежда Олеговна, заведующая кафедрой профессиональной педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
ул. Машиностроителей, 11, г. Екатеринбург, 620012, Российская Федерация
nosadovnikova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Nadezhda Olegovna, Head of Department, Department of Professional pedagogy and Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor
Russian State Vocational Pedagogical University
11, Mashinostroitelej Str., Yekaterinburg, 620012, Russian Federation
nosadovnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8738-3996
Scopus Author ID: 57191169642

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-8-175-188
УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ И УРОВНЯ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

Сизова Я.Н.

***Актуальность.** Неблагоприятные социально-экономические условия, демографические, культурные, социальные, экономические изменения современного общества характеризуются многочисленными кризисными и негативными ситуациями и, тем самым, обращают интерес учёных к исследованию проблем поведения человека в таких условиях.*

***Цель данного исследования:** проанализировать способы преодоления трудностей и особенности волевой регуляции у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В качестве **методов исследования** выступили: методика диагностики личностной беспомощности (М.О. Климова, Д.А. Циринг), опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» (С.С. Гончарова), опросник «Контроль за действием» (Ю. Куль). **В результате** проведённого сравнительного анализа было выявлено: 1) испытуемые с личностной беспомощностью чаще преодолевают негативные ситуации при помощи стратегий «Самообвинение» и «Поиск виновных», а их сверстники с самостоятельностью чаще совладают посредством копинг-стратегии «Повышение самооценки»; 2) уровень волевой регуляции у подростков с признаками самостоятельности выше, чем у их сверстников с личностной беспомощностью.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты исследования могут оказаться полезными при разработке рекомендаций родителям и педагогам по развитию навыков регуляции поведения у подростков.*

Выводы. Выявленные особенности волевой регуляции и копинг-поведения у подростков с личностной беспомощностью говорят о слабости эмоционально-волевого контроля, о неспособности управлять событиями собственной жизни, эффективно преодолевать различные жизненные трудности, о непринятии такими подростками себя и других.

Ключевые слова: личностная беспомощность; самостоятельность; совладающее поведение; способ преодоления трудностей; копинг-стратегия; волевая регуляция.

THE STUDY OF THE WAYS OF COPING WITH THE DIFFICULTIES AND THE LEVEL OF VOLITIONAL REGULATION IN ADOLESCENTS WITH PERSONAL HELPLESSNESS

Sizova Ya.N.

Relevance. Unfavorable socio-economic conditions, demographic, cultural, social, economic changes in modern society are characterized by numerous crisis and negative situations and, thus, attract the interest of scientists to study the problems of human behavior in such conditions. **The purpose of this study:** to analyze ways to overcome difficulties and features of volitional regulation in adolescents with personal helplessness and independence.

As **methods** of the study: the technique of diagnostics of personal helplessness (M. Klimova, D. Tiring), the questionnaire “Ways of overcoming negative situations” (S. Goncharova), the questionnaire “The monitoring of action” (Yu. Kul).

As a **results** of the comparative analysis it was revealed: 1) subjects with personal helplessness often overcome negative situations with the help of strategies “self-Blame” and “search for the guilty”, and their peers with independence often cope through coping strategy “self-esteem”; 2) the level of volitional regulation in adolescents with signs of independence higher than their peers with personal helplessness.

***The scope of the results.** The results of the study may be useful in the development of recommendations to parents and teachers on the development of skills of regulation of behavior in adolescents.*

***Summary.** The revealed features of volitional regulation and coping behavior in adolescents with personal helplessness indicate the weakness of emotional and volitional control, the inability to manage the events of their own lives, effectively overcome various life difficulties, the rejection of such adolescents themselves and others.*

***Keywords:** personal helplessness; independence; coping behavior; way of coping difficulties; coping-strategy; volitional regulation.*

Введение

Неблагоприятные социально-экономические условия оказывают непредсказуемое и неподконтрольное психологическое воздействие не только на взрослых, но и на детей, подростков. Среда, в которой живёт и развивается ребёнок, влияет на его личность, способствует формированию такой системной характеристики как личностная беспомощность. Данное образование личностного уровня может выступать в качестве препятствия при разрешении подростками задач своего возрастного периода, накладывая определённый отпечаток на последующие периоды развития индивида [6, 11].

Концепция личностной беспомощности активно разрабатывается в отечественной школе психологии (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Ю.В. Честюнина, Е.А. Евстафеева, И.В. Пономарева, М.О. Климова и др.). В рамках субъектно-деятельностного подхода, являющегося теоретико-методологической основой концепции, личностная беспомощность определяется как «качество субъекта, представляющее собой единство определённых личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности» [11]. Эмпирическим путём было доказано, что личностная беспомощность детермини-

руется стилем взаимоотношений в семье, поощряющими низкий уровень дифференциации у детей: доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, жестокое обращение и неустойчивый тип воспитания (по классификации Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса) [12].

Необходимо отметить, что автором концепции личностной беспомощности Д.А. Циринг доказана континуальная природа личностной беспомощности. Так, противоположной характеристикой личностной беспомощности выступает самостоятельность субъекта, обуславливающая высокий уровень субъектности. Самостоятельность как устойчивое качество субъекта диагностируется при наличии таких показателей как оптимистический атрибутивный стиль, достаточно высокая самооценка, низкий уровень депрессии и тревожности [5, 11]. Личностная беспомощность диагностируется при противоположных показателях: пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, заниженная самооценка [5, 11]. Следует отметить, что и самостоятельность, и личностная беспомощность не сводятся к сумме перечисленных показателей, а представляя собой целостную системную характеристику личности, обретают новые качества.

Личностная беспомощность направлена на изменение информации о трудных жизненных ситуациях с целью ослабления их психотравмирующего воздействия на личность, обеспечивает субъекту приспособительный эффект за счёт восприятия событий как неподконтрольных ему. Снижение напряжения в стрессовых условиях происходит посредством убеждения личности в неспособности повлиять на ситуацию и уменьшения попыток активного вмешательства в ситуацию. Глубинные личностные образования, в нашем случае личностная беспомощность и самостоятельность, обуславливая своеобразие способов решения жизненных проблем, определяют выбор субъектом способов преодоления трудностей, особенности совладающего поведения.

Понятие «совладание» отражает достаточно широкую психологическую реальность. Совладание понимается как индивидуальный способ взаимодействия с трудной ситуацией, определяемый, с одной стороны, её субъективной значимостью для человека, и, с другой,

его собственными психологическими возможностями [1]. В контексте психологии субъекта совладающее поведение рассматривается как поведение, «позволяющее субъекту с помощью осознанных действий способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией» [7].

Природа и характер ситуации (объективные обстоятельства) в сочетании с личностными особенностями (субъективный аспект) определяют стратегии поведения субъекта, способы преодоления негативных ситуаций: от активного взаимодействия с источником трудностей до ухода из поля проблемной ситуации [13, 14]. Способ преодоления мы определяем, как сознательно регулируемое действие личности, которое разворачивается в когнитивной, поведенческой или эмоциональной сфере [2]. Копинг-стратегия включает ряд способов преодоления, разворачивающихся в одной или нескольких сферах жизнедеятельности, объединенных общим смыслом, логикой и отношением человека к миру [2].

В процессе решения жизненных проблем человеку приходится сталкиваться с трудностями, преодоление которых может осуществляться с помощью волевой регуляции. Ю. Куль выделяет два типа волевой регуляции: самоконтроль и саморегуляцию [3]. Индивидуальная предрасположенность человека к тому или иному типу волевой регуляции определяется его волевой диспозицией: ориентацией на действие или ориентацией на состояние. Субъекты с ориентацией на действие успешнее реализуют свои намерения в действии и являются более устойчивыми по отношению к стрессам. Людям, ориентированным на состояние, свойственны высокий уровень внутреннего конфликта, эмоциональное напряжение, сосредоточение на обстоятельствах, препятствующих исполнению намерения [3, 4].

Особенности волевой регуляции обусловлены «внутренними» условиями, личностными характеристиками субъекта. В связи с вышеизложенным нам представляется важным проанализировать предпочитаемые способы преодоления трудностей и особенности волевой регуляции у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Материалы и методы

Исследование способов преодоления трудностей и уровня волевой регуляции у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью проводилось на базе общеобразовательных школ г. Челябинска. Выборку испытуемых составили 294 обучающихся 7–10 классов. Следует отметить, что данное исследование является продолжением ранее проведённого на меньшей выборке [8, 9]. С увеличением количества испытуемых мы подтвердили полученные ранее результаты, а также получили новые данные о способах преодоления трудностей подростками с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Первый этап исследования заключался в формировании выборки испытуемых с признаками личностной беспомощности и выборки испытуемых с признаками самостоятельности. Для выявления личностной беспомощности у подростков применялась методика диагностики личностной беспомощности (Д.А. Циринг, М.О. Климова). Диагностика позволила выявить подростков, для которых характерны признаки самостоятельности (N=91), личностной беспомощности (N=115) и испытуемых с промежуточными значениями (N=88).

Второй этап исследования был связан с изучением особенностей преодоления трудностей в сформированных группах. Для исследования данного аспекта использовался опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» (С.С. Гончарова). И на третьем этапе исследования были выявлены особенности волевой регуляции в группах подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью при помощи опросника «Контроль за действием» Ю. Куля. Статистическим инструментом сравнительного анализа на втором и третьем этапах исследования выступил непараметрический критерий U-Манна–Уитни.

Результаты

Совладание с трудностями происходит по-разному у подростков с личностной беспомощностью и их сверстников с самостоятельностью. В таблице 1 представлены результаты сравнительного анализа

предпочитаемых способов преодоления трудностей подростками с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Таблица 1.

Сравнительный анализ способов преодоления трудностей у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью

Способы преодоления негативных ситуаций	Средний ранг		U	p
	ЛБ	С		
Поиск поддержки	6,27	6,91	2,11	0,149
Повышение самооценки	5,89	6,91	5,03	0,027
Самообвинение	7,22	4,22	62,69	0,000
Анализ проблемы	4,95	5,51	1,74	0,189
Поиск виновных	6,58	4,2	40,3	0,000
Условные обозначения: ЛБ – подростки с личностной беспомощностью С – подростки с самостоятельностью				

В результате сравнения показателей способов преодоления стрессовых ситуаций у испытуемых были обнаружены значимые различия по шкалам «Самообвинение», «Поиск виновных» и «Повышение самооценки». По остальным шкалам различий не выявлено.

Высокие показатели по шкале «Самообвинение» свидетельствуют о том, что человек, находящийся в условиях стресса, склонен к поискам причины случившегося в себе, отказывается от попыток исправить ситуацию, субъект испытывает психологический дискомфорт, который характеризуется непринятием себя. Основная активность проявляется в мыслях о случившемся, сочетающихся с пессимистическим отношением к происходящему [2].

Подростки с личностной беспомощностью чаще, чем самостоятельные подростки, в сложных ситуациях критикуют и обвиняют себя, испытывают жалость к себе, беспокоятся о происходящем, оказываются неспособными проявлять активность с целью совладания с ситуацией ($U=62,69$, $p=0,000$). Это согласуется с данными проведённого ранее исследования личностных особенностей беспомощных подростков, которые характеризуются повышенной тревожностью, пессимистическим атрибутивным стилем, склонностью к чувству вины, пониженной самооценкой [10, 11].

Также были обнаружены различия между самостоятельными подростками и их ровесниками с личностной беспомощностью по шкале «Поиск виновных» ($U=40,3$, $p=0,000$). Респонденты, у которых повышены показатели по данной шкале, характеризуются снятием с себя ответственности за происходящее, перекладыванием её на других или на ситуацию в целом, склонны к выражению раздражения и злости, направленных на других. Самостоятельные подростки реже, чем их беспомощные сверстники, прибегают к использованию данной копинг-стратегии. Подростки с личностной беспомощностью характеризуются более выраженной враждебностью, связанной с внутренними эмоциональными переживаниями, недоверием и осторожным отношением к людям, мыслями о несправедливости окружающей действительности. Это подтверждается данными исследования эмоциональных особенностей беспомощных испытуемых, для которых характерны низкий контроль эмоций, импульсивность, аффективность, зависимость от настроений, обидчивость [11].

Обращает на себя внимание тот факт, что шкалы «Самообвинение» и «Поиск виновных», характеризующие эмоциональные стратегии преодоления, имеют разную направленность: на себя и на других. Так, подростки с личностной беспомощностью в зависимости от ситуации отдают предпочтение одной из двух стратегий преодоления, связывают обвинение себя в случившемся с обвинением в адрес других и, тем самым, отличаются от самостоятельных подростков, значимо реже использующих данные копинги.

Между изучаемыми группами беспомощных и самостоятельных подростков были получены статистически достоверные различия по шкале «Повышение самооценки» ($U=5,03$, $p=0,027$). Данный способ преодоления трудностей позволяет индивиду выйти из поля проблемной ситуации за счёт акцентирования внимания на прошлых достижениях и успехах, а также путём принятия субъектом ситуации как не поддающейся контролю. Такой субъект, погружаясь в заботы других людей, решает подвластные ему задачи, тем самым укрепляя свою самооценку. Свои же собственные проблемы вос-

принимаются подростком как неизбежные или независимые от его действий. Преодоление трудностей за счёт повышения самооценки предполагает осознание подростком с самостоятельностью своей личностной ценности и свидетельствует о стремлении управлять собственной жизнью.

Исследование волевой регуляции позволило выявить значимые различия в группах подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью по всем показателям: контроль за действием при планировании ($U=721,0$, $p=0,001$), контроль за действием при реализации ($U=829,0$, $p=0,010$), контроль за действием при неудаче ($U=448,0$, $p=0,000$).

Результаты проведённого сравнительного анализа показывают, что уровень волевой регуляции у подростков с признаками самостоятельности выше, чем у их сверстников с личностной беспомощностью. Низкий показатель контроля за действием при планировании у «беспомощных» испытуемых говорит о недостаточной способности в процессе инициации действия отвлекаться от неполноценных, конкурирующих намерений. Таким субъектам сложнее приступить к реализации деятельности, планы подвержены частой смене, поставленная цель редко бывает достигнута. Самостоятельные подростки, напротив, оказываются ориентированными на действие, отличаются решительностью и настойчивостью при планировании деятельности.

Контроль за действием при реализации ориентирован на состояние у испытуемых с личностной беспомощностью. В процессе выполнения деятельности субъект акцентирует внимание на собственном состоянии, а не на процессе реализации действия, отличается низкой настойчивостью и малой эффективностью деятельности. При реализации намерения самостоятельные подростки оказываются ориентированными на действие, способны сконцентрироваться на выполняемой деятельности, проявляют большую гибкость при переключении с одного вида деятельности на другой.

При неудаче контроль за действием у респондентов с личностной беспомощностью характеризуется ориентацией на состояние. То есть,

беспомощные испытуемые испытывают трудности инициации процесса реализации намерения в ситуациях, которые могут привести к недостижению цели. Подростки, переживая о возможной неудаче, отвлекаются от активных действий. Субъект с самостоятельностью, несмотря на стрессовые условия, способен инициировать процесс реализации намерения, способен начинать и прекращать действия, изменять и направлять их, концентрируясь в меньшей степени на мыслях о недостижении цели.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, демографические, культурные, социальные, экономические изменения современного общества, характеризуются многочисленными кризисными и негативными ситуациями и, тем самым, обращают интерес учёных к исследованию проблем поведения человека в таких условиях. Природа и характер ситуации (объективные обстоятельства) в сочетании с личностными особенностями (субъективный аспект) определяют стратегии поведения субъекта.

Субъект с личностной беспомощностью в условиях совладания со стрессом и негативной ситуацией, с целью достижения условной психологической безопасности прибегает к копинг-стратегиям «Самообвинение» и «Поиск виновных», избегая активного воздействия на ситуацию.

Подростки с самостоятельностью чаще чем их сверстники с личностной беспомощностью преодолевают трудности за счёт акцентирования внимания на прошлых достижениях и успехах, повышения самооценки. Также, в результате исследования уровня волевой регуляции было выявлено, что самостоятельные подростки в большей мере ориентированы на действие, чем их ровесники с личностной беспомощностью. Выявленные особенности волевой регуляции и копинг-стратегии, предпочитаемые «беспомощными» подростками, говорят о слабости эмоционально-волевого контроля у подростков с личностной беспомощностью, о неспособности управлять событиями собственной жизни, эффективно

преодолевать различные жизненные трудности, о непринятии такими подростками себя и других.

Полученные результаты исследования могут оказаться полезными при разработке рекомендаций родителям и педагогам по развитию навыков регуляции поведения у подростков, а также являются предпосылками дальнейшего исследования совладающего поведения и особенностей волевой регуляции у подростков с личностной беспомощностью различного типа (манипулятивного, адаптивного, защитного).

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 17-36-01097-ОГН-18 «Особенности регулятивной функции субъекта с различным типом личностной беспомощности (на примере подросткового возраста)») и при поддержке гранта ФПМУ ЧелГУ («Особенности совладающего с трудностями поведения у подростков с личностной беспомощностью», 2018 г.).

Список литературы

1. Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 1(3). <http://psystudy.ru/num/2009n1-3/54-belinskaya3>
2. Гончарова С.С. Процедура создания опросника «Способы преодоления негативных ситуаций»: психометрическая оценка и стандартизация // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 56–67.
3. Ильин Е.П. Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009.
4. Климова М.О. К проблеме воли в психологии // Материалы V съезда Общероссийской общественной организации. Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»; выпускающий редактор О.В. Решетникова. 2012. С. 446–447.
5. Климова М.О., Циринг Д.А. Диагностика личностной беспомощности у подростков: разработка и апробация психодиагностического инструментария // Сибирский психологический журнал. 2017. № 66. С. 130–140.

6. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
7. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 5. С. 147–153.
8. Пономарева И.В., Сизова Я.Н. Способы преодоления негативных ситуаций у субъектов с личностной беспомощностью // Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». Под редакцией А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. 2017. С. 645–647.
9. Сизова Я.Н., Евстафеева Е.А., Эвнина К.Ю. Преодоление стрессовых ситуаций подростками с личностной беспомощностью // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 1–2 (76–77). С. 69–71.
10. Циринг Д.А. Особенности совладающего поведения и психологических защит у подростков с личностной беспомощностью // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 5. С. 167–172.
11. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности. 2010.
12. Циринг Д.А., Пономарева И.В., Честюнина Ю.В., Евстафеева Е.А., Эвнина К.Ю. Особенности семейных взаимоотношений, детерминирующие формирование личностной беспомощности у подростков // Сибирский психологический журнал. 2016. № 59. С. 22–33.
13. Cocorada E., Mihalaşcu V. Adolescent coping strategies in secondary school // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Volume 33, pp. 188–192. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.01.109>.
14. Salavera C., Usán P., Pérez S., Chato A., Vera R. Differences in Happiness and Coping with Stress in Secondary Education Students // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2017. Volume 237, pp. 1310–1315. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.215>.

References

1. Belinskaya E.P. *Psichologicheskie issledovaniya*. 2009, no 1(3). <http://psystudy.ru/num/2009n1-3/54-belinskaya3>

2. Goncharova S.S. *Psichologicheskij zhurnal*. 2005, no 3, pp. 56–67.
3. Il'in E.P. *Psichologiya voli* [Psychology of the will]. St. Petersburg.: Piter, 2009.
4. Klimova M.O. *Materialy V s"ezda Obshcherossijskoj obshchestvennoj organizacii. Obshcherossijskaya obshchestvennaya organizaciya «Rossijskoe psichologicheskoe obshchestvo»* [Materials of the V Congress of the all-Russian public organization. All-Russian public organization "Russian psychological society"]. 2012, pp. 446–447.
5. Klimova M.O., Tsiring D.A. *Sibirskij psichologicheskij zhurnal*. 2017, no 66, pp. 130–140.
6. Kraig G., Bokum D. *Psychology of development* [Psichologiya razvitiya]. St. Petersburg: Piter, 2005, 940 p.
7. Kryukova T.L. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 2008, vol. 14, no 5, pp. 147–153.
8. Ponomareva I.V., Sizova Ya.N. *Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh «Psichologiya – nauka budushchego»* [Proceedings of the VII international conference of young scientists 'Psychology – the science of the future']. 2017, pp. 645–647.
9. Sizova Ya.N., Evstafeeva E.A., Evnina K.Yu. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*. 2018, no 1–2 (76–77), pp. 69–71.
10. Tsiring D.A. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sociokinetika*. 2009, vol. 15, no 5, pp. 167–172.
11. Tsiring D.A. *Psichologiya lichnostnoj bespomoshchnosti* [Psychology of personal helplessness]. Moscow: Academia, 2010.
12. Tsiring D.A., Ponomareva I.V., Chestyunina Yu.V., Evstafeeva E.A., Evnina K.Yu. *Sibirskij psichologicheskij zhurnal*. 2016, no 59, pp. 22–33.
13. Cocorada E., Mihalaşcu V. Adolescent coping strategies in secondary school. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012, vol. 33, pp. 188–192. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.01.109>.
14. Salavera C., Usán P., Pérez S., Chato A., Vera R. Differences in Happiness and Coping with Stress in Secondary Education Students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017, vol. 237, pp. 1310–1315. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.215>.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сизова Яна Николаевна, преподаватель кафедры психологии
Челябинский государственный университет
Бр. Кашириных, 129, Челябинск, 454001, Российская Федерация
sizova159@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sizova Yana Nikolaevna, Lecturer of the Department of Psychology
Chelyabinsk State University
129, Bratiev Kashirinikh st., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation
sizova159@yandex.ru
SPIN-code: 2960-1491
ORCID: 0000-0001-9000-7238
ResearcherID: B-4702-2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://ej.soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0 по тексту
Рисунки	(1)
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://ej.soc-journal.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ СТАРЕНИЯ Гудзовская А.А.	6
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЕ У МУЖЧИН С РАЗНОЙ САМООЦЕНКОЙ Зарубко Е.Ю.	23
ЛИЧНОСТНЫЕ И НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ КАТЕГОРИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАНИЯ И КОНФЕССИИ Колениченко И.А., Воронкина Л.Б.	47
ОШИБОЧНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ГОМОФОБИЯ» В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Лысов В.Г.	66
КИБЕР-БУЛЛИНГ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ШКОЛЬНЫХ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ДЛЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ Осадчая А.В., Макарова Е.А.	88
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ВНУТРЕННИХ КОНФЛИКТОВ Пайгунова Ю. В., Лопухова О.Г.	105
МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАБОТОЙ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ В РЕГИОНЕ Парфенова Г.Л., Колесова С.В.	123

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕДАГОГАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ Садовникова Н.О.	152
ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ И УРОВНЯ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ Сизова Я.Н.	175
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	189

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

SELF-REPRESENTATIONS OF OLDERLY PEOPLE WITH DIFFERENT AGING TYPES Gudzovskaya A.A.	6
REPRESENTATIONS OF IDEAL WOMEN AMONG MEN WITH DIFFERENT LEVELS OF SELF-ESTEEM Zarubko E.Yu.	23
PERSONAL AND IMMUTABLE CATEGORIES OF THE EDUCATORS’ IDENTITY DEPENDING ON EDUCATION AND CONFESSION Kolinichenko I.A., Voronkina L.B.	47
SUBJECTIVITY AND PROBLEM OF THE APPLICATION OF THE TERM “HOMOPHOBIA” IN SOCIAL AND SCIENTIFIC DEBATES Lysov V.G.	66
CYBER-BULLING AS VARIETY OF SCHOOL BULLYING AND COPING STRATEGIES TO OVERCOME IT Osadchaya A.V., Makarova E.A.	88
PSYCHOLOGICAL TOURISM AS A FACTOR OF RECOVERY OF PERSONAL IDENTITY AND METHOD OF RESOLUTION OF INTERNAL CONFLICTS Paigunova Y.V., Lopukhova O.G.	105
REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM MODEL IN EDUCATING GIFTED CHILDREN Parfenova G.L., Kolesova S.V.	123
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EXPERIENCE OF PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY BY TEACHERS Sadovnikova N.O.	152

THE STUDY OF THE WAYS OF COPING WITH THE DIFFICULTIES AND THE LEVEL OF VOLITIONAL REGULATION IN ADOLESCENTS WITH PERSONAL HELPLESSNESS Sizova Ya.N.	175
RULES FOR AUTHORS	189

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.

Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology
are always open and free access.

Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://ej.soc-journal.ru/>

Подписано в печать 30.08.2018. Дата выхода в свет 30.08.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP98/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.